

Università degli Studi di Padova
Dipartimento di Lingue e Letterature Anglo-Germaniche e Slave

Глагольный вид: грамматическое значение и контекст
III Конференция Комиссии по Аспектологии
Международного Комитета Славистов

Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context
Third Conference of the International Commission on Aspectology
of the International Committee of Slavists

30 Settembre – 4 Ottobre 2011

Биаспектив и контекст

Наш список двувидовых глаголов (биаспективов) состоит из 1028 единиц, в том числе исконно славянского происхождения (около 40 глаголов) и заимствованные, которые мы разделяем на две группы: общеупотребительные и функционально ограниченные. В докладе будет представлен анализ 437 заимствованных общеупотребительных глаголов с целью выяснения особенностей их функционирования в современном русском дискурсе. Мы рассмотрели около 45 тысяч контекстов различных стилей речи последнего 20-летия. Критерии определения вида биаспектива в контексте описаны в [1, 2, 3]. Двувидовой глагол может функционировать преимущественно одним виде (СВ или НСВ), но не следует забывать о наличии контекстов конкуренции видов, где в результате нейтрализации определить однозначно видовое значение биаспектива нельзя.. Полученные данные представлены в таблицах:

заимствованные общеупотребительные биаспективы (437 глаголов)				
СВ > НСВ (СВ - более 60%)		НСВ > СВ (НСВ – более 60%)		СВ ≈ НСВ
220 глаголов (50 %)		132 глагола (30%)		85 глаголов (20%)
> 90% в СВ	< 90 % в СВ	> 90% в НСВ	< 90 % в НСВ	
90 глаголов (21%)	130 глаголов (29%)	47 глаголов (12%)	85 глаголов (18%)	

количественный анализ употребления конкретных глаголов:

Доминирует СВ (от 93% до 99,5%)	Доминирует НСВ (от 68,5% до 99,5%)
1. бронировать [99,5%] 2. военизировать [97,8%], 3. гофрировать [93%], 4. костюмировать [99,7%], 5. моторизовать [99%], 6. романизовать [98], 7. автоматизировать [92%], 8. авторизовать [97%], 9. переорганизовать [95%], 10. специализировать [99%], 11. театрализировать [98%], 12. унифицировать [97%], 13. централизовать [96%], 14. цивилизовать [97%].	1. массировать [99,5%], 2. недоиспользоваться [98,9%], 3. кредитоваться [98,5%], 4. фиксироваться [97%], 5. лидировать [97%], 6. анализировать [96,6%], 7. моделировать [93%], 8. проектировать [93%], 9. пародировать [88,7%], 10. демонстрировать [88 %], 11. рекламировать [81 %], 12. символизировать [75,4%], 13. продюсировать [75,2%], 14. провоцировать [68,5%].

Глагол функционирует преимущественно в НСВ в следующих случаях:

1. При наличии префиксального коррелята (дублировать (90% в НСВ) → продублировать, сдублировать; дегустировать (93% в НСВ) → продегустировать; демонстрировать (88 % в НСВ) → продемонстрировать; провоцировать (68,5% в НСВ) → спровоцировать; проектировать (93% в НСВ) → спроектировать; рекламировать (81% в НСВ) → прорекламировать; кредитоваться (98,5% в НСВ) → прокредитоваться; фиксироваться (97% в НСВ) → зафиксироваться; анализировать (96,6% в НСВ) → проанализировать ; моделировать (93% в НСВ) → промоделировать, смоделировать и др.
2. При условии превалирования значения процессуальности над результативностью: *тоницировать, массировать* и др.; зачастую со значением «*быть, являться кем-то или чем-то*»: *лидировать, продюсировать, провоцировать, символизировать*. Многие из этих глаголов очень редко используются в СВ, чаще всего нами отмечалась нейтрализация.

Однако несмотря на то, что глагол в большинстве случаев выступает как глагол НСВ, он может также иметь активно функционирующие в дискурсе параллельные суффиксальные

образования, как, например, глагол *дезорганизоваться* (80% в НСВ) — *дезорганизовываться* или *реализоваться* (79% в НСВ) — *реализовываться*.

Глагол функционирует преимущественно в СВ в следующих случаях:

1. При условии, что наиболее активной формой, в которой двувидовой глагол функционирует в дискурсе, является форма страдательного причастия СВ на – НН: *гофрировать*, *моторизовать*, *военизировать*, *театрализовать*, *специализировать*, *цивилизировать*, *централизовать*, *бронировать*, *романизовать*, *костюмировать*, *коррумпируют* и др.
2. При наличии суффиксального коррелята (переорганизовать (95% в СВ) – переорганизовывать, демобилизовать (91% в СВ) – демобилизовывать).
3. При условии превалирования значения результативности над процессуальностью: муниципализировать (95% в СВ), натурализовать (89% в СВ), инфицировать (76% в СВ), разбалансировать (91% в СВ), унифицировать (97% в СВ), госпитализировать (94% в СВ) и др.
4. Группа глаголов, образованных от двувидовых основ при помощи приставок: перетелеграфировать, перередактировать, переквалифицировать, перепародировать, децентрализовать, дооборудовать и др.

Однако преимущественное использование глагола в СВ не является предпосылкой для образования новой пары НСВ, наоборот, глагол может иметь параллельно активно функционирующие префиксальные дериваты: *лицензировать* (63% в СВ) – *пролицензировать* и *залицензировать*; *оптимизировать* (60% в СВ) – *соптимизировать* и др. Таким образом, в результате контекстного анализа заимствованных общеупотребительных двувидовых глаголов нам удалось определить особенности их функционирования на современном этапе развития языка. Во-первых, 50% проанализированных нами глаголов выступает в контексте преимущественно в СВ; во-вторых, были выявлены глаголы, которые функционируют преимущественно в одном из видов, либо в СВ, либо в НСВ, однако остаются двувидовыми глаголами; в-третьих, у 15 глаголов (3% от общего количества) были обнаружены новые значения, функционирующие как в СВ, так и в НСВ. В докладе будут представлены примеры взаимодействия биаспективов с контекстом и показано влияние контекста на определение вида двувидового глагола.

Ju. D. Apresjan (Institut problem peredači informacii im. A.A. Charkeviča RAN, Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova RAN, Moskva)

Вид в активном словаре русского языка

1. Некоторые определения.

- (а) Интегральное лингвистическое описание – описание грамматики и словаря, согласованное по типам помещаемой в них информации и по формальным языкам ее записи; такое описание обеспечивает реальное взаимодействие грамматики и словаря.
- (б) Лексема – слово, рассматриваемое в одном из имеющихся у него значений, но во всей совокупности существенных для этого значения свойств – семантических, синтаксических, сочетаемостных, морфологических, коммуникативно-просодических и др.; существенными считаются свойства на которые ссылаются какие-то правила языка.
- (в) Лексическая сфера действия правила: множество лексем, к которым оно применимо.
- (г) Семантическая мотивированность правила – возможность объяснить его применимость ссылкой на один и тот же смысл в толкованиях всех лексем, входящих в сферу его действия; для глагольной лексики это чаще всего принадлежность к какому-то классу или подклассу фундаментальной (Маслов – Вендлер) классификации предикатов.
- (д) Лексикализация граммемы (например, НЕСОВ, НАСТ, ПОВЕЛ, ДЕЕПР и т.п.) – отсутствие у нее каких-то прототипических свойств или наличие каких-то свойств, отличных от прототипических, когда она входит в состав данной лексемы.

Главный вопрос, возникающий в рамках интегрального лингвистического описания, – вопрос о том, какие языковые факты должны описываться в грамматике, а какие – в словаре, чтобы в результате получилось исчерпывающее и избыточное описание языка. Самый общий ответ: чем шире лексическая область действия правила, чем более оно семантически мотивировано и чем менее лексикализована соответствующая граммема, тем больше вероятность того, что оно должно быть описано в грамматике; чем уже лексическая область действия правила, чем оно менее семантически мотивировано и чем больше лексикализована соответствующая граммема, тем больше вероятность того, что оно должно быть описано в словарной статье соответствующих лексем.

Перечисленные факторы логически независимы друг от друга и имеют разную силу. Их комбинации порождают интересные группы явлений с точки зрения разделения труда между грамматистом и лексикографом. Проиллюстрируем некоторые из этих групп. В качестве примеров в докладе будет рассматриваться только такой материал, который либо еще не описывался лексикографически, либо описывался неполно или неправильно. В ряде случаев помимо новых материалов я пользуюсь некоторыми уже введенными мною в оборот примерами, но почти всегда в каких-то отношениях уточненными.

2. Примеры взаимодействия грамматики и лексики и место их описания

2.1. Интерпретационные глаголы, форма НЕСОВ

Примеры интерпретационных глаголов: *выручать*, *грешить*, *ошибаться*, *подводить* (кого-л.), *преувеличивать* и т.п. Интерпретационным называется глагол X, который не обозначает никакого конкретного действия, а лишь квалифицирует какое-то конкретное действие Y с логической, этической, юридической или иной общественно значимой точки зрения. При этом Y является семантическим и синтаксическим актантом X-а и обычно присоединяется к X-у в форме ДЕЕПР, которая в данном случае не имеет ни одного из обычно приписываемых ДЕЕПР значений, а обозначает содержание действия X:

- (1) а. Вы очень меня выручили, одолжив мне эту сумму,
б. Он ошибается, думая, что пьеса провалилась.

Семантически все интерпретационные глаголы в любых формах результативны и поэтому в форме НЕСОВ не имеют актуально-длительного и процессного значений.

Указанное аспектуальное свойство характеризует все интерпретационные глаголы, семантически стопроцентно мотивировано и должно описываться в грамматике, хотя граммема НЕСОВ слегка лексикализована (в составе интерпретативов имеет не весь набор видовых значений НЕСОВ).

2.2. Глаголы внутреннего состояния, форма ПОВЕЛ

Материал – глаголы со значением знания, мнения и эмоций. Если у них есть форма ПОВЕЛ, она никогда не имеет прототипического значения побуждения, а семантические наращения в этой форме для отдельных глаголов и групп глаголов весьма специфичны.

- (2) *Знай, что она тебя любит <не любит>*) = ‘Я знаю, что Р; я считаю, что знание Р важно для тебя; поэтому я хочу, чтобы ты знал Р; поэтому я говорю тебе: Р’;
- (3) *Считай, что тебе повезло <что я проиграл>*) = ‘Можешь считать, что Р; у меня есть некоторые соображения насчет Р, которые не позволяют мне вполне согласиться с таким мнением’ (указание на недосказанность);
- (4) *Думай, что хочешь* (фразема) = ‘Можешь думать, что хочешь; мне безразлично, что именно ты думаешь’ (с похожей модальностью возможности).
- (5) а. *(Опять лжешь!) Стыдись!* = ‘Должен стыдиться’;
б. *Радуйся, наши выиграли!* = ‘Можешь радоваться’.

Хотя глаголы принадлежат к одному и тому же семантическому классу (стативы со значением внутренних состояний), ни у одной из форм ПОВЕЛ нет прототипического для

нее значения побуждения к действию; более того, в каждом из случаев (2) – (5а, б) есть семантические наращения, по большей части модальные, причем в разных случаях разные; естественное место для описания этих свойств – словарь. См. также пункт 4.3 ниже.

2.3. Глагольные лексемы *смотреть 10* и *глядеть 10*, форма НАСТ

Глаголы *смотреть 10* и *глядеть 10* имеют эвиденциальное и нарративное значение ‘неожиданно для себя стать наблюдателем какого-то интересного факта’ (ср. *глядь*).

- (6) а. *Вышел на опушку – смотрю <гляжу, смотрит, глядит> – заяц бежит.*
б. *Вышли на опушку – смотрим <глядим, смотрят, глядят> – заяц бежит.*
в. **Вышел на опушку – смотришь <глядишь> – заяц бежит.*

У них есть только формы НАСТ 1-Л и НАСТ 3-Л обоих чисел. Отсутствие формы 2-Л в ее прототипическом значении (см. (6в)) не случайно: фразы в 2-Л ненормативны, потому что нарративность глагола несовместима с диалогичностью всего высказывания.

Интересно, что относительно обобщенно-личного значения такие высказывания правильны, потому что в них восстанавливается возможность нарративного понимания.

- (7) *Вышел на опушку – смотришь <глядишь> – заяц бежит.*

Поскольку лексическая сфера действия правила – всего две лексемы, место этого правила – в словаре.

2.4. Разные глаголы с формой ДЕЕПР на *-учи, -ючи*

Формы ДЕЕПР вида *глядючи, едучи, идучи, кидючи, сидючи* и т.п. даются во всех толковых словарях, но характеризуются только в стилистическом аспекте, причем с большим разнообразием даже в пределах одного словаря. Так, в МАСе *глядючи* – нар-поэт., *едучи* – устар. и прост., *идучи* – разг., *играючи* – разг.; последнее – очевидный ляпсус, потому что в современном русском языке *играючи* употребляется только как наречие, а как форма ДЕЕПР устарело.

Ни в одном словаре не отмечается основное семантическое свойство этой формы ДЕЕПР – нарративность (ср. *смотреть 10* и *глядеть 10* выше) и, следовательно, несовместимость с диалоговостью. Нельзя сказать

- (8) **Едучи в Москву, ты остановился в Твери.*

Главная же ошибка состоит в том, что информация о возможности форм ДЕЕПР на *-учи, -ючи* приписывается всему глагольному слову в целом. На самом деле они возможны только у основных лексем глаголов с именем человека в роли Агенса.

- (9) а. *Глядячи как-то в окно, она заметила странный экипаж рядом с домом,*
б. *Едучи в Москву, я на два дня остановился в Твери;*
(10) а. **Глядячи на вещи просто, он не придавал значения должностям и званиям;*
б. **Едучи в Москву, поезд ненадолго остановился в Твери.*

Поскольку данная форма ДЕЕПР в высокой степени лексикализована, а глаголы, в парадигму которых она входит, не имеют никаких общих семантических признаков, место указанных правил – в словаре.

В дальнейшем, рассуждая о виде, мы рассматриваем лишь такие факты, которые во всей полноте могут быть описаны только лексикографически, т.е. в словаре.

3. Вид и лексическое значение глагола (парадигматика вида)

3.1. Набор видовых форм (грамматическая парадигма)

3.1.1. Глагол *держать*. Толковые словари допускают для него только форму НЕСОВ во всех значениях. Однако у него есть одно лексически связанное значение (назовем его *держать 9*), в котором он имеет нормальный коррелят СОВ *сдержать*:

- (11) а. *держать слово <обещание> (НЕСОВ),*
б. *сдержать слово <обещание> (СОВ).*

Пара *держать* 9 – *сдержать* входит в достаточно большой семантический класс глаголов (моментальные типа *приходить* – *прийти*, речевые акты типа *приказывать* – *приказать* и ряд других), у которых форма НЕСОВ НАСТ всегда обозначает результат и поэтому имеет редуцированную «семантическую парадигму»: она возможна только в настоящем историческом, узуальном и многократном.

3.1.2. Моторно-кратные глаголы в двунаправленном (туда и обратно) значении: *ходить* <бежать> *за хлебом*, *ходить* <бежать> *купаться*, *ездил в Париж на конференцию*. Это значение, не выделяемое ни в каких толковых словарях русского языка, тем не менее существует, отличаясь от основного – разнонаправленного – значения тех же глаголов (*ходить* <бежать> *по двору*, *ездить туда и сюда*) по крайней мере по шести существенным признакам (Апресян 2009: 150-155). Самый важный в контексте данной работы – наличие формы СОВ с префиксом *с-* у основных глаголов двунаправленного перемещения: *сходил* <*сбежал*> *за хлебом*, *съездил в Париж на конференцию*.

В толковых словарях они не считаются формами СОВ, и на первый взгляд кажется, что для такой трактовки есть основания: семантически формы СОВ у таких глаголов почти не отличаются от форм НЕСОВ – и те, и другие результативны. Однако одно существенное различие, характерное для оппозиции НЕСОВ – СОВ, между ними все-таки есть. Формы НЕСОВ результативны только в смысле выполнения действия, но не смысле достижения результата действия; ср. *Сегодня уже четыре раза ходил за хлебом, и все без толку*. Между тем формы СОВ обозначают, в полном соответствии с семантикой СОВ, достижение результата действия: *Сходил за хлебом* значит, что принес его. Добавим, что и в этом случае, как в случае с глаголом *держать* – *сдержать* (см. 3.1.1), форма НЕСОВ НАСТ имеет такую же редуцированную «семантическую парадигму».

Из признания таких пар чистовидовыми вытекают два интересных следствия: во-первых, появляется новый тип видового противопоставления, еще не описанный в аспектологии; во-вторых, оказывается, что критерий Ю.С. Маслова для чистовидовых пар не универсален.

3.2. Набор аспектуальных значений формы (семантическая парадигма)

Эта тема была отчасти затронута в разделе 3.1. Рассмотрим еще два примера.

3.2.1. *Бежать* 3.4 = ‘переливаться через край при кипении’ (о жидкой пище), употребляется обычно в форме НЕСОВ НАСТ в актуально-длительном значении.

(12) Куда ты смотришь, у тебя молоко бежит!

Другие видо-временные значения у *бежать* 3.4 реализуются с трудом. В узуальном и общефактическом многократном *бежать* 3.4 заменяется СИН *убегать*:

(13) а. *Молоко у нее всегда убегает* <*убегало*>,

б. *Молоко у нее не раз убегало, но не*

в. [?]*Молоко у нее всегда бежит* <*бежало*>,

г. [?]*Молоко у нее не раз бежало*.

3.2.2. Нарративные лексемы глаголы *плыть*. *Плыть* 4.1 (*Над рекой плыла луна*) = ‘Наблюдателю кажется, что неподвижный объект А1 плавно перемещается в пространстве А2 над его головой, обычно из-за перемещения какого-то другого объекта’ (облаков и т.п.). *Плыть* 4.2 (*Навстречу* <*мимо*> *плыли белые украинские хаты*) = ‘Перемещающемуся наблюдателю кажется, что неподвижный объект А1 плавно перемещается в направлении А2’. Обе лексемы, в силу специфики своих значений (указание на наблюдателя) тяготеют к употреблению в актуально-длительном значении.

4. Вид и контекст (синтагматика вида)

4.1. Вид и управление

4.1.1. В своем основном значении *ехать* и другие глаголы неавтономного перемещения (*лететь, плыть* и т.п.) управляет двумя формами:

- (14) а. *ехать в Париж на поезде (на + ПР),*
б. *ехать в Париж поездом (ТВОР).*

В контексте первой все они свободно употребляется в актуально-длительном и процессном значениях, в контексте второй такие употребления отклоняются от нормы:

- (15) а. – *Ты где? – Еще еду на автобусе;*
б. *Пока я ехал на автобусе, я прочитал всю газету;*
(16) а. – *Ты где? – *Еще еду автобусом;*
б. **Пока я ехал автобусом, я прочитал газету.*

4.1.2. Глагол *стоять* в значении союза *как только*

- (17) а. Стоит ему войти, как все умолкают;
б. Стоило ему войти, как все умолкали.
а. *Будет стоять ему войти, как все умолкнут.

У глагола *стоять* в рассматриваемом значении есть только две формы времени – НАСТ и ПРОШ; форма БУД невозможна. Кроме того, в отличие от своего синонима *как только, стоит* управляет инфинитивом исключительно в форме СОВ (ср. неправильность **Стоило ему входить, как все умолкали*).

4.2. Вид и модальность

Рассмотрим следующие две лексемы глагола *оправдывать*:

- (18) а. *Суд оправдывает 1 <оправдал> милиционера (СОВ без ограничений),*
б. *Напрасно он оправдывает 2 <*оправдал> свой поступок.*

Оправдывать 2 = ‘Человек А1 совершил поступок А2, который он сам или другие люди оценивают как плохой; А1 или говорящий ссылается на обстоятельства А3, которые вынудили А1 к этому, чтобы снять с него часть ответственности за А2’.

Форма СОВ у этой лексемы есть, но только в контексте модальных слов или в модальных конструкциях.

- (19) а. *Ваше поведение можно <трудно, нельзя> оправдать,*
б. *Он хотел как-то оправдать свой поступок,*
в. *Ему не оправдать этого поступка.*

4.3. Вид и отрицание

4.3.1. Взаимодействие с отрицанием *не* глаголов эмоционального состояния. Выше (см. пункт 2.2) уже говорилось о специфике семантики форм ПОВЕЛ от глаголов со значением внутренних состояний человека. Теперь обратим внимание на метаморфозы, которые происходят в общеотрицательных предложениях с глаголами эмоционального состояния в формах НЕСОВ и СОВ.

- (20) а. *Радуйся, ты принят в студию ≈ ‘можешь радоваться’,*
б. *Не радуйся раньше времени, подождем результатов ≈ ‘не следует радоваться’ (взаимодействие отрицания с модальностью по типу ‘не можно’ = ‘нельзя’).*
(21) а. *Удивляйся <возмущайся> (сколько хочешь), от этого ничего не изменится ≈ ‘можешь удивляться <возмущаться>’,*
б. *Не удивляйся <не возмущайся>, то ли еще будет ≈ ‘не следует ...’.*

- (22) а. *Обрадуйся, если она тебе это скажет* ≈ ‘сделай вид, что обрадовался’,
 б. *Не обрадуйся (ненароком), если она тебе это скажет* ≈ ‘не прояви радости’.
- (23) а. *Удивись <возмутись>, если увидишь ее там* ≈ ‘сделай вид, что удивился <возмутился> ...’,
 б. *Не удивись <не возмутись> (ненароком), если увидишь ее там* ≈ ‘не прояви удивления <возмущения>’.

4.3.2. Слабая отрицательная поляризованность

- (24) а. *Он никому такого не спустит;*
 б. *Вы думаете, он вам это спустит?;*
 в. *Если он это спустит, значит, он сильно сдал;*
 г. *Сомневаюсь, что он вам это спустит.*

Значение: ‘Человек А1 оставит без наказания человека А3 за его поступок А2, который человеку А1 не нравится, потому что А1 не хочет или опасается наказывать А3’.

Глагол *спускать* – *спустить* в указанном значении закрепляется в форме БУД СОВ в контекстах слабой отрицательной поляризованности (отрицательные, вопросительные, условные и «сомнительные» предложения). Ср. еще более отрицательно поляризованную лексему *задуматься* 3 (*Она не задумается умереть за сына; Он не задумается разрушить семью ради карьеры*), тоже преимущественно в форме БУД СОВ.

5. Case study: метаязыковая лексема *звать* 2

- (25) а. *Как тебя зовут <звать>?,*
 (25) б. *Мою бабушку звали Людмила Никитична,*
 (25) в. *Его зовут Иван <Иваном, «Перекаати-поле»>.*

А1 зовут А2 = ‘А2 является именем человека А1’:

Пять уникальных свойств *звать* 2:

- только форма НЕСОВ;
- только формы МН 3-Л НАСТ, МН ПРОШ и ИНФ;
- первый актант имеет форму ВИН;
- в нейтральном высказывании форма ВИН перед глаголом в функции темы;
- при глаголе невозможно подлежащее, однако конструкция в целом не является ни безличной (безличные глаголы имеют форму ЕД СРЕДН), ни неопределенно-личной (тогда было бы возможно введение подлежащего в форме *они, люди* без изменения значения).

Заключение

Рассмотренные типы ограничений, накладываемых на реализацию аспектуальных граммем или их аспектуальных значений (в основном, значений граммемы НЕСОВ), лексикографически весьма существенны. Однако в имеющихся толковых словарях они не описываются. Пора подумать о заполнении этой лакуны.

T. Archangel'skij (Moskovskij gosudarstvennyj universitet im. Lomonosova, Moskva)

V. Panov (Institut Jazykoznanija RAN, Moskva)

Непрототипические употребления видовых граммем в греческом языке

Перфектив в языках мира различается с точки зрения его диахронических источников: *bounder-based perfective (BBP)* и *anterior-based perfective (ABP)* [Bybee, Dahl 1989]. BBP возникает в результате сочетания глагольной основы с «ограничителями» (*bounders*), чаще всего — превербам; прототипическая семантика такого перфектива — достижение ситуацией предела. Вид в языках с BBP является, как правило, словоклассифицирующей

категорией. Языки с АВР используют регулярные морфологические показатели, т. е. вид является словоизменительной категорией. Прототипическое значение АВР — ситуация, протекание которой ограничено во времени. Чаще всего употребление АВР ограничивается планом прошлого — в этом случае противопоставление перфектива и имперфектива традиционно выражается в терминах оппозиции аориста и имперфекта. В свою очередь, ВВР имеет тенденцию к сочетаемости со всеми формами глагольной парадигмы.

Иногда видовое противопоставление, изначально ограниченное только индикативом прошедшего времени в языках с АВР, начинает распространяться на другие времена и наклонения. В таких случаях употребление видовых граммем семантически уже не является полностью видовым, а в некоторых случаях вообще теряет аспектуальную семантику. Таков случай греческого языка: в древнегреческом языке видовые противопоставления, кроме прошедшего времени, существовали в императиве, инфинитиве, конъюнктиве и оптативе, в новогреческом они распространились также и на будущее время (а функции др.-гр. инфинитива, конъюнктива и оптатива взяло на себя также аспектуально дифференцированное «зависимое наклонение»). При этом вне плана прошедшего времени противопоставление СВ и НСВ может иметь, кроме аспектуального, также модальное, таксисное и другие значения. Так, например, формы «θα + прошедшее» в значении кондиционалиса/оптатива сочетаются только с НСВ:

- (1) Εγώ στην θέση σου θα έλαρνα το iPod Nano 16GB.
я на+DEFместе твоём θα брать.IPFV.PAST.1SG DEF iPod Nano 16GB
Я бы на твоём месте взял iPod Nano 16GB.

С другой стороны, глагол в форме «θα + PFV.PAST» может быть использован только для описания события, которое с точки зрения говорящего вероятно имело место, хотя достоверно это неизвестно.

Система аспектуальных противопоставлений, возникшая в греческом языке, во многом сходна с системами языков с ВВР и не характерна для языков с АВР. В то же время, имеется ряд семантических особенностей употребления граммем СВ и НСВ в греческом языке, не характерных для языков с ВВР. Это объясняется, в частности, тем, что в языках, где противопоставление имперфектива и перфектива имеет словообразовательный характер, перфектив является «маркированным» членом оппозиции благодаря своему происхождению из «ограничителей», тогда как в языках со словоизменительным противопоставлением оба вида равноправны.

Славянские языки являются типичным примером языков с ВВР. В докладе мы расскажем об особенностях употребления вида в непрототипических грамматических контекстах и разберём сходства и различия в употреблении СВ и НСВ в таких формах славянских и греческого языков, как инфинитив в древнегреческом, зависимое наклонение в новогреческом (см. примеры 2-3, где русский инфинитив и соответствующий ему греческий глагол в зависимом наклонении имеют разный вид), будущее время, условные конструкции, прохибитив, а также сделаем некоторые дополнения к обсуждению проблемы СВ и НСВ в императиве [Бенаккио 2010].

- (2) θέλω να κοιμηθώ
хотеть.IPFV.PRES.1SG να спать.PFV.PRES.1SG
Я хочу спать.
- (3) я хочу спать
я хотеть.IPFV.PRES.1SG спать.IPFV.INF

A. Barentsen, R. Genis, M. van Duijkeren-Hrabová, Ja. Kalsbeek, R. Lučić
(Universiteit van Amsterdam)

О сходствах и различиях между русским, польским, чешским и хорватским языками при выборе вида в случаях «ограниченной кратности»

Существование достаточно тесной связи между выбором несовершенного вида (НСВ) и повторяемости действия общеизвестно. Однако за последние десятилетия было показано, что в данном отношении между разными группами славянских языков существуют заметные различия. Таким образом, поведение языков при выражении повторяемости стало одним из наиболее важных параметров, на основе которых проявляются различия между восточной, западной и промежуточными группами славянских языков (Dickey 2000): в восточной группе (куда входит и болгарский язык) при повторяемости преобладает НСВ, в то время как в западной группе (куда входит и словенский) достаточно свободно употребляется совершенный вид (СВ).

Важно отметить, что в качестве примеров, как правило, приводятся только случаи “неограниченной кратности”, т.е. примеры, в которых употреблены (или допустимы) обстоятельства типа *всегда, обычно, редко, то и дело, раз в месяц*.

Как известно, такие примеры заметно отличаются от тех, где количество проявлений действия представлено исчисляемым, ограниченным, по отношению к которым В.С. Храковский употребляет удачный термин “счет ситуаций” (1987: 131). В них обязательно присутствуют указатели типа *дважды, три раза, раз пять, несколько раз*. (О различных группах таких обстоятельств см. Барентсен 1992 и 1994.) При них даже в русском языке часто встречается СВ. Ю.С. Маслов относит подобные примеры к случаям с синонимией видов. Он отмечает: “В предложениях вроде *Он два раза (пять раз и т.д., также: несколько раз) обернулся/оборачивался* формы одного и другого вида, так сказать, абсолютно равноправны” (Маслов 1984: 79).

Сказанное не значит, что в подобных случаях нельзя указать те или иные факторы, определяющие выбор вида. Сам Ю.С. Маслов (там же) указывает на влияние фактора “аннулированности результата”, который в русском языке сильно способствует выбору НСВ. Важные сведения о подобных лексических и контекстуальных факторах приводятся Семоном (Sémon 1979). О роли лексического значения см. также (Барентсен 1997).

В статьях Барентсена (1992, 1994, 1997) отмечается еще весьма важная роль различия “нарративного” и “ретроспективного” типа употребления видо-временных форм. (Второй тип в литературе обозначается также термином “речевой” или “диалогический”.) Анализ русского материала показал, что соотношения между СВ и НСВ в указанных двух типах контекста фактически совершенно противоположны (Барентсен 1992: 22; 1997: 13–14).

К сожалению, до сих пор исследования подобного типа были направлены почти исключительно на русский язык. (Важным исключением являются работы Ядвиги Ставницкой, которая исследует соответствующие случаи в польском языке, в том числе и в сопоставлении с русским (Ставницка 2003).) Поэтому пока недостаточно ясно, насколько различаются в данном плане языки указанных выше четырех групп.

В нашей амстердамской аспектологической группе мы занимаемся сопоставлением видового поведения четырех языков, которые по критериям Дики (Dickey 2000) достаточно репрезентативны для всего славянского ареала. Русский язык (типичный представитель восточной группы) сопоставляется с чешским, представляющим западную группу, польским, в котором много черт восточной группы, но есть также черты западной) и хорватским/сербским, в которых, наоборот, больше черт западной группы. В качестве исходного материала используются тексты нашего параллельного корпуса ASPAC*. В последнее время мы занимаемся именно случаями ограниченной кратности.

В докладе приводятся некоторые результаты этого исследования и комментируются параллельные переводы, иллюстрирующие найденные нами наиболее важные контексту-

альные и лексические факторы, влияющие на выбор вида. Следующие два примера дают об этом некоторое представление:

- (1) Нарративный тип. Действие фактора “аннулированности результата” в польском оригинале и русском переводе, чего нет в чешском и хорватском переводах:

Польск. *Zasypiałamⁱ potem jeszcze kilka razy [i wciąż z drzemki wyrwałⁱ mnie skurcz...]* (Lem);

Русск. *Я засыпалⁱ потом еще несколько раз [...]*

Хорв. *Zaspao^p sam zatim još nekoliko puta [...]*

Чешск. *Usnul^p jsem pak ještě několikrát [...]*

- (2) Ретроспективный тип. В русском языке употребляется преимущественно НСВ, в общих чертах по тем же правилам, как при “общефактическом значении”. В польском языке наряду с НСВ нередко также выбирается СВ, в то время как в чешском и хорватском выбирается СВ, если не нужно особо подчеркивать процессную фазу действия:

Русск. *Бразилия уже три раза завоевывалаⁱ Кубок мира;*

Польск. *Brazylia zdobyła^p/zdobywałaⁱ go [Puchar Świata] trzykrotnie* (Ставницка 2003: 29);

Хорв. *Brazil je već tri puta osvojio^p svjetski kup;*

Чешск. *Brazílie už třikrát vyhrála^p Světový pohár.*

R. Benacchio, M. Pila (Università di Padova)

Выражение повторяемости действия в словенском языке (в сопоставлении с русским)

В последние десятилетия в славянской аспектологии исследования, проведенные в сравнительном плане, получили большое развитие (Stunová 1993, Petruchina 2000, Dickey 2000, Бенаккьо 2010).

Несмотря на это, некоторые южнославянские языки все еще остаются мало изученными и редко принимаются во внимание. Например, словенский язык, сам по себе мало изучен, редко упоминается в сопоставительных аспектологических исследованиях. Исключения представляют статьи Derganc (2003 и 2010), посвящены сравнительному анализу с русским языком и Dickey (2003), специально посвящена описанию главных черт глагольного вида в словенском языке. Постоянное внимание словенскому языку, наравне с другими славянскими языками, уделяется также в монографии Бенаккьо 2010, однако в пределах императива.

На самом деле изучение словенского языка оказывается весьма интересным так как – подобно другим (южно- и западнославянским) языкам – этот язык проявляет значительные различия по сравнению, например, с русским языком, в том смысле, что он пользуется СВ в гораздо большей степени. Такая экспансия СВ наиболее ярко проявляется при выражении повторяемости действия.

Этот факт уже был выявлен соавтором данной работы при изучении императива. Было замечено, что в словенском языке экспансия СВ (за счет НСВ) вообще, в том числе при выражении повторяемости, представлена в максимальной степени, больше чем в других славянских языках, аналогично тому, что происходит в верхне- и нижнелужицком языках.

См. напр.:

русс.: *Каждый день открывайте^{св} это окно!*

словенск.: *Vsak dan odprite^{св} (odpirajte^{НСВ}) to okno!*

Было видно, что в то время, как в русском языке употребление НСВ является обязательным, в словенском языке предпочтение отдается СВ, а НСВ допускается с трудом (как второстепенный вариант). Для того, чтобы НСВ становился более употребительной формой, нужны другие контексты, охарактеризованные либо большей неопределенностью требуемого действия

(например, – если объект поставить во множественное число), либо присутствием наречий неограниченной повторяемости; однако даже в таких контекстах СВ все еще составляет большую конкуренцию НСВ, но с некоторым предпочтением в пользу последнего. Ср.: «Vsak dan odpirajte^{НСВ}/odprite^{СВ} okna!», «Odpirajte^{НСВ}/Odprite^{СВ} redno to okno!» (Бенаккьо 2010: 85-86).

Ср. также:

русск.: Пишите^{НСВ} нам что-нибудь каждый день!

слов.: Napišite^{СВ} (Pišite^{НСВ}) nam nekaj vrstic vsak dan! (Бенаккьо 2010: 89-90)

Целью настоящей работы является углубление изучения проблематики употребления глагольного вида при выражении повторяемости действия в словенском языке (в сравнении с русским языком), обращаясь к анализу времен индикатива.

На этой, первой, стадии работы мы будем принимать во внимание употребление вида в контекстах неограниченной повторяемости, в которых, как известно, проявляются самые большие различия по сравнению с русским языком. В контекстах ограниченной кратности, наоборот, СВ может появляться и в русском языке, хотя не так часто как в словенском языке, а также и во многих других славянских языках (Барентсен 1992 и 1994). Точнее говоря, мы будем рассматривать влияние на выбор глагольного вида таких временных детерминантов как *всегда*, *обычно*, *редко*, *то и дело*, *иногда*, и т.д.

Для сравнительной работы мы будем пользоваться корпусом художественных произведений XX века, а именно: (а) рассказы *Чемодан* и *Иностранка* С. Довлатова и их перевод на словенский язык, (б) роман словенского писателя Ц. Космача *Pomladni dan* (Весенний день) и его перевод на русский; (в) переводы на русский и на словенский языки романа итальянского писателя Д. Буццати *Il deserto dei Tartari* (Татарская пустыня).

Внимание будет обращено как на лексическую семантику глагола, в большей или меньшей степени связанную с категорией предела, так и на другие возможные характеристики контекста.

Приведем пару примеров:

русск.: Занимая деньги, я всегда сохранял^{НСВ} немного развязный тон, чтобы людям проще было мне отказать (Довлатов, *Чемодан*, 2010: 13)

словен.: Kadar sem si izposojal denar, sem vedno ohranil^{СВ} rahlo neprisiljen ton, da bi ljudem olajšal zavrnitev (Dovlatov, *Kovček*, 2006: 138)

русск. Красивых баб всегда уводят^{НСВ} наглые грузины... (Довлатов, *Иностранка*, 2010: 101)

словен. Lepe babe nam zmeraj speljejo^{СВ} predrzni Gruzinci... (Dovlatov, *Tujka*, 2006: 85)

P. M. Bertinetto, A. Lentovskaya (Scuola Normale Superiore, Pisa)

Gradual completion verbs: a Russian – Italian comparison

Gradual Completion Verbs (henceforth GCV) were described by Bertinetto & Squartini (1995) as an intermediate category between activities and accomplishments. They present a distinctively recognizable syntactic behavior. In particular, they were shown to be compatible with “differential gap adverbials” like It. *di poco* / *di molto* / *di parecchio* (Eng. *by a little* / *by a lot*, Gm. *um Weniges* / *um Vieles*, etc.), which are excluded by any other class of predicates (1a vs. 1b – e):

- (1) a. La situazione è migliorata di parecchio /GCV/
The situation has improved by a lot
- b. *Pippo ha corso di parecchio /Activity/
Pippo has run by a lot
- c. *Pippo ha risolto il puzzle di parecchio /Accomplishment/
Pippo has solved a puzzle by a lot

- d. *Pippo è partito di parecchio /Achievement/
Pippo has left by a lot
- e. *Pippo possiede la sua casa di parecchio /State/
Pippo owns his own house by a lot (Bertinetto & Squartini 1995: 16).

GCV, however, should not be conceived of as a monolithic category, but as a constellation of subclasses clustering around a prototype. In addition, one should point out a number of idiosyncratic behaviors attached to individual verbs, bridging the gap between the various subclasses.

The paper will compare the situation in Italian and Russian. The preliminary analysis carried out so far confirms that Russian presents a number of subclasses, by and large characterized by their (in)compatibility with “differential gap adverbials” like *namnogo* / *nenamnogo* (2):

- (2) a. Situacija namnogo / sil'no / postepenno ulučšilas'
La situazione è migliorata di parecchio / è molto migliorata / è gradualmente migliorata
The situation has improved by a lot / a lot / gradually
(α - verbs: see Bertinetto & Squartini 1995: 23),
- b. Bak *namnogo / sil'no / postepenno potreskalsja
La caldaia *si è incrostata di molto / si è molto incrostata / si è gradualmente incrostata
The boiler has got incrustated *by a lot / a lot / has got gradually incrustated
(β - verbs, *ibid.*).

However, one should not take for granted that the situation in the two languages is exactly alike, considering their different overall structure (see 3 for comparison):

- (3) La minestra si è raffreddata di molto / si è molto raffreddata / si è gradualmente raffreddata
Sup *namnogo / sil'no / postepenno ostyl
The soup has got cold *by a lot / a lot / has got gradually cold.

The aim is twofold. On the one hand, the paper aims at refining the analysis of Bertinetto & Squartini, by using a wider range of syntactic diagnostics. On the other hand, it shall inspect the possible convergences / divergences between Italian and Russian.

In so doing, it will take advantage of the existing literature, such as Braginsky & Rothstein 2008, Rothstein 2008, Paducheva 2008 among others.

D. Bertocci (Università di Padova)

Pragmatic interferences in the grammaticalisation of aspect: the preverbs in Homeric Greek

The topic of this study is the rise of ‘aspectual’¹ meanings in preverbs between Homeric and Classical Greek: as is well known, the possibility that preverbs convey aspectual or actional values, as in (1) is fairly common in Classical Greek, while it seems much more constrained in the language of Homer, where only a few preverbs may admit aspectual readings (2):

- (1) ὃς δ' ἂν ἐκπίνῃ / πρώτιστος, ἀσκὸν Κτησιφῶντος λήψεται. (Aristoph., Acarn., 1000-1002)
who_(NOM.S.) then out_(PVB)-drink_(SUBJ.3S.) / first, cup_(ACC.S.) Ctesiphon_(GEN.S.) get_(FUT. 3S.)
‘and the first who will drink it up, he will get the cup of Ctesiphon’
- (2) ἄνευθε δὲ σε μέγα νῶϊν / Ἀργείων παρά νηυσὶ κύνες ταχέες κατέδονται. (Il. XXII, 88-89)
you_(ACC.S.) dog_(NOM.PL.) swift_(NOM.PL.) eat-completely_(FUT.3PL.)
... ‘but you (obj)beside the ships of the Argives, swift dogs shall devour’

According to most scholars, this is an evidence for arguing that ‘aspectual’ meanings arose as a consequence of metaphoric processes, that had not still taken place, at the chronological stage of the

¹I adopt here the term “aspect” as a generic label, covering both aspect proper and Aktionsart.

Homeric Greek. Nevertheless, I try to show that things are most complicated, since other factors may be involved, namely, syntax and pragmatics.

The phenomenon I address is the so called *tmesis*, i.e., the possibility that a preverb, instead of being prefixed to the verb it refers to, lies separated, usually at the beginning of a line, or a sentence (Chantraine 1953), like in (3)

- (3) ... *πρὸ δέ μ' ἦκε* θεὰ λευκώλενος Ἥρη (I, 208)
 forth_(PVB.) PTCL me_(ACC.) send_(PERF.3S.) god_(NOM.S.)
 'and forth me send the goddess white-handed Hera'

Tmesis (literally 'cut, break') is usually explained as a relic of an ancient stage of the Indo-European syntax, where preverbs were autonomous elements (Delbrück 1897). From a synchronic point of view, it seems strange that aspectual interpretation is almost completely absent with preverbs in *tmesis* (ex. 3, 5, 6): it may appear only if the preverb appears rightwards in the sentence (4):

- (4) τίς δ' οἶδ' εἴ κ' Ἀχιλεὺς .../ φθίῃ ἐμῷ ὑπὸ δουρὶ τυπεῖς ἀπὸ θυμὸν ὀλέσσαι; (XVI, 861)
 who_(NOM.S.) see_(PERF.3S.) if A._(NOM.S.)/anticipate_(SUBJ.3S.) me_(ACC.S.).....away_(PVB.) life_(ACC.S.) lose_(INF.AOR.)
 'Who knows but that Achilles, ... smitten by my spear, may first lose his life (*away*)?'

Thus, it seems useful to consider the possibility that a relation exists between *tmesis* and the grammaticalisation of aspect: I will argue that preverbs may become aspect markers only under a specific syntactic and semantic environment, that is excluded when *tmesis* conditions are active. The first step is a careful syntactic analysis of *tmesis*: as (5) and (6) show,

- (5) ...τὸν μὲν ἔπειτα τρητοῖς ἐν λεχέεσσι θέσαν, παρὰ δ' εἶσαν ἀοιδοῦς / θρήνων ἐξάρχους
 him_(ACC.S.) put_(AOR.3PL.), beside_(PVB.) PTCL. set_(AOR.3PL.) singer_(ACC.PL.)
 'they... laid *him* on a corded bedstead, and *beside (him)* set singers...' (XXIV, 720)
- (6) χωρησαν δ' ὑπὸ τε πρόμαχοι καὶ φαίδιμος Ἴκτωρ. (XVI, 588)
 move_(AOR.3PL.) PTCL. back_(PVB.) ahead-fighters_(NOM.PL.) and ...E._(NOM.S.)
 'and gave ground the foremost fighters and the glorious Hector'

there are some crucial points: (i) when appearing at the top of the sentence, preverbs are always adjacent to the Wackernagel particle *δέ* (Wackernagel 1926); (ii) in this environment, they usually act like local adverbs, namely, they instantiate anaphoric reference to the preceding context.

The systematic presence of a Wackernagel particle (Krisch 2002), and the full lexical value of the preverbs, call for a syntactic interpretation of *tmesis*: in particular, I follow the theory according to which the so-called "Left-periphery" of the sentence hosts typically those elements that have a strong pragmatic content (especially topics and focus); I argue that preverbs in *tmesis* may be considered as fronted elements, that move in Focus position (Benincà – Poletto 2004) from the Verb Phrase field.

What could be interesting, in order to understand the origin of aspectual meanings in Indo-European preverbs, is that Homeric Greek data indicate that preverbs may have autonomous status also in a synchronic perspective, since:

- they pattern like local elements, namely, prepositions heading a silent pronoun, which is bound with one element of the context (see ex. 5)
- they undergo syntactic regularities, namely, move at the top of the sentence only when the Complementiser field is active; even when fronted, they maintain their lexical functions of local elements (heads of a complement-less PP, see Svenonius 2006).

Only when such pragmatic triggers are not active, they can remain close to the verb or become prefixes properly, and may give rise to aspectual readings (ex. 4).

In other words, one may think that, in Homeric Greek, preverbs gain aspectual content only when they remain in the scope of the verb. In a formal way, I hypothesise (Hale&Keyser 2002) that preverbs may be analysed as prepositions that license locative properties of the verb, and that are generated in a VP projection hosting locative determinations (7a). As a consequence, they affect the

semantics of the event, as they “measure” it (Tenny 1994), and entail actional, rather than properly aspectual, interpretations. The following step (7b) may bring to the full grammaticalisation of aspectual values, possibly through activation of aspectual projections in the Inflectional Phrase field (Cinque 1999), on the one hand, and through preverb-incorporation, on the other.

(7) a. ..._{VP1}[V _{VP2}[O _{PP}[P [Ø... >>> b. ..._{IP}[..._{AspP} [P-V _{VP1}[V _{VP2}[O _{PP}[P [Ø...

Summing up, the data I have gathered show that preverbs may encode aspectual meanings only when pragmatic and syntactic conditions allow them to affect the argument structure of the verb (without being fronted to the Left-periphery of the sentence), which confirms the idea that Aspectuality as a category is sensitive to the entire grammatical context.

A.V. Bondarko (Institut lingvističeskich issledovanij RAN, Moskva)

Глагольный вид: система и среда

1. Для славянского глагольного вида как элемента грамматической системы характерны следующие основные признаки: а) максимальная обязательность, распространяющаяся на все глагольные формы и на все типы их функционирования; б) абсолютная (без всяких исключений) инвариантность категориальных значений форм совершенного (СВ) и несовершенного вида (НСВ); в) структура привативной оппозиции при семантической маркированности СВ; г) воздействие лексики на видовую соотносительность / несоотносительность и на различные типы употребления видовых форм; д) межкатегориальные связи, касающиеся как оппозиций форм СВ и НСВ, так и закономерностей их функционирования (речь идет прежде всего о связях с категорией времени, с элементами функционально-семантических полей временной локализованности и таксиса, а также с категориями наклонения и залога). Для исследования и описания семантики и структуры глагольного вида в разрабатываемом нами направлении функциональной грамматики особое значение имеет аспектологическая концепция Ю.С. Маслова.

2. Среда по отношению к той или иной языковой единице, категории или группировке, рассматриваемой как исходный системный объект, представляет собой некоторое множество языковых и смысловых элементов, играющих роль окружения, влияющего на реализацию анализируемых значений и функций. По отношению к грамматической категории имеются в виду лексические значения слов и лексико-грамматические разряды, а также компоненты контекста и речевой ситуации. Существенны связи с другими категориями в сфере грамматики. Среда — понятие системно-функциональное. Элементы среды представляют собой обуславливающее окружение, благодаря которому исходная система может выполнять свои функции.

Могут быть выделены два основных типа среды: а) системно-языковая (парадигматическая) среда — окружение языковых единиц, категорий или группировок в парадигматической системе языка; б) речевая среда — контекст и речевая ситуация. Говоря о контексте, мы имеем в виду фрагменты окружения данного объекта в высказывании, существенные для реализации определенного системного значения в том или ином варианте. Понятие речевой ситуации в ее языковой интерпретации включает все то, что взаимодействует со значениями языковых средств и участвует в формировании содержания высказывания.

Использование понятия «среда», известного в общей теории систем, в лингвистическом анализе (что встречается довольно редко) позволяет обобщить и сопоставить различные типы окружений, воздействующих на исходную систему. При этом оказывается возможным избежать встречающегося в ряде случаев излишнего расширения понятия «контекст».

3. По отношению к категории вида в роли среды выступают следующие элементы: 1) лексические значения глаголов и семантические классы, воздействующие на реализацию видовой семантики, ср., например, глаголы состояния, отношения и т. п.; 2) способы действия и лексико-грамматические разряды предельных / непредельных глаголов; 3) представленные в данной глагольной лексеме грамматические категории, взаимодействующие с видом (время, наклонение, лицо, залог); 4) элементы окружения данной формы, образующие аспектуально значимый контекст; это понятие охватывает, в частности, другие глагольные формы (любые формы сказуемого), выступающие в данном предложении или в соседних предложениях, обстоятельственные показатели типа *постепенно, вдруг, часто*, подлежащее и дополнение со значениями конкретности / неконкретности субъекта и объекта. Языковые средства, отмеченные в пунктах 1 — 3, представляют собой по отношению к видовой форме с ее системным значением внутрилексемную среду, тогда как средства, отмеченные в пункте 4, — среду внелексемную. Маркированность СВ определяет «сильное» (активное) воздействие грамматической системы на компоненты среды, в то время как немаркированность НСВ создает разнообразные возможности для активного воздействия «сильной» среды на исходную систему.

4. Представляется обоснованной известная точка зрения, согласно которой категориальное значение СВ базируется на признаках «ограниченность действия пределом» (ОГР) и «целостность действия» (Ц). Ограниченность действия внутренним пределом влечет за собой наступление нового состояния, возникновение новой ситуации (ВНС). Могут быть выделены две разновидности функции ВНС: а) автономная и б) секвентная (синтагматически связанная). Основная сфера реализации функции ВНС в ее секвентной разновидности — высказывания и повествовательные тексты с формами прошедшего времени.

Системная значимость НСВ, заключенная в отношении к маркированному корреляту, раскрывается в комплексе частных значений — вариантов, обусловленных взаимодействием системы и среды. Если система частных значений СВ имеет компактную моноцентрическую структуру, то сфера частных значений НСВ отличается структурой диффузной, слабо централизованной. Интегрирующее воздействие категориального значения грамматической формы при функционировании НСВ выражено слабее, чем в сфере СВ, поскольку форма НСВ не обладает постоянным положительным признаком. Диффузность «семантического пространства» НСВ находит проявление в сильно выраженной (во всяком случае по сравнению с СВ) нечеткости границ между отдельными значениями, в их пересечениях.

5. Один из вопросов, связанных с проблематикой аспектологии текста, — семантика и структура временного порядка (ВП). Имеется в виду речевое представление временной оси, репрезентируемой отношениями последовательности и одновременности, динамичности (связанной с возникновением новой ситуации) и статичности (при сохранении данной ситуации). Речь идет о репрезентации «времени в событиях» в высказывании и целостном тексте. Важную роль в выражении ВП играет последовательность глаголов СВ и НСВ; существенны также «обстоятельства временного порядка» типа *затем, через десять минут* и т. п. Реализующиеся в тексте варианты ВП представляют собой различные комбинации признаков динамичности / статичности, связанных с семантическими элементами «возникновение новой ситуации» (ВНС) и «данная ситуация» (ДС). Ср. следующий фрагмент текста: *Он пошел [ВНС1] на кухню, сел [ВНС2] перед не топленной со вчерашнего дня печкой и, опустив голову, сидел [ДС1] так долго-долго. Он ни о чем не думал [ДС2] — для этого уже не было сил [ДС3], он застыл [ВНС3], и только голова его опускалась [ДС4] все ниже и ниже. Прошел [ВНС4] час, второй, наступила [ВНС5] ночь* (В. Распутин. Деньги для Марии).

Специфика исследования и описания категории временного порядка (это понятие восходит к философской концепции Г. Рейхенбаха) заключается в доминирующей направленности функционального анализа данного типа на изучение реализации изучаемой категориальной семантики в высказывании и целостном тексте.

Важно подчеркнуть, что при рассмотрении семантических функций, реализующихся в различных типах речи, в полной мере сохраняет свою значимость анализ связи этих функций с системно-языковыми основаниями изучаемой семантики.

W. Breu (Universität Konstanz)

Вид глагола в контексте союзов в молиско-славянском языке

Мой доклад посвящается таксисным отношениям в молискославянском языке, поскольку они выражаются с помощью комбинации видовых граммем с союзами.

Молиско-славянский язык, сокращенно МСЯ, является южнославянским языком меньшинства. Он генетически причисляется, так же, как и БСХ (боснийский-сербский-хорватский), к центральным южнославянским языкам, но его грамматическая структура характеризуется в большом масштабе изменениями, вызванными языковым контактом с итальянским и его местными разновидностями (диалектом и разговорной речью), который длился несколько столетий.

Что касается вида, то МСЯ обладает – как, напр., болгарский язык – двойным различием. «Грамматически деривационная» видовая оппозиция славянского типа перфективности (целостности) с граммемами «совершенный» и «несовершенный вид» сохранилась по существу неизменной, в то время как во второй оппозиции, т.е. у «флексивного» вида, ограничивающегося прошедшим временем, появились очевидные изменения. Самым важным из них является утрата аориста, функции которого перенял старый перфект в добавление к своим первоначальным перфектным функциям. С другой стороны, находящийся в видовой оппозиции с «перфектом» «имперфект» полностью сохранил свои функции. Наряду с функционально тривиальными, т.е. с точки зрения их главных частных функций непротиворечивыми комбинациями имперфекта НСВ и перфекта СВ, продолжают существовать также обе противоречивые комбинации: перфект НСВ и имперфект СВ. Имперфект НСВ является единственно возможным для выражения действия как локализованный (актуальный) процесс (процессуальная функция), в то время как перфект на -l НСВ ограничивается делимитативностью и частью перфектных функций, как, напр., экспериенциальностью. В противоположность русскому прошедшему, перфект НСВ молиско-славянского языка не может выразить ни процесс действия, ни хабитуальность, ни состояния.

Деривационный тип вида является совершенно живой категорией даже для заимствованных глаголов, но он показывает все-таки характеристические особенности, зависящие от лексических классов глагола. Прежде всего следует обратить внимание на инцептивно-статические глаголы, которые, как правило, превратились в двувидовые глаголы. Видовая оппозиция целостного и нецелостного действия в них все же обязательно выражается, а именно посредством флексивной видовой оппозиции, в форме оппозиции «имперфект : перфект». Она включает также такие глаголы, парность которых в русском языке спорная или даже не существует, как, напр., *vidahma : sma vidil* ‘мы видели/увидели’, *znadahma : sma znal* ‘мы знали : узнали’, *jimahma : sma jimal* ‘у нас было / мы получили’. Это касается в особенности также и заимствованные глаголы как *kapahma : sma kapil* ‘мы понимали / поняли’ (← итал. *capire*), *arkordahma : sma arkordal* ‘мы вспоминали / вспомнили’ (← итал. *ricordare*).

МСЯ обладает довольно сложной глагольной системой, в которой встречаются также специализированные таксисные формы: очень часто употребляемый плюсквамперфект, две модально дифференцированные разновидности будущего в прошлом и перфект в функции будущего относительного. Как плюсквамперфект, так и перфект в функции будущего

относительного, обладают инвариантным таксисным признаком ретроспективного взгляда, который способствует переходу таксисного отношения предшествования в следование. Плюсquamперфект может выразить также, напр., предшествование всей сложной ситуации сложноподчиненного предложения по отношению к другой ситуации в предыдущем контексте.

Таксисные отношения в МСЯ выражаются прежде всего (в терминологии Храковского) с помощью специализированных и неспециализированных по таксису союзов и двойной видовой системы. Флективная видовая подсистема, которая перестроилась под романским влиянием, господствует над деривационной системой, так что в прошлом времени таксисные отношения зависят прежде всего от оппозиции перфекта и имперфекта, в то время как совершенный и несовершенный вид способствуют таксисным различиям только при особых условиях, прежде всего в области многократности.

В области таксисных союзов следует указать на большое число заимствованных или калькированных специализированных союзов. Неспециализированные союзы МСЯ являются при этом союзами славянского происхождения: *kada* и *kaka*. Характерной особенностью МСЯ является невозможность сочетания перфекта СВ в зависимой части сложноподчиненных предложений с союзом *prije-ka* 'перед тем как, прежде чем', выражающим нейтральное следование:

- (1) Mala *prije-ka kalivaša:IPRF.IPFV* sundza, je kumandzala:*PRF.PFV* čut nike remure.

‘Незадолго до того, как зашло (досл. *заходило*) солнце, она начала слышать шорохи.’

В других славянских языках, с сопоставимыми союзами, нейтральное однократное следование предельных ситуаций выражается обычно с помощью комбинации из глаголов СВ. Эта особенность МСЯ связана, по всей вероятности, с влиянием контактных разновидностей романского типа.

Другую особенность представляют таксисные функции союза *dokla*, который, несмотря на свое формальное сходство с сербохорватским союзом *dokle* ‘пока’, употребляется в первую очередь как синоним союза *do kada* ‘с тех пор как’, выражающего предшествование и одновременность в зависимости от комбинаций видовременных форм:

- (2) Mena *znadaša:IPRF* ovu stvaru, *do kada* ga poznajaša:*IPRF.IPFV*

‘М. знала эту вещь, с тех пор как она была с ним знакома.’

- (3) Mena *znadaša:IPRF* ovu stvaru, *do kada* je bi ga poznala:*PQP.PFV*

‘М. знала эту вещь, с тех пор как она познакомилась с ним.’

С другой стороны, союз *dokla* используется также в качестве синонима калькированных по итальянской модели союзов *fin-ka*, *fin kada* ‘пока, до тех пор’, выражающих одновременность и прерывающее следование.

V. S. Chraikovskij (Institut lingvističeskich issledovanij RAN, Sankt-Peterburg)

Сколько контекстно-обусловленных повторительных значений у глаголов НСВ в русском языке?

1. В современной русской аспектологии дискуссионных проблем, очевидно, больше, чем недискуссионных, но вместе с тем есть базовые положения, которые разделяют все или, во всяком случае, многие аспектологи. В частности, думаю, нет разногласий относительно того, что все глаголы русского языка по наличию видовых форм делятся на парные, т.е. те, которые представлены как формами СВ, так и формами НСВ, и непарные, т.е., которые представлены либо только формами СВ, либо только формами НСВ. Разногласия существуют по вопросу квалификации отдельных глагольных лексем, скажем, составляют или не составляют пару глаголы типа *сидеть* (НСВ) и *посидеть* (СВ) но колебания

подобного рода не меняют базового положения, в соответствии с которым по наличию видовых форм все глаголы русского языка делятся на три класса.

2. Полагаю, что если не все, то многие аспектологи согласны с тем, что «нельзя естественным образом истолковать значение глагольной словоформы, как лексическое значение глагольной основы, очищенное от значения вида, плюс значение видового показателя: истолковать глагольную основу безотносительно к виду невозможно» [Гловинская 1982: 56-57]. Эта удивительная особенность категории вида, отличающая его, в частности от категорий времени и наклонения, возможно, связана с тем, что категория вида является категорией всех форм глагола (как финитных, так и нефинитных), тогда как другие категории, являются категориями только финитных форм (особое место занимают время и залог, которые, кроме финитных форм, есть также у причастий, и сослагательное наклонение, которое, можно считать, есть у инфинитива).

3. Очевидно, что многие аспектологии разделяют ту точку зрения, в соответствии с которой у глаголов НСВ в русском языке (как впрочем и у глаголов СВ) одно общее значение, реализуемое в виде ряда частных значений, общее число которых, а также критерии их выделения и их номенклатура остаются дискуссионными [Храковский 2001, Цейтлин 2009]. Эти частные значения представляют собой контекстные модификации общего значения. Заметим, что лексическое значение глагола мы относим к элементам контекста, хотя это утверждение и не бесспорно. Общее значение НСВ трактуется следующим образом: имеет/имело/будет иметь место ситуация Р, обозначаемая лексемой глагола НСВ; фазы начала (и прекращения) ситуации Р остаются за кадром.

4. Пожалуй, все аспектологи согласны с тем, что основным частным значением СВ является конкретно-фактическое, а у НСВ два основных частных значения: конкретно-процессное (иначе актуально-длительное) и неограниченно-кратное (иначе хабитуальное или узуальное). Вот как характеризует эти значения НСВ А.В.Бондарко: «В иерархии частных значений НСВ наиболее высокое положение занимают конкретно-процессное и неограниченно-кратное значения. Эти значения реализуются в наиболее широких, обычных регулярно повторяющихся условиях контекста. Указанные значения в наименьшей мере ограничены лексически (конкретно-процессное значение связано лишь с частичными ограничениями, а неограниченно-кратное может быть выражено любым глаголом). Рассматриваемые значения обнаруживаются во всех формах глагола, выступающих в НСВ. Эти проявления наибольшей самостоятельности конкретно-процессного и неограниченно-кратного значений, объясняются наименьшей ограниченностью условий их реализации и позволяют считать их основными частными значениями НСВ» [Бондарко 1971: 31-32].

5. Вместе с тем лексическое значение может наложить запрет на употребление глагола НСВ в актуально-длительном значении. Так, этого значения не имеют стативные, моментальные и интерпретационные глаголы. Что же касается неограниченно-кратного значения, то под этот термин, с нашей точки зрения, подводятся три контекстно-обусловленных повторительных значения. В принципе следует различать повторяющиеся ситуации, которые происходят в один раунд наблюдения, и повторяющиеся ситуации, каждая из которых соотносится со своим отдельным раундом наблюдения, причем ни в один из этих раундов не входит момент речи.

6. Первый случай иллюстрирует пример

- (1) *Он старается идти прямо, но ноги его плохо слушаются, и он то и дело опирается то на одну сестру, то на другую* (zhurnal.lib.ru).

В данном примере речь идет о ситуации, которая неоднократно повторяется на глазах у наблюдателя, в роли которого выступает говорящий. Такое неограниченно-кратное значение НСВ, которое здесь обуславливается обстоятельством *то и дело*, можно называть мультипликативным, ср. [Храковский 1989].

Второй случай иллюстрируют примеры

(2) Каждый день *во время прогулки он* опирается на мою руку.

(3) *Во время прогулки он* обычно опирается на мою руку.

Хотя в примерах (2) и (3) речь идет о ситуациях, которые повторяются в разные раунды наблюдения, с нашей точки зрения, в этих примерах реализуются различные повторительные значения. Критерии разграничения этих двух значений заключаются в следующем. Повторяющиеся ситуации, представленные в примере (2), могут локализоваться во всех временах, т.е., кроме настоящего, еще и в прошедшем и будущем. Ср.: примеры (2.1) и (2.2):

(2.1) Каждый день *во время прогулки он* опирался на мою руку.

(2.2) Каждый день *во время прогулки он* будет опираться на мою руку.

В то же время примеры типа (3), кроме настоящего времени возможны в прошедшем времени, но невозможны в будущем. Ср.: примеры (3.1) и (3.2):

(3.1) *Во время прогулки он* обычно опирался на мою руку.

(3.2) * *Во время прогулки он* обычно будет опираться на мою руку.

Неограниченно-кратное значение НСВ, обуславливаемое в примерах (2)-(2.3) обстоятельством цикличности *каждый день* и не имеющее временных ограничений, можно называть итеративным. Неограниченно-кратное значение НСВ, обуславливаемое в примерах (3)-(3.1) обстоятельством узуальности *обычно* и невозможное в будущем времени, следует называть узуальным.

Запрет на употребление в будущем времени узуального значения связан с его семантикой. Узус это вероятностная закономерность, эмпирически наблюдаемая до момента речи. Если узус прервался за некоторое время до момента речи, употребляется форма прошедшего времени НСВ, а если узус сохраняется до момента речи, то употребляется форма настоящего времени НСВ. Однако узус исключается по отношению к будущему. То, чего нет, а только будет, не может трактоваться как узуальное. Мы не можем предугадать, какие обычаи будут в будущем. Узуальное повторение это повторение, которое реально наблюдалось вплоть до момента речи, тогда как итеративное повторение это и то, которое реально наблюдалось до момента речи, и то, которое мыслится как реальное и после момента речи.

Е.М. Ćekalina (Moskovskij gosudarstvennyj universitet im. Lomonosova, Moskva)

Предельность/непредельность и грамматические средства выражения аспектуальности в языке с категорией вида и без неё (на материале русского и шведского языков)

В языках различных типов роль предельности/непредельности в выражении аспектуальной семантики далеко не одинакова [Реферовская 1984; Иваницкий 1982; 1993; Бондарко 1996]. В русском языке большинство видовых корреляций СВ/НСВ образуют предельные глаголы, именно на этом основании объединяемые в лексико-грамматический разряд, являющийся базой для видовых пар [Бондарко 1971; РГ-80, 584; Петрухина 2009, 45, 77]. Целый ряд непредельных глаголов относится к НСВ; небольшая их часть включена в видовые пары типа *обижать – обидеть*, в которых СВ обозначает не исход действия, а начало нового состояния [Падучева 1996, 94-96; Петрухина 2009, 81]. Имеются также предельные двувидовые лексемы СВ/НСВ, которые парадигматически различаются в формах причастий и деепричастий. Среди них есть отдельные исконные слова (*жениться, исследовать, обследовать, воздействовать*), но значительная часть таких глаголов представлена иноязычными заимствованиями:

атаковать, блокировать, дублировать, информировать, консолидировать. В то же время у ряда заимствованных лексем с аналогичной морфологической структурой наблюдается тенденция к развитию видовой парности на основе их включения в системные оппозиции СВ/НСВ [Петрухина 2009, 82]: анализировать – проанализировать, блокировать – заблокировать, демонстрировать – продемонстрировать, дублировать – продублировать, информировать – проинформировать, комментировать – прокомментировать.

Таким образом, облигаторность грамматической видовой корреляции СВ/НСВ в русском языке предопределяет регулярность распределения глагольной лексики на два непересекающихся класса [Бондарко 1986, 129]. В функционально-семантическом поле аспектuality морфологическая категория вида является центральной и оказывает индуцирующее воздействие на иерархически подчиненную ей лексико-грамматическую категорию П/НП.

В шведском языке выражение типологически сходных с русскими видовыми формами аспектuality значений осуществляется комплексом разноуровневых средств, в котором центральное место принадлежит лексико-грамматической категории П/НП [Иваницкий 1982, 7]. Распределение глаголов на классы осуществляется на основе взаимодействия их лексической семантики с различными реализациями грамматического значения временных и видо-временных форм:

видо-временное значение причастия 2 – перфективно-результативное у предельных (*befriad* освобожденный) или презентно-дуративное у неопредельных глаголов (*hotad* находящийся под угрозой);

возможность выражения будущего в грамматической семантике причастия 1 у предельных (*kommande* предстоящий, *blivande* будущий) и отсутствие такой возможности у неопредельных глаголов (*sovande* спящий);

футуральное употребление презенса предельных глаголов в любом контексте (*Han kommer nog. Он, конечно же, придет*) и только при поддержке систематизированного контекста у неопредельных глаголов (ср. *Han sover nog. Он, конечно же, спит. – Snart sover han. Скоро он будет спать.*);

существенные различия в видовой семантике аналитических форм перфекта: результативность у предельных глаголов (*Leninbiblioteket har stängts på en obestämd tid. Библиотека Ленина закрылась на неопределенное время*); результативность в нейтральном контексте (*Jag har varit överallt utom Sverige. Я был везде, кроме Швеции*) или инклюзивность в специализированном контексте у неопредельных глаголов (*De har bott här i snart 10 år. Скоро 10 лет как они живут здесь*).

В отличие от русского языка, в шведском (как и в других германских языках) имеется значительный пласт глаголов двойственного видового характера, у которых реализация П/НП обусловлена комплексом различных морфологических, синтаксических и лексико-семантических факторов «внутреннего» и «внешнего» контекста (*förstå* понимать/понять, *äta* есть/поесть, *dricka* пить/попить, *skriva* писать/написать, *läsa* читать/прочитать, *baka* печь/испечь, *steka* жарить/пожарить, *tvätta* мыть/помыть, *torka* сохнуть/высохнуть, *suшить/высушить*, *bada* купаться/выкупаться, *måla* красить/покрасить, *rita* чертить/начертить, *sjunga* петь/спеть, *åka* ехать/поехать, все глаголы, обозначающие способ передвижения, – *gå* идти/ходить, *springa* бежать/бегать и многие другие). Это проявляется на уровне словоформ (видовая семантика форм перфектного ряда; предпочтительная реализация П в претерите, а НП в презенсе), словосочетаний (видовая семантика обстоятельств времени с различными предлогами; конкретизирующие обстоятельства цели, результата, следствия, меры; выбор беспредложного или предложного объектного актанта; его количественная и качественная определенность) и предложений (количественная и качественная определенность/неопределенность субъекта, одушевленность/неодушевленность и агентивность/инактивность; наличие ограничивающего процесс предикативного определения).

Важно подчеркнуть, что глаголы двойственного видового характера составляют в шведском языке основную массу лексем, обозначающих динамические процессы. Они являются амбивалентными и образуют обширную «серую зону» с лабильной аспектуальной семантикой, реализация которой в конечном итоге определяется средствами контекста. Это связано с отсутствием в шведском языке категории вида, которая бы упорядочивала другие, не собственно грамматические, но связанные с грамматикой средства выражения аспектуальных значений.

A. Derganc (Univerza v Ljubljani)

Vpliv konteksta in /ali vidsko relevantnega pomena glagolov na vidsko rabo v mnogokratni in posplošeno-dejanski rabi v slovenščini

Vidsko obnašanje slovenščino uvršča v tisto skupino slovanskih jezikov, v kateri se dovršnik lahko ali mora uporabljati v veliki meri, in to v vidskih rabah, kjer se npr. v ruščini uporablja večinoma ali strogo regularno nedovršnik (npr. za mnogokratno dejanje, v historičnem prezentu, za performativne izjave, v posplošeno-dejanski rabi, v imperativu). Ta razlika med vidskim obnašanjem v slovanskih jezikih je bila že večkrat opisana glede na dva ali nekaj slovanskih jezikov (npr. Isačenko, Plotnikova, Petruhina, Derganc) ali na večino slovanskih jezikov v določenih rabah (npr. Benacchio). Dickey (2000) je upoštevajoč precej parametrov raziskal vidsko obnašanje za večino slovanskih jezikov. Glede na njegovo razdelitev s sodi slovenščina v zahodno skupino slovanskih jezikov.

Za vidsko obnašanje glagolov v slovenščini je v nekaterih rabah značilna možnost uporabe tako dovršnika kot nedovršnika, to velja zlasti za *mnogokratnost*:

Vsak dan *vstanem* (DOV) /*vstajam* (ND) ob 8h.

Vendar so zgledi, kjer je uporaba nedovršnika nemogoča ali otežena. Včasih je razlog za to v odsotnosti sekundarnega nedovršnika:

Zjutraj *popijem* (DOV) skodelico kave in *pojem* (DOV) dve žemlji.

Vendar v slovenščini pogosto za mnogokratno dejanje ni možno uporabiti nedovršnika, pa čeprav le-ta obstaja:

Я каждое утро *встаю* (ND) в 7 часов, *одеваюсь* (ND) и *иду* (ND) на работу.

Vsako jutro *vstanem* (DOV) /*vstajam* (ND) ob 7h, *se oblečem* (DOV) /**oblačim* (ND) in *se odpravim* (DOV) / **odpravljam* (ND) na delo.

Zdi se, da tu na izbiro dovršnikov vpliva dejstvo, da gre za niz zaporednih dejanj.

Tudi pri *posplošeno-dejanski* rabi nedovršnika, ki je v slovenščini znana in kar pogosta (Ali si že *bral* (ND) ta roman?) je precej zgledov, kjer v slovenščini ni možen nedovršnik ampak le dovršnik:

Там еще *оставался* (ND) кто-нибудь?

Ali je tam še kdo **ostajal* (ND) / *ostal* (DOV)?

Почему будильник не работает; ведь я его *заводил* (ND)?

Zakaj budilka ne dela; saj sem jo **navijal* (ND) / *navil* (DOV)?

Dickey (2003: 189-90) je izrazil domnevo, da v slovenščini nedovršnik ni možen pri izražanju posplošeno-dejanskega pomena pri glagolih tipa achievement, vendar bi bilo treba to domnevo preveriti na širšem gradivu in verjetno dopolniti (prim. *naviti/navijati*, ki sta verjetno glagola tipa accomplishment).

Prispevek bo skušal ponuditi nekaj odgovorov o tem, ali in kako vpliva na izbiro vida v omenjenih rabah kontekst, ali pa gre za močnejši vpliv vidsko relevantnega pomena glagola. Ker pa tudi ugotavljanje vidsko relevantnega pomena glagola ni enostavno in odgovor ni vedno enoznačen, bo prispevek skušal tudi opisati pomen konteksta za ugotavljanje vidsko relevantnega pomena glagolov v slovenščini.

A Comparative Cross-Slavic Analysis of the Development of the Imperfective General-Factual

This paper discusses the development of the imperfective general-factual (IGF) in East, West and South Slavic in an attempt to explain how the contemporary distribution of the IGF in the Slavic languages arose. The point of departure for the analysis are the comparative facts concerning IGF usage in different Slavic languages presented by Dickey (2000): an eastern group of Slavic languages, consisting of East Slavic and Bulgarian, attests more IGF usage than a western group of languages, consisting of Czech, Slovak, Slovene, Bosnian/Croatian/Serbian (BCS) as well as Polish to a certain extent. In brief, Dickey (2000) shows that single achievement situations are quite acceptable in the IGF in East Slavic and Bulgarian, whereas they occur much less frequently in the IGF in the western languages, cf. the following examples:

- (1) a. Odnáždy on už *polučal*ⁱ vygovor za opozdanie. (Rus)
'He has already once received a reprimand for being late.'
- b. Vednâž veče e *polučaval*ⁱ zabeležka za zakâsnenie. (Blg; =1a)
- (2) a. Jednou už *dostal*^p/**dostával*ⁱ napomenutí za spoždění. (Cz; = 1a)
- b. Enkrat je *dobil*^p/**dobival*ⁱ ukor zaradi zamude. (Sln; = 1a)
- c. Jednom je već *dobio*^p/**dobijao*ⁱ prigovor za zakašnjeje. (BCS; = 1a)

Subsequent research including Internet searches has confirmed this picture, even in cases of the existential IGF (*obščefaktičeskoe êkzistencional'noe*, cf. Padučeva 1996: 43–46) where 'once' is not specified, cf., e.g., the following Czech example:

- (3) Už *jste* si někdy *všimli*^p, jak často mrkáte? (Cz)
'Have you ever noticed how often you blink?'

Accomplishment predicates such as *read* are attested in the existential IGF in all Slavic languages. Thus, the existential IGF appears to be characteristic of Slavic in its entirety, with the aforementioned prohibition on achievements in the IGF in West Slavic, Slovene and BCS. However, it should also be pointed out that according to Internet searches the existential IGF in BCS is in fact much less common than the perfective in questions of general experience.

A major shortcoming of the cross-Slavic discussion of the IGF in Dickey (2000) was that it did not distinguish between types of the IGF. Subsequent research indicates that the "concrete IGF" (*obščefaktičeskoe konkretnoe*, cf. Padučeva 1996: 46–48), which is well represented in East Slavic, is only marginally present in the languages of the western group and BCS (cf. Cummins 1987 on Czech). This is true for all telic predicates, and examples are very difficult to find on the Internet. It is also true for the two-way IGF, which exists only marginally in BCS with the verb *dolaziti* 'come', and does not occur at all as far as I can tell in Czech or Slovene.

Another kind of imperfective usage that is commonly associated with the IGF is the actional imperfective (*akcional'noe značenie nesoveršennogo vida*, cf. Padučeva 1996: 48–52), which occurs in questions and statements concerning the circumstances of an event. It is common in all Slavic languages except Bulgarian, where it appears to be less frequent (cf. Stankov 1976: 52–53). BCS and Czech examples are given in (4):

- (4) a. Gdje si *kupovala*ⁱ rasvjetu? (BCS)
Where did you buy the lighting?
- b. A kde *jsi kupovala* ten kostým? (Cz)
'And where did you buy that suit?'

Thus, the current situation in Slavic, as best as I have been able to ascertain it, may be summarized as in the following table.

	East Slavic	Blg	Pol	BCS	Cz, Sln
Existential IGF with accomplishments	+	+	+	(+)	+
Existential IGF with achievements	+	+	–	–	–
Concrete IGF	+	(+)	(+)	(+)	–
Two-Way IGF with Prefixed Motion Verbs	+	+	+	(+)	–
Two-Way IGF with Non-Motion Verbs	+	+	+	(+)	–
Actional Imperfective	+	(+)	+	+	+

Table 1: Values for Types of the IGF in Individual Slavic Languages

A + means that the type of IGF is common; a (+) means that it has restrictions or is relatively marginal; a – means that it is very uncommon or non-existent.

I should point out here that the semantic pathways whereby an imperfective verb with a basic meaning of process comes to express a two-way action, etc., are available in principle to all the Slavic languages, so that we are not dealing with a presence versus an absolute absence of various kinds of IGF in the various Slavic languages. Rather, all types of IGF as *major use patterns* in East Slavic, whereas in BCS, Czech and Slovene the concrete IGF and the two-way IGF are *minor use patterns*, in the terminology of Heine and Kuteva (2005).

The values in Table 1 reflect the fact that the IGF is maximally represented in East Slavic, whereas it is subject to various limitations in the other Slavic languages. In particular, the unacceptability of the IGF with achievement verbs and the marginality or absence of the concrete IGF alongside the healthy existence of the actional imperfective in BCS, Czech and Slovene suggests that the IGF in these languages is basically a contextual variant of the process meaning of imperfective verbs. Thus, the essence of the IGF in BCS, Czech and Slovene contrasts sharply with the situation in East Slavic, as recent treatments of the IGF have emphasized the link between the IGF and repeatability in Russian (cf., e.g., Mehlig 2001, Šatunovskij 2009).

In view of the above, the development of the IGF in the various Slavic languages must be approached with respect to several interrelated questions:

Why is the IGF maximally represented in East Slavic, in contrast to the other Slavic languages?

Conversely, why does the IGF reach a minimum in the languages of the extreme western periphery of Slavic (Czech and Slovene)?

Why do East Slavic and Bulgarian both attest the IGF generally to a relatively high degree, despite the structural differences between their respective verbal systems?

Conversely, why do BCS and the languages of the extreme western periphery of Slavic attest the IGF to the lowest overall degree, despite the structural differences in their verbal systems (now and in the recent past)?

Based on data from the older Slavic languages, I assume that the IGF as it exists in East Slavic is largely an innovation (cf. Dickey, to appear (a)). Given the current differences regarding the IGF, especially in the context of the differences between their verbal systems, it is unlikely that the divergent distribution of the IGF can be reduced to the effect of the presence or absence of a single factor in the development of the Slavic languages. Rather, I suggest that at least four factors have played a role in producing the modern situation:

- The retention of the Common Slavic simple tenses (imperfect and especially aorist) versus their loss and the resulting development of the old perfect into a general preterit; in the latter case, the time of the loss.
- The development of habitual verbs, the details of their usage, and their ultimate fate.
- Differences in perfectivizing prefixation, i.e., *préverbes vides*: telic *s-/z-* versus atelic *po-*.
- The presence versus absence of grammaticalized distinctions in nominal definiteness.
- The level of German (and Romance) language interference.

The initial event in the rise of the East Slavic IGF was the relatively very early demise of the Common Slavic tense system and the establishment of the erstwhile perfect as a simple preterit, setting East Slavic apart from the other Slavic languages as early as the 13th century (cf. Xaburgaev 1978). This development resulted in an increased impetus to shift all aspectual distinctions the newly appearing aspectual pairs (cf. Forsyth 1972). Other Slavic languages began this process later (e.g., Czech in the 15th century and later still in BCS), or not at all (Bulgarian). Thus, in Russian, the non-processual use of an imperfective verb to cancel the asserted result of the corresponding perfective is attested from a relatively very early time, cf. the following example:

- (5) I Adam rek: “Davalom na to svěťki, što esmi vščoe zaplatil, i tyi sud[’]i svěťkov” moich ne prinjali.” I my pytali Adama: “Est’ u tebě na to spravu, što tyi sud[’]i tvoe spravy ne prinjali, čeres toe tebě *kovali*?” (Old Rus; 15th cent.)

‘And Adam said: “For that I offered them evidence, [attesting] that I had paid the weighage, and those judges did not accept my evidence.” And we asked Adam: “Do you have confirmation that those judges did not accept your evidence, in spite of which they put shackles on you?”’

In the 14th century, special habitual verbs (e.g., Czech *končívát* ‘finish’) began to be productive in Russian, Polish and Czech. A semantic connection between habitual verbs and the IGF in Russian has been made by Janko (2005). Habitual verbs in the IGF are also attested in Old Russian and Old Czech, beyond their recognized function of asserting habitual repetition, cf., e.g.:

- (6) a. A velel’ emu... obyskati... xto k” nej... *priěžžival* ly i ee *bival*” ly i *mučival*” ly... i ee *grablival*” ly, i xto ee iz” podvor’ja i čelověka ee Fedka *svažival*” ly...? (Old Rus; 16th cent.)

‘And he ordered him... to investigate... who might have come to her and beaten her and tortured her... and robbed her, and who might have abducted her and her husband Fedko...?’

- b. O Mariji Magdaleně tak se čte, že, když kněz k ní přišel, když měla umřít, když se jí tázal, kto jest, a ona řekla: «*Čítal-li jsi kdy o oné hříšnici zjevné, o Magdaleně?*» A on řekl: «*Čítal.*» (Old Cz; 15th cent.)

‘Concerning Mary of Magdalene it is read that, when a prince came to her, when she was about to die, when he asked her who she was, she said: “Have you ever read about that known sinful woman, about Magdalene?” And he said “I have”.’

Such data suggest that the existence of habitual verbs has played a role in the development of the IGF in North Slavic, and can perhaps help explain why BCS, which has had very few of them, prefers the perfective where Czech and Russian have the existential IGF. Similarly, the secondary derived imperfectives of Bulgarian, while not habitual verbs *per se*, probably had the same effect by means of their non-actual meaning, especially regarding the existential IGF.

The divergent developments in Slavic perfectivizing prefixation correlate with the overall east-west division in the IGF, though it is difficult speak simply of cause and effect. In West Slavic and Slovene, the hybrid prefix *s-/z-* has become the only grammaticalized *préverbe vide*, which has helped to stabilize achieved telicity/completion as the dominant meaning of the perfective in these languages. In contrast, in East Slavic and Bulgarian *po-* is either the sole grammaticalized *préverbe vide*, (Russian, Bulgarian) or the dominant one (Ukrainian, Belarusian). In these languages *po-* has in recent centuries become very productive in the derivation of atelic delimitative verbs (e.g., Russian *posidet’*), which function primarily to express atelic or incomplete situations in sequences of events, which indicates that sequentiality is a central component of the meaning of the perfective. The rise of *po-* delimitatives and the IGF as a major use pattern in the eastern languages very likely mutually conditioned one another.

Generally following Leiss (2000), I assume that systems of nominal and verbal definiteness *tend* to be in an inverse relationship in a given language. Accordingly, we may expect the IGF, as an expression of verbal indefiniteness, to develop fullest in a language with no dominant system of nominal definiteness. Thus, it makes sense that the IGF has developed the fullest in East Slavic, which has which has been unaffected by the development of systems of nominal determination

(apart from North Russian dialects). Other Slavic languages have had a relatively high degree of nominal determination. Standard Bulgarian developed its well-known article system, and substandard varieties of the extreme western languages (e.g., Czech, Slovene) have made strides toward grammaticalizing definite articles in recent centuries. In these languages, there would have been less impetus to develop verbal definiteness distinctions in their aspectual systems to a high degree, and retain the older completion (perfective) versus process (imperfective) distinction.

The correlation between the lack of the IGF as a major use pattern and the presence of German (and Romance) language contact in individual Slavic languages is striking. German language contact has played a role in preventing the grammaticalization of *po-* as a *préverbe vide* in Czech, Slovene and BCS (cf. Dickey, to appear (a)). German language contact has also played a role in the stabilization of achieved telicity/completion as the central dominant meaning of prefixed perfective verbs in these languages, in part by the constant exposure of these western Slavs to the German use of atelic verbs in sequences of events (cf. Dickey, to appear (a)) and to the use of prefixed verbs for repeated events. Finally, German (and Romance) contact has played some role in the development of the substandard definite articles or article-like pronouns in the extreme western periphery of Slavic.

This paper discusses these factors and their interrelationships in the development of the IGF in the individual Slavic languages in more detail.

V. Dübbers (Universität Tübingen)

Factors for Aspect Choice with Iterative Situations in Czech

As is well known, there is a typological cross-Slavic variation of verbal aspect with a western and an eastern type and transitional zones, as described in Dickey (2000). An important domain of this variation is open iterativity, for which Russian grammar largely prescribes the use of the imperfective (ipv) aspect – except for the stylistically marked ‘vivid-exemplary’ function (наглядно-примерная функция) of the perfective (pv) aspect –, while Czech allows for the pv aspect to a much larger extent if the individual repeated situation is presented as a closed event. So in Russian iterative contexts the ipv aspect is motivated by the global level of open iteration (the “macro” situation), neutralizing the aspectual shape of the individual or “micro” situation, whereas in Czech the latter may be preserved and encoded by grammatical aspect irrespective of iterativity, which is then expressed by lexical or contextual means only.

For Czech the importance of the micro situation has been emphasized as being dominant in the sense that aspect choice depends on the aspectual properties of the verb and the aspectual presentation of the micro situation (Stunova 1993, Breu 2000). Petrušina (2000) assumes that with verbs whose ipv aspect allow for a progressive reading such as *skliditpv/sklízetipv* ‘pick’ (e.g. potatoes), this progressive reading is always implied also in iterative contexts, so the pv aspect might be used in order to avoid such a reading of “non-completedness” in the microsituation. Verbs which do not allow for a progressive reading such as *dostatpv/dostávatipv* ‘get, receive’ would be more frequent in the ipv aspect in iterative contexts. Less attention has been paid to the more global principles for the choice between aspectual focussing on the micro situation and aspectual encoding of iterativity. Such principles must also exist, since the ipv aspect can be used for iterative situations even if there is a possible progressive reading which is not intended, and on the other hand the pv aspect can be used even if there is no need to stress the completedness of each individual event.

In my talk I would like to give an overview over the different factors of the micro and the macro situation, concentrating on the latter. As to the former group, besides the above-mentioned factor of the possible progressive reading of the individual verb, there is a quite trivial factor for the aspectual profiling of the micro situation, namely the existence of an internal set of subsituations which is repeated as a whole (this is also characteristic for the Russian ‘vivid-exemplary’ use of the pv aspect). Furthermore, there are change of state verbs which, although they do not allow for a

progressive reading, have a strong tendency towards the pv aspect due to their focussing on a change of state and a result, e.g. *odhalit*pv ‘reveal’.

As to the factors of the macro situation, an important role play iterative adverbial quantifiers such as ‘often’ or ‘sometimes’. Petruxina (1983) found in a contrastive investigation with Czech and Russian native speakers that adverbs which denote an uninterrupted continuum of iteration such as Czech *stále* or *pořád* with the meaning ‘permanently, constantly’ do not combine with the pv aspect at all. *Pravidelně* ‘regularly’, on the other hand, has a strong bias towards the ipv aspect, but also occurs with the pv aspect. She also mentions that when *pravidelně* comes after the verb (i.e. in a rhematic position), the preference for the ipv aspect is even stronger. At the other end of the scale she mentions quantifiers such as ‘sometimes’ which even in Russian allow for the marked ‘exemplary’ use of the pv aspect. Our corpus investigation has proved these findings and given more detailed results. So we could discern a relative hierarchy of quantifiers according to their ability to function as “strong” or “weak” in the sense of emphasizing the macro level of the iterative chain or allowing for focussing on the micro situation. The position of the quantifier *after* the verb is always related to a higher ratio of the ipv aspect than the position before the verb. Interestingly, for ‘often’ and ‘seldom’ there exist pairs of virtually synonymous quantifiers with distributed roles as to their “strength” and position: So, for ‘seldom, rarely’ there is *zřídka* which predominantly comes after the verb and thus combines with a relatively high ratio of the ipv aspect, whereas *málokdy*, which is morphologically composed of *málo* ‘few, little’ and the temporal particle *-kdy* ‘when’, typically occurs before the verb and thus has a relatively higher ratio of the pv aspect. Moreover, the strong quantifier can much more easily be combined with modifiers such as ‘very’, ‘quite’ or ‘relatively’ than the weak one. In Russian there is no such differentiation of synonymous quantifiers.

The fact that when iterativity (i.e. the macro situation) motivates the ipv aspect the latter functions as an iterativity marker directly connected to the verb, whereas in the case of aspectual focussing on the micro situation iterativity has to be encoded by a quantifier (which may be positioned at the beginning of a sentence or even a discourse and also have wide scope over internal sub-situations), suggests a difference in the compositional-semantic scope of the quantifier in a way that the typical structure of the former case is “X verbs-often”, whereas for the latter it is “It is often the case that X verbs”. So it is not surprising that a grammatically singular argument which is to be interpreted distributively (i.e. not as being identical) for each of the iterated situations is also a factor for the aspect being motivated by the micro situation, since the iterative quantifier has wide scope over the existential quantifier of the argument. The scopal difference also leads to the hypothesis that when negation is under the scope of an iterative quantifier (“Often X does not verb”), aspect always encodes the structure of the micro situation, whereas when negation has wide scope over the iterative quantifier (“X does not verb often” or “It is not often the case that X verbs”) it is typically (but not necessarily) the macro situation which motivates the ipv aspect, since there is an implicature that the situation does take place but the frequency is qualified as not being high.

Finally, I would like to address the question of competition of different factors opposing each other. For this question we obtained some interesting results from an experiment with Czech native speakers, in which they had to complement sentences with uncompleted words by choosing appropriate aspect forms. So, for example, indicators of an internal structuring of the situation may overrule the bias of the quantifier *pravidelně* ‘regularly’ towards the ipv aspect motivated by the macro situation, and even the quantifier *neustále* ‘permanently’ apparently seems to be occasionally compatible with the pv aspect, although the latter cases are somewhat questionable.

Vidová opozice v kontextech tzv. historického přítomku v češtině

Je všeobecně známo, že na rozdíl od jiných slovanských jazyků, např. od ruštiny, lze v češtině běžně používat dokonavé tvary v tzv. historickém přítomku (Dickey 2000). Vzhledem k tomu, že užívání dokonavých a nedokonavých tvarů v historickém přítomku a v minulém čase je na první pohled značně podobné, došlo se k názoru, že jde o rovnoběžné struktury a že se kritéria vidového výběru dokonce ztotožňují (Šmilauer 1946). Tuto hypotézu dávno kritizoval A.V Bondarko (1956), který upozornil na příklady, ve kterých všechna nedokonavá slovesa v historickém přítomku nelze mechanicky dát do minulého času. Z toho důvodu je podle něj potřeba považovat vidovou opozici v historickém přítomku za „částečně neutralizovanou“. V tomto příspěvku ukážeme, že se vidová pozice uplatňuje různě podle typu kontextu. K tomuto účelu budeme rozlišovat mezi kontexty obecně označenými pod názvem historického přítomku čtyři následující typy: *prézens registrující*, *synoptický*, *historický mluvený* a *historický literární* (Esvan 2006).

Prézens registrující, který lze najít v nadpisech obrazů nebo v textech uvádějících životopisné údaje, se vyznačuje tím, že je vidová opozice neutralizována a nedokonavé tvary přijímají významy typické pro dokonavý vid jako je ukončenost děje:

- (1) V roce 1994 *umírá*¹ na srdeční zástavu. syn2000

Substituce za minulý čas, která je nepřipustná v případě nadpisů z konvenčních důvodů je v ostatních kontextech problematická, protože se význam úplně změní.

Pod názvem *prézens synoptický* shrnujeme různé typy textů, které označují děje potenciální nebo jasně uváděné jako fiktivní, jako např. scénáře, vtipy, scénické poznámky, instrukce, recepty, atd. Vidová opozice zde plně funguje, ale posun do minulého času není možné z konvenčních důvodů (vtip se vypravuje jedině v minulém čase).

Prézens historický mluvený se může střídat v mluveném vyprávění s minulým časem. Jako v mnoha jiných jazycích slouží ke strukturování promluvy (Silva-Corvalan 1983, Wolfson 1978) Posun přítomných tvarů do minulého času má zde negativní výsledky, protože všechny události vkládá do stejného narativního plánu.

Prézens historický literární je nejsložitější, protože se norma značně změnila a jeho význam závisí v nemalé míře na autorech. V klasickém modelu vypravování v minulém čase najdeme omezené fragmenty v přítomku, které mají za funkci „oživit“ vyprávění (B. Němcová), v pozdějších textech označit fokalizaci pohledu na určitou postavu (K. Čapek). V současné době je stále běžnější setkat se s texty, kde *prézens* je základním časem. V těchto textech funguje vidová opozice v zásadě stejně jako ve vypravování v minulém čase. K označení sledu událostí se používá hlavně dokonavý vid a někdy se na konci sledu nachází nedokonavé sloveso s inchoativním významem (Dickey 2000):

- (2) Bez ohlednutí zase *zmizí*^p v oprýskaném statku a Hanys *jede*¹ domů. (J. Holub, *Zádušní mše za hraběnku*)

U některých autorů lze však najít ve velmi podobných kontextech i sled nedokonavých tvarů:

- (3) [...] Aneta si nemůže pomoci, tenhle vynucený striptýz jí připadá pouze trapný. *Vstává*¹, *vylézá*¹ z vířivky a *odchází*¹. „A tohleto se zase líbí mně!“ volá za ní Cyril. (M. Viewegh, *Román pro muže*)
- (4) Rozbrečím se, noha fakt strašně bolí. Trošku se kroutim na posteli, to mě ale pak bolí víc věcí. *Přichází*¹ sestra a něco mi *píchá*¹ do ruky. (P. Soukupová, *Zmizet*)

Nedokonavé tvary zde působí velmi expresivně a vyjadřují např. silnou emoci, překvapení apod. Posun do minulého času, který je v případě klasického modelu docela možný, se v těchto kontextech spíše zdá nepřijatelné.

E. Fortuin (Universiteit Leiden)

Теория вида: употребления видов глагола в императиве в словенском и в русском языках

В последнее время возрос интерес исследователей к различиям и общим признакам категории вида в славянских языках (Dickey 2000, Stunová 1993, Barentsen 1998, 2008). Общим выводом является то, что существует две группы: восточная группа (включающая русский язык), и западная группа (включающая словенский язык). В разных статьях, Бенаккио (1997, 2002, 2004, 2005) уделила особое внимание виду императива в славянских языках. Однако, она сосредоточивалась прежде всего на категории вежливости. В настоящей статье дается сравнительный анализ употребления вида императива русского и словенского языков. Как станет ясно из примеров, взятых из параллельного корпуса ASPAC, выбор вида в русском языке не всегда совпадает с выбором в словенском языке, например:

Otkrivaj^{ipf}, Pux!

Odvij^{pf}, Pu! (Словенский язык)

““Open it, Pooh,” (Piglet could barely contain himself.)” (Milne, Winnie the Pooh)

A, Zahara syn! Čto ž, valjaj, nakručivaj^{ipf} rebjat. (Ostrovskij, Kak zakaljalas' stal')

A, Zaharjev sin! Nu, kar poprimi se, navijaj^{ipf} deco. (Словенский язык)

““Ah yes. You're Zakhar's boy, aren't you? All right, go ahead and stir up the young folk.””

Despot i meščanin, ne lomajte^{ipf} mne ruku! (Bulgakov, Master i Margarita)

Nikar mi ne zlomi^{pf} roke! (Словенский язык)

‘Despot and philistine! Stop breaking my hand!’

Da ne zabud' te^{pf} skazat', čto s nim ešče dvoe: (Bulgakov, Master i Margarita)

- In ne pozabite^{pf} povedati, da sta z njim še dva: (Словенский язык)

‘And don't forget to tell them that he has two others with him.’

Целью сравнительного анализа является ответ на следующий вопрос: можно ли объяснить употребление вида императива, исходя только из общего значения совершенного и несовершенного видов в русском и словенском языках? При этом мы обращаем внимание на разные типы контекстов: (a) повторяемость, (b) приступ к действию, (c) отрицание, (d) значение глагола, (e) процесс.

V.I. Gavrilova (Moskovskij gorodskoj pedagogičeskij universitet)

К вопросу об объеме понятия «декаузативный глагол» в русском языке

Примеры (1)-(6) представляют собой сложносочиненные предложения, в которых первое предложение является декаузативной (квазипассивной)¹ конструкцией, а второе предложение — пассивной конструкцией.

(1) Дом строится не сам собой, он строится рабочими.

(2) Дом строился не сам собой, он строился рабочими.

(3) Дом будет строиться не сам собой, он будет строиться рабочими.

(4) Дом построен не сам собой, он будет построен рабочими.

(5) Дом построился не сам собой, он построен рабочими.

(6) Дом построился не сам собой, он был построен рабочими.

Декаузативный или пассивный характер конструкции определяется, соответственно, тем, какая из двух предикативных форм используется в конструкции для выражения значения

¹ Вопрос о взаимоотношении терминов, содержащих прилагательные «квазипассивный» и «пассивный» рассматривается в [Гаврилова 2008].

совершенного видам – личная форма глагола возвратного глагола совершенного вида или причастие на *-н/-т*.

Объектом исследования является функционирование возвратного глагола-сказуемого совершенного вида, в конструкциях с неодушевленным подлежащим, соотносимым с прямым дополнением параллельной переходной конструкции. Методом исследования является конструкционный метод, который рассматривает синтаксическую конструкцию как сложное единство значимых единиц различных уровней, которое как целое обладает семантическими и синтаксическими свойствами, не выводимыми из свойств частей. Материалом исследования являются декаузативные конструкции, например (7) и (8). Задачей исследования является выяснение вопроса о том, как соотносятся, с одной стороны, особенности лексического значения возвратных глаголов-сказуемых декаузативных конструкций и, с другой стороны, грамматическая семантика спонтанности, которую предписывает этому сказуемому декаузативная конструкция, в составе которой это сказуемое функционирует.

Описываемое в декаузативных конструкциях изменение неодушевленного подлежащего воспринимается как спонтанное. В (7) значение спонтанности, обусловленное грамматической семантикой декаузативной конструкции, не противоречит типу лексического значения глагола, выступающего в качестве сказуемого этой конструкции, а распространение конструкции с помощью местоименной группы *сам собой* усиливает значение спонтанности:

(7) *Рубашка* разорвалась.

(8) *Рубашка* разорвалась сама собой.

Когда лексическое значение глагола-сказуемого противоречит значению спонтанности, обусловленному синтактико-морфологическими особенностями декаузативной конструкции, как это имеет место в случае (9), то возникает ощущение грамматической (или, по крайней мере, узуальной) неправильности декаузативной конструкции. Распространение минимальной декаузативной конструкции местоименной группой *сам собой* в (10) снимает вопрос о языковой неправильности и одновременно выдвигает вопрос о неправильности онтологической – о несоответствии полученной фразы порядку вещей, наблюдаемому в существующем зримом пространстве. Однако та же самая конструкция становится совершенно безупречной, если она употребляется не для описания зримого трехмерного пространства, а для описания воображаемого сказочного пространства как, например, в (11). Вопрос об онтологической противоречивости конструкция (10) может быть снят и за счет наложения модальной рамки, которая обеспечивается встраиванием отрицания (12) или группы *как будто* (13) в препозицию к местоименной группе *сам собой*.

(9) **Мост* построился.

(10) *Мост* построился *сам собой*.

(11) *Не стал Янка ей перечить: открыл при жене табакерку, велел помощнику — и построился мост. Переехали они в змеев замок.*

(12) *Мост* построился *не сам собой*.

(13) *Мост* построился *как будто сам собой*.

Примеры (14)-(17) являются литературными примерами конструкций, в которых декаузативное значение возвратного сказуемого оказывается возможным благодаря наличию в составе конструкции местоименной группы *сам собой*.

(14) *Прежде всего, надо держать в вечной памяти, что во всех делах и действиях в жизни большее нужно предпочитать меньшему. Иначе он затеряется непременно и не выполнит ни большего, ни меньшего. Если же он выполнит большее, то меньшее выполнится уже само собою* (Н.В.Гоголь).

(15) *Обломову и хотелось бы, чтоб было чисто, да он желал, чтобы это сделалось как-нибудь так, незаметно, само собой* (И.А. Гончаров).

(16) *Дурашливость архитектуры Василия Блаженного в ее непрактичности. И сколько в ней украшений без практических целей, просто так: вздумалось зодчему, и сделал (чуть-чуть не сказал “сделалось”, в церкви, в самом деле, много такого, что получилось как бы само собой)* (Д.С.Лихачев).

(17) *Сама собою жизнь ведь не построится, Вода под камушек не потечет.*

В типологических описаниях глаголы типа *разорвать* характеризуются как динамические предикаты результата со не специфицированным способом воздействия на пациенс, а глаголы типа *построить* – как динамические предикаты со специфицированным способом воздействия [Лютикова 2006: 65-66].

В примерах (1)-(6) представлен синтаксический шаблон, в котором осуществляется противопоставление декаузативной и пассивной конструкции. Противопоставление декаузативной и пассивной конструкции, построенное в соответствии с таким синтаксическим шаблоном, возможно для любого глагола со специфицированным способом воздействия на пациенс, например:

(18) *Платья не сами сшили не само собой, оно кем-то сшито.*

(19) *Замок не сам собой отремонтировался, он кем-то отремонтирован.*

Таким образом, декаузативные конструкции из первой части этого шаблона имеют не менее регулярный характер, чем пассивные конструкции с причастным сказуемым, являющимся формой пассивного залога от переходного глагола парного возвратному глаголу совершенного вида, выступающему в качестве сказуемого декаузативной конструкции. Несмотря на это в русистике остается не замеченным существование декаузативных возвратных глаголов, которые по своему лексическому значению являются глаголами со специфицированным способом воздействия, и в качестве претендентов на статус декаузативных глаголов рассматриваются лишь возвратные глаголы с лексической семантикой результата со не специфицированным способом воздействия на пациенс [Долинина 1991; Падучева 2001].

Признать русские возвратные глаголы типа *построиться, сшиться, отремонтироваться* и т.п. декаузативными глаголами мешают не языковые, а онтологические лакуны. Ведь такие формы в языке существуют, хотя и требуют в случае описания реального видимого мира расширения контекста минимальной декаузативной конструкции и наложения проиллюстрированной выше модальной рамки. Однако, как мы уже говорили, в случае описания волшебного мира сказки, например в (11), в составе минимальной каузативной конструкции возможны возвратные глаголы-сказуемые совершенного вида с декаузативным значением.

Обсуждается вопрос о том, могут ли противоречия онтологического характера служить препятствием на пути признания декаузативного характера конструкции, глагол-сказуемое которой оформлен с помощью личной формы совершенного вида от возвратного глагола со специфицированным способом воздействия на пациенс

L. Gebert (Università “La Sapienza”, Roma)

Typology of verbal aspect: how Somali explains Slavic

The paper examines the ways in which some of the semantic values underlying the imperfective aspect forms in Slavic languages such as Russian and Polish, are conveyed in Somali, a Cushitic language, spoken in the Horn of Africa. As is well known, in Slavic languages, the imperfective aspect not only has a durative-continuous meaning and is a “natural” form of stative and activity verbs, but it is also found when the verb expresses a repeated, habitual, or potential situation. The existence of a common denominator between such different meanings expressed by the same morphological form in Slavic is confirmed by the way they are encoded in Somali, namely by stem

reduplication for both the iterative and stative reading and by stative markers conveying either durative-continuous or habitual values.

The different but parallel morphological strategies, chosen respectively by Russian and Polish on the one hand and by Somali on the other, in order to express durative, iterative, habitual and stative meanings, provide evidence of a semantic homogeneity underlying such values. Comparisons between typologically different languages allow for a deeper understanding of the relevant issues and for a better interpretation of linguistic categories on a universal level.

М.Я. Glovinskaja (Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova RAN, Moskva)

Глаголы поесть и попить в современном русском языке.

1. Доклад предполагается посвятить аспектологическим характеристикам глаголов *поесть* и *попить* (*Мы поели и поехали дальше; Мы попили прямо из ручья*). Эта камерная на первый взгляд тема при ближайшем рассмотрении оказывается неожиданно интересной. В литературе эти глаголы подаются по-разному.

В толковых словарях оба глагола в своих основных значениях одинаково подаются как непарные самостоятельные лексемы (МАС, ТСРЯ 2007). В учебной же литературе или в литературе, возникшей на основе преподавательского опыта, *поесть* рассматривается как видовой коррелят к *есть* и отмечается близость такой пары к паре *обедать – пообедать* (см., например, работы профессора Х. Р. Мелига, а также учебник Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева «Введение в русскую аспектологию», М., 2000: 59). Что же касается *попить*, то этот глагол интерпретируется как делимитативный способ действия. В специальных грамматических словарях картина тоже противоречива. Так, в словаре «Русский глагол венгерский глагол: управление и сочетаемость» Ю.Д. Апресяна и Э. Палл (Будапешт, 1982) *поесть*, в отличие от *попить*, тоже трактуется как видовой коррелят. Напротив, в «Грамматическом словаре» А.А. Зализняка (М., 2003) оба глагола подаются как непарные.

2. Есть ли основания для такой различной интерпретации двух глаголов? Действительно, во многих отношениях эти глаголы ведут себя по-разному. Сравним их семантические структуры (дадим вначале предварительные толкования).

ПОЕСТЬ

поесть 1.1 ‘съесть такое количество пищи, которое необходимо для утоления голода’. *Может, тебе поесть или попить? Потом поем; приготовить поесть*. Абсолютное употребление.

поесть 1.2 ‘съесть некоторое количество пищи’. *Поесть щей <гречневой каши, ягод, меду, рыбы>*. Выражается при заполненной второй валентности, обычно с *genitivus partitivus*, но не обязательно: *Ну вот ты арбуз поел, почему не сказал "спасибо"? (В. Драгунский)*.

поесть 2 разг., близкое к просторечию. ‘съесть без остатка’. СОВ к поедать. Сердится на всех, кто поел ее угощение; В гетто кошек и собак давно поели (А. Рыбаков). — Деда, пошли! — торопила внучка. — А то они все поедят! (Б. Екимов).

поесть 3, СОВ к поедать. ‘уничтожить, поедая’. Моль поела весь мех. Белки поели весь урожай. Пример из словарей ??Ржавчина поела железо вряд ли возможен, мы скажем Ржавчина разъела железо.

ПОПИТЬ

попить 1 ‘выпить такое количество жидкости, которое необходимо для утоления жажды’. *Попить хочешь? Дай попить. Он забывает поесть-попить-побриться*. Обычно абсолютное употребление.

попить 1.2 ‘выпить некоторое количество жидкости’. *Попить пива <сока, минералки, кофе, чаю>; попейте молока*. Выражается при заполненной второй валентности, обычно с *genitivus*

partitivus. В этом случае необязательно в качестве цели имеется в виду утоление жажды, действие может осуществляться и для удовольствия.

попить 2 'принимать лекарство в течение некоторого времени'. *Врачи посоветовали мне попить валерьянки <настояй ромашки>*. Это чисто делимитативное значение: см. пример Х.Р. Мелига: *Он попил две недели лекарство и бросил*. Для этого значения типично заполнение валентности на время. Само лексическое значение *пить* в данной лексеме ослабляется, поскольку действие может относиться не только к жидкостям, но и к лекарствам вообще, в том числе к таблеткам: *попейте детралекс в течение месяца*. Оно сближается со значением глагола *принимать*.

попить 3 'выпить много за много раз'. Но за это он давно уже поквитался с ними, пожил в венском особняке Ротшильдов, поездил на реквизированном «Мерседесе», попил кошерных вин из еврейских подвалов (А. Архангельский). Образное употребление: Очереди шумели, бунтовали, буйствовали. "Попили нашей кровушки, злодеи!" (И. Грекова). Хотя семантические структуры в целом не вполне совпадают друг с другом, но их главные (абсолютивные) употребления на первый взгляд кажется естественным сформулировать как совершенно параллельные.

3. Между тем, глаголы имеют разную лексическую сочетаемость с аспектуально значимыми обстоятельствами. Ср. любит поесть, но не *любит попить; наскоро поесть, но не *наскоро попить; вкусно поели, но не *вкусно попили; Приходившие издали прихожане после службы оставались пообщаться с батюшкой, отдохнуть и поесть в церковной сторожке, но не *оставались попить в церковной сторожке.

Особенно важно различие в поведении этих глаголов относительно инклюзивных наречий. Так, возможно *Он поел за десять минут*, но не **Он попил за десять минут* (факт, отмеченный Х.Р. Мелигом) или даже ??*Он попил буквально за десять секунд*.

При полном параллелизме толкований объяснить эти различия семантически невозможно. Они из данных толкований не вытекают. Казалось бы, оба толкования объективно отражают некоторый физиологический предел, который имеет место в обоих действиях, а именно, – то результирующее состояние, которое возникает после поглощения соответствующего объема еды или жидкости. Очевидно, это слишком слабое и неопределенное представление о пределе, раз в случае *попить* оно не разрешает сочетаемости с инклюзивами. Между тем, семантическое различие каким-то образом должно отразиться в толковании.

4. В докладе это различие связывается с прагматическим неравноправием действий *есть* и *пить*. Основным средством поддержания человеческой жизни считается еда, к которой относятся все необходимые элементы, включая жидкость. При вопросе утром к кому-л. *Ты уже поел?*, имеется в виду весь завтрак, включая питье. Поэтому и противопоставление "голодный - сытый" более релевантно в языке и шире, чем "жаждущий - напившийся". *Поесть* связано не только с утолением голода, но и с получением удовольствия, и часто предполагает какую-то процедуру, иногда целую церемонию. Абсолютивное же *попить* ничего, кроме утоления жажды, притом обычно водой, в виду не имеет.

Рассмотрение целого ряда прагматических различий, сопровождающих эти действия, приводит к выводу, что *поесть* – гораздо более конвенционализованное и притом определенное во многих отношениях действие, чем *попить*.

5. Поэтому предлагается толкование *попить* оставить без изменений, как 'выпить такое количество жидкости, которое необходимо для утоления жажды', а толкование *поесть* скорректировать следующим образом. В него нужно ввести представление о трапезе как о чем-то целом. *Поесть* значит 'съесть то, что предназначено для данного приема пищи или столько из него, чтобы утолить голод'. Определенность объекта создает представление о пределе действия, и сочетаемость с инклюзивами становится возможной. Тем самым глагол *поесть* можно трактовать как видовой коррелят, а глагол *попить* – как отдельную непарную лексему.

Русский вид в контексте футурума

В работе [Горбова 2011a] для аспектуальной граммы была предложена следующая типология контекста: внутрилексемный, синтагматический и парадигматический контекст. Внутрилексемный контекст понимается как аспектуально релевантная лексическая семантика глагола, т.е. его акциональность, синтагматический – как словоформы, окружающие словоформу-носителя анализируемой граммы, парадигматический – как грамматические категории (ГК), отличные от находящейся в фокусе внимания исследователя. Естественно, в общем случае в рамках (неоднословного) высказывания реализуются все три выделенных типа контекста, а при его однословности (единственная словоформа – глагольный предикат) логично ожидать наличия внутрилексемного и парадигматического контекста.

Ниже предлагается фрагмент анализа материала лингвистического эксперимента, направленного на изучение видовой парности русского глагола. В фокусе нашего внимания находится граммема Несов(ершенного вида) в контексте футурума (буд. времени, Буд), также предполагается учитывать внутрилексемный контекст и адвербиальную составляющую синтагматического контекста. Этот выбор продиктован, в частности, и тем, что «видовые противопоставления в буд. времени изучены недостаточно» [Падучева 2009: 403 (сноска)].

Эксперимент был проведен в марте 2011 года, в нем участвовали студенты различных отделений 1 курса Филологического факультета СПбГУ, носители русского языка (была заполнена 81 анкета). Задание имело две части, каждая сопровождалась отдельной инструкцией. Первая часть была направлена на реализацию граммы Несов в футуральном контексте при единичности, вторая – на ее реализацию в претеритальном контексте при итеративности. Стимульный материал представляет собой высказывания, содержащие словоформу Сов(ершенного вида) – по 18 единиц в каждой части, причем 5 глаголов (*заняться, посидеть, порадоваться, найти, сохранить*) фигурировали в обеих частях. Последнее дает возможность сравнить их «видообразовательный потенциал» в двух различных ситуациях, различающихся и по признаку единичность-многократность, и по признаку временного плана, но единых с точки зрения режима интерпретации (в понимании Е.В. Падучевой [Падучева 2009: 392]): в обоих случаях – диалогического. Отобранные формы Сов репрезентировали все акциональные типы русского глагола (в соответствии с авторской концепцией, см. [Горбова 2010: 29; 2011]) и соответствующие им типы видовых пар, в том числе гипотетические [Горбова 2011], а также морфологические типы видовых коррелятов (в первую очередь суффиксальные и приставочные).

Приведем инструкцию к первой (футуральной) части эксперимента: «Вам дают поручение (или задание), которое Вы не намерены выполнять прямо сейчас. Пообещайте сделать то, о чем идет речь, в будущем: *завтра, послезавтра, на следующей неделе, потом* и так далее, используя в ответной реплике слова «я буду». Например: *Тебе нужно это доделать – Я завтра буду доделывать*. Ответ запишите под предложением в следующем списке (если Вы считаете, что получающийся ответ скорее относится к категории «так по-русски сказать нельзя», отметьте его вопросительным знаком – «?»). Стимулы: *Тебе нужно переписать домашнее задание; Тебе обязательно нужно поскорее выздороветь; Тогда ты должен ее очаровать; Ты должен еще раз всё проверить; Ты ведь еще должен написать отзыв; Значит, тебе его нужно разбудить; Тебе ведь еще нужно покрасить кухню; Нам ведь еще нужно постричь кошке когти; Ты должен погулять с ребенком; Нужно ведь еще поесть; Тебе над этим нужно еще поработать; Нам ведь еще нужно их поблагодарить; Тебе нужно заняться чем-нибудь полезным; Тебе нужно сохранить всё, как есть; Тогда тебе нужно на это возразить; Тебе еще нужно посидеть над этой задачей; Так ты должен только порадоваться этому; Тебе нужно найти правильное решение в этой ситуации.*

Полученные результаты представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Результаты по первой части эксперимента (Несов в контексте Буд)

№	Видовая пара	Морфологический тип пары	Кол-во ожидаемых форм Несов в ответах	%	Акциональный класс (в делимитативной «паре» определен по Несов)
1	переписать~переписывать	С	77	96,3	терминатив
2	очаровать~очаровывать	С	74	92,5	терминатив
3	заняться~заниматься	С	72	90	ингрессив
4	проверить~проверять	С	71	88,7	терминатив
5	возразить~возражать	С	69	86,3	агентив+моментатив
6	покрасить~красить	П	68	85	терминатив
7	поработать~работать	П	67	83,7	агентив
8	посидеть~сидеть	П	66	82,5	агентив
9	написать~писать	П	65	81,3	терминатив
10	погулять~гулять	П	64	80	агентив
11	порадоваться~радоваться	П	64	80	статив /агентив
12	разбудить~будить	П	64	80	терминатив
13	поесть~есть	П	61	76,3	агентив
14	поблагодарить~благодарить	П	59	73,8	агентив+моментатив
15	сохранить~сохранять	С	50	62,5	ингрессив
16	выздороветь~выздоровливать	С	48	60	терминатив
17	постричь~стричь	П	48	60	терминатив
	постричь ~ постригать/подстригать	С	12/14	15/17,5	
18	найти~искать	супплетивизм	40	50	терминатив (пара ???)
	найти~находить	супплетивизм	23	29,1	моментатив

Предлагаемые к обсуждению наблюдения:

- 1) При заданных условиях (единичность в плане будущего) не выявлено жесткой зависимости между акциональным типом пары и «легкостью» ее образования: все акциональные типы, кроме моментативного, представлены в диапазоне 74-96%.
- 2) Можно отметить факт предпочтения суффиксального типа пары (С) над префиксальным (П) в зоне верхних 14 позиций: С – диапазон 86-96%, П – 74-85%; оставшиеся вне этой закономерности позиции (15-18) объясняются наличием троек (17 и 18) и некоторыми другими факторами (15 и 16).

R. Guzman Tirado (Universidad de Granada)

О роли нефинитных глагольных форм в испанском и в русском языках

Зависимый таксис, который характеризуется несамостоятельностью одного из компонентов предикативного комплекса в испанском языке не был предметом специального исследования, поэтому представляет особую актуальность. Он, как и в русском языке, реализуется в сложноподчиненном предложении, в осложненном предложении и в простом предложении. Исследование таксиса и выражение таксисных и аспектуальных отношений при комбинации нефинитных форм в испанском языке на фоне русского - область, где наблюдаются наиболее глубокие разногласия в рассматриваемых языках. Нефинитными

таксисными формами в испанском языке являются: инфинитив, герундий и причастие. В отличие от русского, в испанском языке, широко употребительны:

- а) связные и абсолютные инфинитивные обороты. Они имеют значение обстоятельства, соотносящегося с действием сказуемого всего предложения; при этом исполнителем действия, выраженного инфинитивом, является подлежащее всего предложения.
- б) связные и абсолютные конструкции с герундием. В них герундий относится к подлежащему предложения или к дополнению сказуемого всего предложения.
- в) Связные причастные обороты. Они состоят из причастия и относящихся к нему слов, и в предложении выполняют роль определения одного из членов предложения (подлежащего или дополнения).

Специфика испанского языка заключается в том, что и инфинитив выступает в различных конструкциях с предлогом, который обуславливает широкий диапазон значений.

A. Israeli (American University, Washington)

Come in! Invitational motion directives in Russian

Russian has a number of verbs that, when used as an invitation, would be translated into English as 'Come in': *входи(те)*, *войди(те)*, *заходи(те)*, *зайди(те)*, *проходи(те)*, *пройди(те)*. In all of these cases the invitation issued at t1 is to be fulfilled at t1, as opposed to the invitation issued at t1 which should be fulfilled at some other time t2 and which would more or less correspond to 'Come' which should be discussed separately. In all cases the Figure (the person who is invited in) is either outside the entrance door or barely inside. On the surface it appears that the distinction is purely aspectual and could be viewed as a subset of the imperative aspectual issue, which has been discussed in the literature (Падучева, Храковский, Benacchio, Шатуновский and others). However, the distinctions within the pairs, in fact within all six variants, are semantic and pragmatic.

There are several major components that affect the choice of aspect and prefix: the intention of the Figure, whether the door is open or closed, closed and unlocked but supposed to be locked, whether the Speaker and the Figure see each other, know each other, whether either of them represents an authority figure, whether the Speaker treats Figure as a friend or as a guest.

I. If the Figure was *not* planning to go in, but only to communicate with the Speaker, the invitation will be issued in the form of *зайди(те)*, depending on *ты/вы* form of address.

— Батюшка, а чего тебе надо-то? — спросила она.

— Марье Поликарповне привез поклон от сына, старшего лейтенанта Дремова.

Тогда она отворила дверь и кинулась к нему, схватила за руки:

— Жив, Егор-то мой! Здоров? Батюшка, да ты *зайди* в избу. (А. Н. Толстой. Русский характер)

II. All other options occur when the Figure *did* want to go in and asked for permission to go in either verbally or non-verbally (by knocking or ringing at the door).

The second major parameter is whether the Speaker sees the Figure. If the speaker does not see the Figure, tertiary parameters include whether or not the door is presumed to be locked by the Figure and whether or not the Speaker has an idea as to who the Figure is.

1. The Speaker does not see the Figure.

- а. The door is not locked and it is not expected to be locked: *войдите* ^P

В дверь кто-то постучал.

— *Войдите!* — крикнул Деникин. (Александр Бондарь. Черные мстители)

In this case, *войди* is possible in a children only setting, such a school, for example.

- b. The door is not locked but is expected to be locked (an explicit reference to the unlocked door is necessary): *входите*ⁱ

День я себя мариновал, а потом постучался в ту дверь. Мне ответили: «*Не заперто, входите, пожалуйста*». Я вошел. (Александр Тюрин. Дорога на Буян (так закалялся виртуал) http://lib.sarbc.ru/koi/TYURIN/road_buj.txt)

- c. The Speaker has a pretty good idea as to who the Figure is; there is a limited range of possibilities as to who the Figure might be: *входи(те)*ⁱ

... раздался осторожный стук в дверь.

— Да, Олечка, *входи!* — крикнул Рачинский. — Только она так скребется, — весело объяснил он. [А. Берсенева. Возраст третьей любви (2005)] (RNC)

When the Speaker sees the Figure, the choice is governed by the remaining parameters listed above.

2. The Speaker does see the Figure.

- a. The Figure is an unfamiliar person to the Speaker or an authority: *входи(те)*ⁱ

— Вы ко мне? — усомнился хозяин квартиры, ...

— Если вы — Иван Троицкий, то к вам.

...

— *Входите*, — он распахнул дверь пошире, пропуская её в свое жилище. (Д. Булатникова. Шаман-гора. http://det.lib.ru/b/bulatnikowa_d/text_0200.shtml)

- b. The Figure is a friend (understood broadly); Figure and Speaker may be inside or outside: *заходи(те)*ⁱ

Звонят. Наверно, Жанна пришла. ...

— Валюнчик, здравствуй, солнышко! Дай поцелую. Я тебя не покрасила?

— Кажется, нет. *Заходи*. (И. Грекова. Летом в городе)

- c. The Figure is a guest (understood broadly): *проходи(те)*ⁱ

Проходи, гостем будешь. [М. Сергеев. Волшебная галоша (1971)] (RNC)

While *проходи(те)* literally means ‘come through, i.e. covering the territory’, that is an invitation into an *inner sanctum*, it is logical that pragmatically it would mean ‘come in as a guest’. It can be said to a person who is already (barely) inside.

В прихожую, улыбаясь, шагнул высокий молодой человек...

— Ну, *проходи*, — неохотно сдалась она. — Не в комнату, конечно, на кухню. (Алексей Иванов. Географ глобус пропил)

- d. Invitation in a formal setting (in broadest sense); the speaker is an authority figure: *пройди(те)*^p

— Рыцарь, тут явился маленький человек, который говорит, что ему нужен мессир.

— А пусть войдёт, — раздался из кабинета разбитый голос Коровьева.

— *Пройдите* в гостиную, — сказала девица так просто, как будто была одета по-человечески, ... (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

J. Kamphuis (Universiteit Leiden)

Verbal aspect in Old Church Slavonic

Modern Slavic languages differ considerably regarding the functions of verbal aspect. That makes one wonder what the common aspect system in which the modern Slavic aspect systems all find their origin must have looked like. The object of a larger research project on verbal aspect, conducted at Leiden University, is therefore the oldest attested Slavic language, Old Church Slavonic. The research question I would like to address in my current paper is:

"What does the Old Church Slavonic verbal aspect system look like?"

I will argue that verbal aspect is already firmly rooted in Old Church Slavonic, but that there is clearly also still development.

I will present a case study that concentrates on a group of verbs with special characteristics regarding their aspectual derivation: prefixed *-vęzati* 'bind', *-kazati* 'state', *-ręzati* 'saw' and *-sypati* 'strew'. The group of verbs is special because only forms that are built on the present stem (present, imperative and present participles) show derived counterparts (e.g. *sъkаžŕ* 'I inform' and *sъkаzajŕ* 'I inform'). Forms built on the infinitive stem (infinitive, supine, aorist, imperfect and past participles) are absent from the derived paradigm.

The study shows that the derived forms of the prefixed verbs mentioned above show functions typically associated with imperfectivity, e.g. unbounded repetition and processuality, while the non-derived forms show typical perfective functions, of which the clearest is the future function of present tense forms, but also the narrative chaining of events as expressed by the aorist. The imperfect tense forms have a remarkable double role; being non-derived, they show both perfective and imperfective functions.

Interestingly enough, the less central functions of aspect, which show great diversity amongst the various modern Slavic languages (cf. Dickey 2000), are also the functions where Old Church Slavonic aspect has not fully settled. This concerns areas like the historical present, performatives and habitual expressions. One example is the difference between the codex Marianus (M) and the codex Zographensis (Z) in Luke 14:35 in case of a habitual event. M uses a perfective present, something frequently seen in the Western Slavic languages, while Z uses an imperfective present, the expected form in the Eastern Slavic languages.

M Ni vъ zemi ni vъ gnoi trěbě estъ . vонъ isypljotъ jŕ.

Z Ni vъ zemi ni vъ gnoi . trěbě estъ . vънъ isypajetъ sę.

EN It is useless either for the soil or for the manure pile; it is thrown out.

In Luke 12:5 M and Z together are opposed to the codex Assemanianus (A). This time it concerns a case of performativity. Again, the difference is between a perfective present (M, Z) and an imperfective present (A) and again this is similar to a division seen between Western and Eastern Slavic languages.

M, Z sъkаzajŕ že vамъ . kogo sę uboite

A sъkаžŕ že vамъ . kogo uboite sę

EN But I am warning you... / But I will warn you...

Based on these and other findings in the case study I hypothesize that the Old Church Slavonic imperfective and perfective aspect already had established a strong basic meaning, but that there was still 'aspectual development' in more complicated cases.

Y. Kaneko (Iwate University)

«Нестандартные» видовые формы японского языка и субъективно-оценочное восприятие действия: на материале переводов русских художественных текстов

В японском языке аспектуальные характеристики выражают типовые аналитические формы – смысловой глагол в деепричастной форме с окончанием *-te* соединяется с вспомогательным глаголом. В аспектологии чаще всего обсуждается одна из таких аналитических форм — форма на *-te iru* 'быть'¹ (*-te ita* в прош. вр.), которая актуализирует наличие различных стабильных фаз ситуации, синхронной моменту наблюдения, в частности состояние, процесс, свойство, отношение, а также некий эффект действия (в перфектном значении). Некоторые исследователи придерживаются мнения, что данная

¹ Исходное значение вспомогательного глагола.

форма составляет аспектуальную оппозицию с немаркированной, простой формой на *-ru* (*-ta* в прош. вр.), которая, будучи вокабулой, представляет названное действие как нечто целое. Комплетивность простой формы особенно наглядна в повествовательных текстах, передающих перечень событий, однако, она не связывается с критической точкой – достижением определенного результата, и ее временные границы никак не обозначены.

В докладе мы обращаем внимание на некоторые другие, сходные по структуре формы на *-te oku* ‘класть’, *-te miru* ‘смотреть’, *-te shimau* ‘заканчивать’, которые считают вторичными, “нестандартными” (по В.М. Алпатову) аспектуальными формами. Их второстепенность объясняется, во-первых, необязательностью их выражения в речи – данные формы, не меняя валентность и управление смыслового глагола, в большинстве случаев, заменяются простой формой; во-вторых, ограниченной сочетаемостью глаголов, которые соединяются с формами; в-третьих, семантическим осложнением субъективно-оценочными значениями. Данные аналитические формы, по нашему мнению, хорошо демонстрируют характерный для японского языка способ восприятия действительности. Имеются в виду «более субъективный, более импрессионистический, более феноменологический» способ описания мира, противопоставленный причинно-следственному взгляду на мир (Wierzbicka 1992), а также язык как «континуум», в котором действие как таковое нестрого ограничено его пределом, а сливается со следующей за ним ситуацией, противопоставленный «индивидууму», в котором действие четко очерчено (Ikegami 1991).

Данные продуктивные конструкции нередко употребляются в разговорной речи, а также в художественном повествовании от первого лица, в которых в большей степени допускается субъективность и выявление собственных чувств говорящего. Приведенные ниже примеры взяты из подобного рода произведения «Чемодана» Сергея Довлатова.

Аналитическая форма на *-te oku* соединяется с глаголами, обозначающими сознательные контролируемые действия. Например: А Бродского не тронул. Всего лишь спросил – кто это? Я ответил, что дальний родственник... / Буроцуки: -ни ва ки-ни-мо томэдзу, тада «Корэ-ва дарэ-да?» то ки:та дакэ датта. Боку-ва «То:и синсэки дэсу» то котаэ-тэ оита [ответить-те оку-PAST]. Употребление аналитической формы вместо простой формы мотивируется тем, что субъект действия, т.е. автор и повествователь “я”, предполагал возможный эффект совершенного им действия на дальнейший ход события (в данном случае – с целью избежать лишних проблем с таможенником). Форме на *-te oku* традиционно приписывается значение подготовительного действия, которое, по нашему мнению, исходит из более обобщенного значения ‘сознательное сохранение субъектом стабильной фазы действия’ (Канэко 2010). Значение подготовки, в конечном счете, обусловлено контекстом и является интерпретационно возможным выводом на основе того, что цель действия может находиться не в самом совершении его, а в сохранении его эффекта.

Приведем из «Чемодана» пример с аналитической формой на *-te miru*. *Тогда я достал чемодан. И раскрыл его / Сокодэ, боку-ва су:цукэ:су-о торидаси, акэ-тэ мита* [открыть-те *miru*-PAST]. Значение вспомогательного глагола *miru* ‘смотреть’, можно трактовать как ‘оценивать последствия действия, обозначаемого смысловым глаголом’ (Kinsui 2004). Разница между конструкцией и простой формой заключается в дополнительном значении первого, что действие субъекта направлено не к его завершению (логическому результату) как таковому, а к связанным с ним последствиям, которые описываются в последующем высказывании. Если взять приведенный пример, автор, сам субъект действия, в раскрытом чемодане обнаружил вещи, вызывающие у него личные воспоминания. Следовательно, семантическая структура данной конструкции не заканчивается в пределах одного действия (т.е. процесс с начала до конца), а охватывает более широкий ракурс высказывания. Оценивание, по сути дела, предполагает наличие чего-то неясного в ситуации, которое является мотивом оценивания, а совершаемое действие, при этом, служит как бы способом разъяснить ситуацию. Данная конструкция В.М. Алпатовым

формируется как подготовительное действие для получения в его результате некоторой информации (Алпатов 1984).

Японские ученые и советские японисты традиционно относили конструкцию на *-te shimaui* к числу японских видов, и называли ее завершительным (совершенным) видом. Данная форма отличается от немаркированной простой формы, которая выражает комплетивность действия, тем, что она в своей семантике явно содержит смысл достижения предела действия, хотя этот смысл выражается не прямо, а переосмысливается говорящим как 'нахождение субъекта в необратимой стадии после совершения действия'. Удивляясь незначительности личного имущества, герой «Чемодана» себя спрашивает: *Рукописи? Я давно отправил их на Запад тайными путями / Гэнко: ? Дзутто маэни нисигава-ни химицу-но ру:то-дэ окут-тэ симатта*. [*отправить-te shimaui*-PAST]. Необратимость действия и субъективное осознание ее передают различные нюансы чувств в зависимости от лексического значения глагола и/или контекста, например, “дело сделано, теперь уже говорить об этом нет смысла” как в приведенном примере. Русские глаголы СВ, как маркированный член видовой оппозиции, ставят акцент на доведение действия до конца/предела и тем самым полное осуществление действия, поэтому значение необратимости действия и его результата как таковое уже само собой разумеется.

M. Karanfilovski (Univerzitet “Sv. Kiril i Metodij”, Skopje)

За некои функции на императивот во македонскиот јазик и во другите словенски јазици – прашањето на глаголскиот вид при негација

Со формите на императивот и во македонскиот како и во другите словенски јазици може да се изразува учтивост, грубост, молба, покана, согласност, одбивање на некаква понуда или предлог итн. Употребата на ваквите функции на императивните форми во македонскиот јазик во многу нешта може да се разликува од соодветната употреба на ваквите функции на императивот во другите словенски јазици. Посебно прашање е употребата и функционирањето на негираниите императивни форми во македонскиот јазик и во словенските јазици. Основно значење на негираниот императив во словенските јазици е искажувањето забрана (прохибитив). Свршениот вид ја претвора забраната во застрашување, закана или предупредување. Во македонскиот јазик императивните форми од свршени глаголи се мошне ограничени – некои форми се целосно лексикализирани, а други имаат стилска нијансираност на искажување услов со совет, препорака или застрашување. Интересна е употребата со искажување неопходност од обратна реакција, како и искажувањето последица и причина. Овие функции се споредуваат со соодветните во другите словенски јазици.

M. Kitajo (Kyoto Sangyo University)

Видовые синонимичные формы русских и японских деепричастий в художественном тексте

Прежние исследования недостаточно внимания уделяют проблеме видовых синонимичных форм русских (А. В. Бондарко[1], Р. О. Jakobson[6] и др.) и японских (J. Myhill, J. Hibiya[4], I. Tamori[5] и др.) деепричастий. Наша цель состоит в том, чтобы рассмотреть данные синонимичные формы в художественном тексте с учётом «фигуры фона»(foreground-background) и выявить их типологическую новизну. Мы предлагаем признаки, которые характеризуют фигуру (конструкцию прямой речи и персонажей, активно участвующих в развитии основного повествования), и концепцию семантической переходности. Материал взят нами из 33 произведений русских крупных 11 писателей XVIII – XIX веков и 10

современных японских знаменитых писателей. Всего изучено 3524 деепричастия (русские – 1304, японские – 2220).

В литературных произведениях с XVIII до XIX веков существовали инородные синонимичные формы русских деепричастий совершенного вида (формы-Я(а) / формы В(вши). напр.: «Увидя / Увидев мать, Антон встал.») А в японские деепричастия входят форма-И и форма-ТЭ. Форма-И служит основой глагола, а форма-ТЭ составляется из основы глагола и постфикса «тэ», который происходит из вспомогательного глагола, означающего завершенность. Форма-И и форма-ТЭ могут чередоваться в рамках одного предложения, не изменяя его смысла (напр.: «Хаха-о(мать) ми / митэ(увидев), Антон-ва(Антон) татиага тта(встал).» (Увидев мать, Антон встал.)).

Инвариантная особенность диалогов представляет собой динамический характер речевого взаимодействия. Такое речевое взаимодействие часто создаёт сюжетное напряжение. Конструкция прямой речи (в дальнейшем КПР) включается в авторское повествование и является одним из компонентов языка художественной прозы. КПР, состоящая из речи персонажа и слова автора, выступает в изобразительной функции, рисуя облик героя, у которого своя манера речевого поведения, оживляя художественное повествование. Из КПР строятся диалоги, посвящённые определённой теме и законченные по содержанию. В нашем случае полезно воспользоваться теорией П. Дж. Хоппера и С. А. Томпсон[3]. Мы, применяя их теорию, показываем, что КПР отвечает, в основном, таким ситуациям, которые составляют фигуру.

Художественное пространство в литературном произведении - это континуум, в котором размещаются персонажи и совершается действие. Все персонажи вступают в разнообразные отношения между собой. В частности, персонажи, которые общаются с другими персонажами и часто высказываются, влияют существенно на события в прозе, принимают деятельное участие в развитии сюжетной линии. Иными словами, персонажи, которым принадлежит большее число высказываний, играют важную роль в развитии ситуации. В связи с этим мы изучали частоту употребления русских и японских деепричастий персонажами, которым принадлежит большое число высказываний, и персонажами, которые высказываются редко.

Результат нашего исследования показывает, что формы-Я(а) и формы-ТЭ нередко расположены очень близко от КПР и гораздо чаще употребляются при описаниях действий главных персонажей по сравнению с формами-В(вши) и формами-И.

Типологические исследователи (Т. Givon[2], Р. J. Horper, S. A. Thompson[3] и др.) полагают, что неспрягаемые формы глагола не имеют отношения к фигуризованным ситуациям. Но мы выяснили, что деепричастия(неспрягаемые формы глагола) имеют кандидаты, составляющие фигуру. В этом отношении форма-Я(а) и форма-ТЭ являются

солецизмом. Мы анализируем семантическую переходность обеих форм. Наша семантическая переходность, опирающаяся на физическое или духовное воздействие на пациенса, может быть выражена в разной степени. Мы классифицируем формы-Я(а) / формы-В(вши) и формы-ТЭ / формы-И по своим лексическим значениям на 14 разрядов: непосредственное действие, речь, телодвижение, мимику, познание, мысль, эмоцию, восприятие, возвращение, остановку, исчезновение, отношение, образ действия, существование. В нашем исследовании частотности употребления четырёх форм по вышеприведённой классификации обнаружилось, что к формам-В(вши) и формам-И тяготеют семантические свойства, обладающие высокой степенью переходности, тогда как с формами-Я(а) и формами-ТЭ связаны семантические свойства, обладающие низкой степенью переходности.

С точки зрения типологического, сопоставляя чужеродность форм-Я(а) и форм-ТЭ с другими феноменами низкой переходности (конструкцией с генитивным объектом, посессивной конструкцией, возвратным оборотом), нам удалось представить факт для разъяснения того, что феномены пониженной переходности нередко отступают от лингвистической нормы.

Взаимодействие модальности и аспектуальности в русском языке

По вопросу о характере взаимоотношений между модальностью и аспектуальностью в лингвистической литературе представлены разные точки зрения. Одни языковеды полностью отрицают возможность вывести какие-либо закономерности относительно участия вида в формировании модальных значений (см., например, Туровская 1998: 484-485). Другие лингвисты, напротив, полагают, что существует сопряженность между выбором вида и предсказуемостью определенных модальных функций (см., например, Abraham & Leiss 2008: XII-XIII, Abraham 2008: 8-12). В настоящей работе анализируется дистрибуция основных типов модальности (базовой, или агентивной (БМ) и эпистемической, или локутивной (ЭМ)) в высказываниях с настоящим временем глаголов в несовершенном и совершенном виде (наст.вр. НСВ и СВ) в русском языке. Эти формы являются репрезентативными для всех других видо-временных форм. Из всего репертуара прагматически мотивированных модальных значений (см. Klimonov & Klimonov 2008: 149-150) для иллюстрации модальной интерпретации высказываний ([+МОД]) выбирается дезидеративная, или потенциальная модальность как центральная, наиболее частотная разновидность модальных значений.

Модальные значения в высказывании являются продуктом взаимодействия видо-временных форм глагола с контекстом в конкретной речевой ситуации. Я выделяю два типа контекстов для форм наст вр. НСВ и СВ, а именно стандартные и нестандартные. Эти разновидности контекстов отличаются друг от друга в рассматриваемых формах значениями (положительными и отрицательными) признака актуальности глагольного действия, т.е. соотносительностью или несоотносительностью таких контекстов с моментом речи - этой конститутивной для настоящего времени точкой отсчета. Актуальность действия ([+АКТ]) является первичной функцией формы наст вр. НСВ в стандартных контекстах и вторичной функцией формы наст вр. СВ в нестандартных контекстах. Неактуальность действия ([-АКТ]) является первичной функцией формы наст вр. СВ в стандартных контекстах и вторичной функцией формы наст вр. НСВ в нестандартных контекстах.

Модальные значения, манифестируемые в высказываниях с формой наст вр. НСВ, переводят такие высказывания из стандартных для этой формы контекстов с признаком [+АКТ] (ср. пример (1-1) с актуализатором *сейчас*) в зону нестандартных для этой формы контекстов с признаком [-АКТ] (ср. пример (1-2) с модализатором *свободно*).

(1-1) Нина *говорит сейчас* с гостями по-английски [+АКТ] [-МОД]

(1-2) Нина *свободно говорит* по-английски [-АКТ] [+МОД] [+БМ]

Высказывания с модальными значениями этой формы интерпретируются как БМ. В примере (1-2) речь идет об объективном факте, не контролируемом говорящим.

В высказываниях с формой наст вр. СВ модальные значения встречаются как в стандартных для этой формы контекстах с признаком [-АКТ] (см. пример (2-1)), так и в нестандартных для этой формы контекстах с признаком [+АКТ] (см. пример (2-2)).

(2-1) Борис мастер своего дела: он *откроет* этот замок [-АКТ] [+МОД] [+ЭМ]

(2-2) Я все еще стою перед дверью и никак *не открою* этого замка [+АКТ] [+МОД] [+БМ]

В стандартных контекстах этой формы модальные значения трактуются как ЭМ. В примере (2-1) говорящий высказывает свою уверенность в том, что Борис в состоянии открыть этот замок, на самом деле этого может и не произойти. В нестандартных контекстах обнаруживается БМ. В высказывании (2-2) субъект контролирует производимое им действие.

Если в форме наст вр. НСВ признаки [+АКТ] [+МОД] исключают друг друга, то в форме наст вр. СВ в нестандартных контекстах эти признаки неотделимы друг от друга: модальная интерпретация является в таких случаях обязательной. Выражение актуального

действия формой непрошедшего времени. СВ типа *напишу* является основанием для выделения в составе этой формы отдельной формы наст вр. СВ типа *напишу*¹ синкретической (или омонимичной) с формой будущего времени СВ типа *напишу*². То обстоятельство, что значение актуального настоящего времени у формы типа *напишу*¹ выступает лишь в ограниченных контекстах, не меняет существа дела.

Вывод о сопряженности БМ с имперфективностью а ЭМ с перфективностью, сделанный Б. Вимером (Wiemer 2006: 142-144) а также А. Шмелевым и А. Зализняк (Shmelev & Zaliznjak 2006: 81) на материале конструкций, состоящих из модального глагола и инфинитива НСВ и СВ в русском языке, подтверждается и анализом видо-временных форм русского глагола, представленным в настоящей работе. То обстоятельство, что перфективные глаголы в нестандартных контекстах обнаруживают и значение БМ свидетельствует о том, что такая сопряженность видо-временных форм СВ со значением ЭМ носит менее строгий характер, чем сопряженность видо-временных форм НСВ со значением БМ.

Ju.P. Knjazev (Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet)

Русский вид и сфера действия отрицания

По мнению Т. Гивона, с помощью отрицательного высказывания говорящий фиксирует то или иное отклонение от ожидаемого: «Negative assertions are used in language contexts where the corresponding affirmative has been mentioned, deemed likely, or where the speaker assumes that the hearer – erroneously – holds to the belief of that affirmative» [Givón 1978: 87]. Иначе говоря, употребляя отрицательное высказывание, говорящий одновременно имеет в виду и соответствующий «позитивный» ход событий. Вместе с тем отрицательные высказывания не являются зеркальной копией утвердительных. Дело в том, факт сохранения исходной ситуации в момент, когда она наблюдается говорящим (иначе говоря, то, что в течение периода наблюдения не произошло ее ожидавшегося изменения), может быть зафиксирован только ретроспективно. Для форм прошедшего времени НСВ это означает, что в отрицательных предложениях они должны осмысливаться в первую очередь в общефактическом значении, для которого характерна именно ретроспективная точка отсчета.

Соответственно, глаголы СВ в контексте отрицания, как правило, сохраняют присущие им и в аффирмативных конструкциях семантические компоненты ‘единичность’ и ‘временная определенность’:

- (1) *Потом эти четверо вернулись и нас сменили. Мы не утерлись даже, не вымыли ни рук, ни сапог, полезли по бочкам в корму* (Г. Владимов);
- (2) *Данила петь умел, иной раз громко пел и переживательно, однако к хору не присоединился, как-то особенно остро почувствовав одиночество своё и душевную покинутость* (В. Астафьев);
- (3) *Передо мной уже мелькают лица женские и мужские, а Гали здесь нет. Неужели она не получила мою радиogramму? Неужели она уехала?* (В. Аксенов).

Напротив, отличительными особенностями ретроспективных употреблений глаголов НСВ в отрицательных конструкциях являются ‘потенциальная кратность’ и ‘временная неопределенность’; ср.:

- (4) *А через несколько лет двадцать крупнейших энергетиков страны были вызваны в Кремль. Речь шла о постройке Днепрогэса. Семнадцать из них отказались – таких станций мы не строили, опыта нет, мы не можем брать на себя ответственность* (Д. Гранин);
- (5) *Поговаривали, например, что во имя идеи порядка он оказывает услуги органам безопасности, но какого рода услуги, никто не уточнял, а я не очень понимал, чем он мог быть им так уж полезен* (В. Белоусова);

- (6) *Надо же ему было перед самым окружением принять пьяное безумие за истину жизни, совершить то, чего он не совершал в трудные долгие годы. Он не убивал детей и женщин, никого не арестовывал. Но он сломал хрупкую плотину, отделявшую чистоту его души от мглы, kloкотавшей вокруг (В. Гроссман);*
- (7) *Многие из присутствующих были людьми кабинетной науки, которые вообще никогда ничего не конструировали, не строили, раньше даже не помышляли о практическом приложении своих знаний (А. Бек).*

Используя референциальную терминологию, Х. Р. Мелиг говорит о том, то «общее отрицание в СВ относится к конкретной ситуации, которую слушатель, по предположению говорящего, знает и может идентифицировать», а общее отрицание в НСВ «относится не к конкретной идентифицируемой для слушателя ситуации, а к типу ситуации» [Мелиг 1998: 300, 302].

Как уже не раз отмечалось, отрицание глагола прошедшего времени НСВ может затрагивать не только собственно процессуальную фазу ситуации, но и предшествующее ментальное состояние – желание, готовность, необходимость совершить действие и т. п. Напротив, для глаголов СВ характерно сужение «сферы действия» отрицания. Таковы, например, глаголы СВ, входящие в предельные видовые пары типа *ловить – поймать, доказывать – доказать, решать <задачу> – решить, сдавать <экзамен> – сдать, догонять – догнать* и т. д. В соответствии с толкованием, предложенным Ю.Д. Апресяном, их общей чертой является то, что «в предложении вида *X не решил Y* отрицается только то, *X* получил ответ на содержащийся в *Y*-е вопрос, но отнюдь не то, что он обдумывал информацию, имеющую информацию к *Y*-у»; между тем в предложении с глаголом НСВ *X не решал Y* «та же самая часть толкования образует собственно утверждение (*не решал* значит ‘не обдумывал...’ » [Апресян 1980/1995: 60]:

- (8) а. *Простые труженики, мировых проблем не решали, жили ради друг друга, дети были плодом их любви, и они были счастливы (А. Рыбаков);*
 б. *Я спросил у одного из них насчёт задачи, оказалось, что и он её не решил (Ф. Искандер);*
- (9) а. – *Употребите свой авторитет, повлияйте на Ларису Федоровну. Она не вправе шутить безопасностью Катеньки, не должна пренебрегать моими соображениями. – Я никогда никого в жизни не убеждал и не неволил. В особенности близких (Б. Пастернак);*
 б. *Эти доводы не убедили Бока, и он ушел расстроенным, захватив с собой все содержимое кошелька Хуренито, дружески ему предложенное (И. Эренбург);*
- (10) а. *Он не только не касался политической стороны дела, не только не доказывал, что отец честный человек, ничего себе не брал и ничего у него не нашли, он, понимаете ли, пошёл по чистым мелочам: накладная номер такая-то, партия товара номер такая-то (А. Рыбаков);*
 б. *А когда узнал от меня, что старая музыка рано или поздно должна исчезнуть или отмереть, он и от этого пришел в ужас, оцепенел, словно на краю пропасти. Но потом решил – доказать и мне и самому себе, что – нет, что старая музыка не ошибка и не частность, а что и она может быть великой. Как и он в ней. А вот не доказал... – А мог доказать? – Не знаю. Он, наверное, и не мог... (В. Орлов).*

Эту особенность данной группы глаголов объясняют тем, что они обозначают действие, «о котором неизвестно, достигает ли оно в каждый момент своего протекания частичного результата или нет» [Гловинская 2001: 104], и, таким образом, «в наступлении результата есть элемент удачи» [Зализняк, Шмелев 2000: 56].

V. Lehmann (Universität Hamburg)

Аспектуально-темпоральные функции словоформ типа *дом (был) построен* / *dom jest / był (z)budowany*

Релевантность различения дейктической и нарративной ориентаций (режимов) уже давно доказана и для северных языков славянской территории (ср. Lehmann 1978, 1992; Падучева 1996; Wiemer 1997, Bartnicka et al. 2004). Но это мало отражается на практике описания глагольных форм, тем более, что типы *дом построен* и *дом был построен* (и их польские эквиваленты *dom jest zbudowany* / *dom był zbudowany*, в отличие от типа *został zbudowany*), эксплицитно маркирующие эту оппозицию, являются словоформами страдательного залога, которым обычно пренебрегается в описаниях категории времени.

В докладе будет показано, что словоформы типа *дом построен* имеют дейктическую, а формы типа *дом был построен* нарративную ориентацию (аналогично в польском языке) и что у обоих типов возможны результативная, стативная и событийная функции (см. Wiemer / Giger 2005) и как они распределяются на дейктический и на нарративный планы. Помимо этого будет показано,

- что эти словоформы могут иметь и диффузные функции, например, результативно-событийную функцию;
- что и в каком объеме типы *дом построен* и *дом был построен* используются с дейктическими обстоятельствами как *вчера*;
- что тип *дом построен* в определенных жанрах может иметь нарративную ориентацию (Gerken 2010), так что его дейктическая ориентация является только дефолтом;
- что данные словоформы и их аспектуально-темпорально-диатетические функции могут иметь, наряду с дейктической и нарративной ориентациями (режимами), и омонимическую ориентацию и что она оказывается обязательной третьей категорией временной ориентации (режима).

N. Medynska (Nacional'nyj pedahohičnyj universytet im. M.P. Drahomanova, Rivne)

Специфика аспектуального значения глаголов многократно-дистрибутивного и распределительного действия в современном украинском языке (на материале художественных текстов)

Аспектуальность в теории функциональной грамматики (ТФГ), разработанной научным коллективом лингвистов под руководством А.В. Бондарко, определяется как семантический категориальный признак, характеризующий протекание и распределение действия во времени, а также как группировка функционально- семантических полей, объединенных этим значением. Семантическим ядром ФСП аспектуальности является глагольный вид. Аспектуальные характеристики вида, лексических и других языковых средств могут выступать как потенция и как реализация [Бондарко 1996, 43]. Но реально взаимодействовать эти средства могут только на уровне высказывания при выполнении семантической функции. Б. М. Балин отмечает, что контекстологические исследования направлены на взаимосвязи элементов наблюдаемого контекста [Балин Б. М., 62].

Аспектологический контекст есть система разноуровневых языковых средств, которые, взаимодействуя друг с другом и с экстралингвистическими факторами формирования смысла, обеспечивают однозначность действий в плане языковой понятийной категории аспектуальности. Изучение элементов среды аспектологических контекстов в каузативной ситуации позволяет рассмотреть проблемы семантического воздействия грамем и лексем в контексте.

Объектом работы выступают глаголы многократно-дистрибутивного и распределительного действия, которые относятся к количественным способам глагольного действия, в системе

украинского языка. Цель исследования – определить средства выражения дистрибутивности глаголов многократно-дистрибутивного и распределительного действия в системе художественного текста.

Дистрибутивность противопоставляется другим способам глагольного действия по признаку кратности / не кратности, многократности / однократности действия. Дистрибутивные глаголы выражают множественность субъектов действия и неполную реализацию количественного противопоставления его протяженности.

Семантика многократности формируется на базе реализации таких значений, которые раскрываются в рамках контекста: - гранично-кратного: *Замолоду Новак пересидів у лісі кілька передрусьальних ночей, чекаючи півночі, коли має цвісти папороть* (Томч., Закарп. опов., 1953, 40). Значение кратности выражается лексическим детерминантом; - конкретно-результативного: *Тепер у Млинковського вже повиростали дочки. Дома була велика з'їжа, й він задумав порозовити, щоб їм було веселіше, щоб не нудились дома* (Нечуй-Левицький, III, 1956, 183); - обобщенно-фактического: *Восени і взимку він поперечитував усі літературні новини за рік* (Гр., II, 1963, 78). Хотя главной в обобщенно-фактическом значении есть семантика присутствия или отсутствия факта, семантический признак кратности здесь обусловлен как контекстом, так и семантикой глаголов, которые способны выражать многократные действия; - кратко-темпорального: *Діти скоренько позлізали и з плота й хотіли-таки зараз до трьох лісків іти* (Кобр., Вибр., 1954, 153). Лексический детерминант, выраженный наречием, подчеркивает, что многократное действие происходит быстро; - кратко-повторяемого: *Одного дня перепирала Рахіра кілька сороченьт доччиних* (Коб., II, 1956, 653). Лексический детерминант указывает на повторяемость действия.

Особо важным показателем специфики строя украинского языка является префиксальная редупликация – приставок (по- + по-) в составе одного глагола. Глаголы с приставкой *попо*, кроме значения дистрибутивности и распределительности, в контексте выражают также значение длительной протяженности действия. *Він попоходив до лікаря, перш ніж потрапив у лікарню*. В русском языке такое значение выражается повторением глагола: *Он ходил себе да ходил*. В украинском языке повторение слов также возможно или передается приставкой *попо-*: *ходив і ходив* або *попоходив*. Глаголы с таким значением часто употребляются в фразеологизмах или эмоционально-экспрессивной лексике.

Таким образом, специфика исследуемых глаголов, которая проявляется в значении действия, повторяемого через временной промежуток и распределяемого между многими субъектами или предметами в определенной последовательности – один за другим, реализуется в контексте. Анализ лексических детерминантов многократности показал, что некоторые из них могут сочетаться только с глаголами НСВ (детерминанты цикличности, интервала), а некоторые – с глагольными формами обоих видов (наречия со значением повторяемости и детерминанты счетного комплекса). Лексические показатели кратности могут усиливать повторяемость однократных глаголов и обуславливать повторяемость многократных глаголов, значение которых нейтрально по отношению кратности.

H. R. Mehlig (Christian-Albrechts-Universität, Kiel)

Предикация в НСВ как анафора

Предикация в НСВ может указывать на уже введенную ранее в тексте ситуацию и сообщать информацию о других компонентах высказывания, таких как Агенси, Место, Время. В подобном случае предикация в НСВ имеет анафорическую функцию. Начиная с работы О.П. Рассудовой ([1968]1982), употребление НСВ «в случае, когда говорящего интересует, где, когда, кто совершал действие» рассматривается как особый случай употребления НСВ и интерпретируется разными исследователями очень по-разному. Е.В. Падучева (1996: 48-52) обозначает употребление НСВ в предикациях типа *Кто вешал картину?* как «акциональное

значение НСВ», поскольку такое повторное употребление предикации в НСВ вслед за употреблением ее в СВ возможно только для контролируемых действий. Это «акциональное значение» она рассматривает как разновидность общефактического значения, поскольку и для этого значения характерна ретроспективная позиция Наблюдателя. А. Грённ (Grønn 2003) обозначает употребление НСВ при анафоре как “presuppositional imperfective”. При этом его формально-семантический анализ ограничивается случаями повторного употребления предикаций, которые отсылают к конкретной, индивидуализованной ситуации в СВ. О.Р. Рассудова ([1968]1982: 55-63) различает при повторном упоминании предикации в НСВ между «общефактическим» и «процессным» значениями. И.Б. Шатуновский описывает употребление НСВ при анафоре под заглавием «НСВ и дистрибутивность» [2009: 156-159]. В моем докладе мне хотелось бы показать, что при повторном упоминании предикации посредством НСВ, имеющей цель уточнить другие компоненты ситуации, аналогично к номинальной референции, надо различать три случая.

1. Антецедент отсылает к типу обозначаемой ситуации

Если предикация в антецеденте имеет НСВ и отсылает к типу обозначаемой ситуации, то повторное упоминание этой предикации возможно только в НСВ: [*Саша и Маша ВСТРЕЧАЛИСЬ в прошлом году.*] *А где они встречались?* В антецеденте представлено общефактическое значение НСВ, и остается неопределенным, имела место одна встреча или несколько. Это верно и для второй предикации (вопроса). Обе предикации указывают на тип («type») обозначаемой ситуации, обе имеют нереферентно-неопределенный (в другой терминологии неспецифический) референциальный статус. В этом случае представлен вид кореференции, известный также как коассигнация.

2. Антецедент отсылает к индивидуализованной ситуации

Если мы имеем дело с повторным упоминанием индивидуализованной ситуации, с «token», то при повторном употреблении в НСВ надо различать два случая:

2.1. Предикации в НСВ при повторном упоминании индивидуализованной ситуации отсылает к типу («type»): [*Пластинки куплены.*] *Где вы покупали пластинки? Они еще есть в продаже?* В данном случае ситуация, которая в предшествующем контексте была представлена как индивидуализованная, представляется в консеквенте как тип, как элемент множества схожих ситуаций. В таком случае это уже не кореференция в строгом смысле слова, а переход от индивидуализованной ситуации к ситуации как типу, от референтной определенности (*ситуация X*) к нереферентной неопределенности (*такая ситуация, как X*). В пользу подобной интерпретации говорит тот факт, что во втором вопросе *Они еще есть в продаже?* тематизируется потенциальная повторяемость интересующей говорящего ситуации. Та же логика применима к примерам типа *Как неровно висит карта! Кто ее вешал?*, в которых ситуация подвергается оценке. Оценка означает сравнение с другими ситуациями того же типа. Если повторное упоминание ситуации, индивидуализованной в предшествующем контексте, как в приведенных примерах, указывает на ее тип, то мы имеем дело с общефактическим значением НСВ.

2.2. Однако предикация в НСВ также может вторично упоминать в предтексте введенную индивидуализованную ситуацию, не изменив референциальный статус предикации в антецеденте, как в следующем примере: [*Текст переведен.*] *Кто переводил текст, Саша? Он заметил, что не хватает двух страниц?* Антецедент и консеквент отсылают к одной и той же индивидуализованной ситуации. Между обеими ситуациями имеется референциальная идентичность. В таком случае НСВ в консеквенте имеет уже не общефактическое, а процессное значение. Предикация в НСВ в консеквенте служит для введения фоновой информации. С ее помощью должны проясниться другие ситуации, произошедшие *во время, на фоне* обозначаемой ситуации (была замечена недостача двух страницы *при переводе* текста). Результат, о наличии которого сообщается посредством СВ в

антецеденте, при употреблении НСВ в консеквенте затемняется и тематизируется процесс, деятельность, приводящая к изменению состояния: *Антон заметил, что не хватает двух страниц, когда он переводил текст?* Кореферентная предикация в НСВ указывает только на деятельность, она сама по себе не содержит информации о том, достигла ли обозначаемая ситуация предела. Эта информация получена только из предшествующего контекста. При кореферентном упоминании индивидуализованной ситуации посредством НСВ мы имеем дело с линейной аспектуальностью (Плунгян 2000).

T.V. Milliaressi (Université Charles de Gaulle Lille 3)

Видовое выражение таксисной последовательности в свете иконического порядка Р. Якобсона

1. Введение. *Таксисная последовательность* процессов (предшествование и следование), а также *таксисное совпадение процессов* (полное или частичное) отражается на видовом значении и форме глаголов. Таксисная последовательность рассматривается как бесконтактное следование друг за другом процессов, временные границы которых отделены «размытостью глагольных контуров» (см. Serbat 1988: 33).

Р. Якобсон считает (Якобсон 1965), что процессы распределяются в речи в *иконическом* порядке, т.е. их порядок зеркально отражает реальную последовательность событий. Напомним, что Р. Якобсон на основе работы Ч.С. Пирса (Peirce 1867) различает следующие типы языковых знаков: а) иконы; б) индексы; в) символы. Он подчеркивает, что иконический порядок процессов отражает не только хронологическую последовательность реальных фактов, но и распределение процессов по степени важности каждого из них, что объясняется универсальными законами коммутации, ассоциации и дистрибуции языковых знаков. В качестве примера Р. Якобсон приводит известные слова Цезаря «*Veni, vidi, vici*».

С моей точки зрения, порядок следования процессов может быть не только иконическим, но и неиконическим. *Иконическая последовательность* выражает онтологическое отношение между процессами, которое лежит в основе их хронологического порядка: *пришел, увидел, победил* (чтобы увидеть, нужно до этого прийти, а чтобы победить, необходимо до этого прийти и увидеть). Другими словами, не только события следуют друг за другом по степени важности, но и сама их последовательность обусловлена отношением взаимозависимости: второй процесс невозможен без первого, а третий без второго. Этот тип отношений называют часто *инференцией* (Laurendeau 2003: 134) в отличие от собственно причинно-следственных отношений. *Неиконическая последовательность* присуща, на мой взгляд, классификации процессов в речи по степени важности вопреки их реальной хронологии. Например:

(1) *От волнения он плохо ответил на экзамене, забыл дома зачетку.*

На самом деле: сначала забыл зачетку, потом не сдал экзамен.

Эти два типа последовательности процессов (иконическая и неиконическая) по-разному влияют на видовую форму глаголов.

2. Инференция процессов.

(1) При инференции процессов иконический порядок их следования отражает *онтологическую зависимость между процессами*. В этом случае, как известно, в русском языке употребляется совершенный вид глагола:

(2) *Я написала текст, прочитала его, исправила, напечатала и распечатала.*

При последовательности несовершенных форм глагола (3) исчезает отношение инференции между процессами, и события не воспринимаются как хронологически обусловленные. С другой стороны, если процессы не могут протекать одновременно (невозможно

одновременно писать, читать и исправлять текст), последовательность несовершенных форм глагола выражает *иконическую* хаотическую последовательность повторяющихся процессов:

(3) *Я писала текст, читала его, исправляла, печатала и распечатывала.*

Интересно, что в языках, в которых отсутствует выражение предельности при помощи видовых форм, чтобы передать хаотическую последовательность ограниченных во времени событий, используется *неиконическая* последовательность процессов. Так, например, во французском языке, меняется логическая последовательность реальных событий:

(4) *J'ai plusieurs fois lu, écrit, tapé, imprimé et corrigé le texte.*

'я много раз читал, писал, печатал, распечатывал и исправлял текст'

В русском языке возможно дублирование неиконического порядка несовершенными формами глаголов для передачи хаотической последовательности действий (5). Это объясняется синтетическим строем русского языка, характеризующимся избыточностью информации по сравнению с языками аналитического типа.

(5) *Я читал, писал, печатал, распечатывал и исправлял текст.*

Между неопределёнными процессами отношение инференции в русском языке передается также совершенным видом. В этом случае должно быть выполнено одно из следующих условий:

(а) перфективация неопределённого глагола при помощи приставки *по-* (6);

(б) использование обстоятельства времени, ограничивающего процесс (7).

(6) *Он поработал несколько часов, пошел домой, победал с женой.* (НКРЯ, 2003)

(7) *Козлов закончил два курса консерватории по классу скрипки и три года работал солистом Биробиджанской филармонии.* (НКРЯ, 2004)

(2) Для выражения *видо-родовых отношений между процессами*, используется неиконическая последовательность глаголов (от родового к видовому). При этом возможна либо последовательность глаголов несовершенного вида (8), либо совершенного (9):

(8) *Я убиралась: пылесосила и мыла окна.*

(9) *Я убиралась: пропылесосила и вымыла окна.*

Чтобы особо выделить видо-родовое противопоставление процессов, в русском языке используется противопоставление глаголов по виду: несовершенный вид для выражения родового процесса, совершенный – видовых (10). Невозможно: (11).

(10) *Я убиралась: пропылесосила и вымыла окна.*

(11) * *Я убиралась: пылесосила и мыла окна.*

Необходимо отметить, что родовое понятие процесса неизбежно вводит отношение частичной одновременности между родовым и последовательностью видовых процессов.

3. Независимые процессы являются одновидовыми, распределяются в речи либо хронологически (но без инференции), либо по степени важности и выражаются при помощи одного и того же вида. Например, если муж вернулся домой и спрашивает у жены, что она делала весь день, она может ответить, соблюдая хронологический порядок событий (*иконическая последовательность*):

(12) *Я убиралась, работала на компьютере, готовила обед на вечер, ходила в аптеку.*

Она может также перечислить события по степени важности (с ее точки зрения), от главного до менее важного (компьютер – обед – магазин – уборка) (*неиконическая последовательность*):

(13) *Я работала на компьютере, готовила обед на вечер, ходила в аптеку, убиралась в доме.*

4. Выводы. Сопряжение таксисной иконичности/неиконичности и совершенного/несовершенного вида глаголов является основным средством передачи многообразия логико-онтологических отношений между процессами.

E. Mišina (Institut ruskogo jazyka im. V.V. Vinogradova RAN, Moskva)

V. S. Tomelleri (Università di Macerata)

Актуальные проблемы изучения категории вида в диахроническом аспекте (на материале ранних восточнославянских памятников в сопоставлении с современным русским)

1. Сравнительное изучение категории глагольного вида в славянских языках показывает довольно пеструю картину, не позволяющую определять данную категорию как единую и однообразную (Dickey 2000, Петрухина 2000). С другой стороны, исторический подход представляет большое количество употреблений, противоречащих настоящим правилам распределения форм совершенного и несовершенного вида. В некоторых случаях, исходя из современного состояния, довольно трудно определить видовую принадлежность глагольной формы, несмотря на ее формальные признаки.

2. В этой связи до сих пор актуальным остается определение методик и критериев, на основе которых можно определить видовое значение конкретных глагольных основ в тот или иной реконструируемый период. Достижения современной аспектологии, нарративной семантики, в частности детальное изучение частно-видовых значений (см. работы Ю.С. Маслова, А.В. Бондарко, Ю.Д. Апресяна, Е.В. Падучевой и др.) позволяют нам опереться на семантико-функциональный подход, и в качестве основного критерия взять так называемые диагностические контексты, в которых встречаемость или невстречаемость тех или иных основ может свидетельствовать об их видовой принадлежности. Такими контекстом являются актуально-длительное значение, конкретно-процессное прошедшее, сочетание с фазовыми глаголами и некоторые другие (Кукушкина, Шевелева 1991).

Однако историки языка всегда оказываются в ситуации, отличной от синхронистов – в нашем распоряжении нет такой методики, как методика эксперимента (так сказать можно, а так нельзя). Опереться можно только на выборку примеров, а в силу жанровой ограниченности древних текстов ряд показательных контекстов (таких, например, как актуальное настоящее или конкретно-фактическое будущее) встречаются редко по сравнению с непоказательными контекстами неактуального настоящего (например, настоящее гномическое), в которых допустима конкуренция видов. Кроме того, историков языка всегда подстерегает опасность «вчитывания современных смыслов» в древний контекст.

В такой ситуации при определении видового значения основы, на наш взгляд, полезно применять комплексный подход, учитывающий как контекстно-аспектуальное поведение глагола, так и морфологический критерий (в свое время постулируемый еще В. Вайаном, см. также Koschmieder 1934): от глаголов СВ не должны образовываться дейст. прич. наст. вр. и имперфекты, но регулярно образуются дейст. прич. прош. вр.; от глаголов НСВ, наоборот, регулярно образуются действ. прич. наст. времени и имперфекты, но не образуются дейст. прич. прош. времени.

В большинстве случаев дело обстоит именно так. Опираясь на комплексный подход, мы практически всегда можем сделать вывод о видовой принадлежности глагольной лексемы, и таким образом описать классы глаголов, которые: уже перфективизировались / плохо перфективизировались / оставались еще не охарактеризованными в отношении вида.

3. С другой стороны, по-прежнему актуальным представляется исследование языковой периферии. Как известно, в ранних восточнославянских памятниках формы имперфекта и дейст. прич. наст. вр. встречаются и от глагольных основ СВ, шире (по сравнению с совр. русским) употребляются формы презенса от основ СВ. На первый взгляд, это кажется противоречием тому, что сформулировано выше. Однако анализ материала позволяет утверждать, что функционирование причастий и имперфектов СВ в древнейший период не является свободным, а всегда контекстно обусловлено теми или иными факторами.

В древнейших восточнославянских памятниках значимыми факторами контекста, которые обуславливают СВ при употреблении форм имперфекта и дейст. прич. наст. вр., а также презенса в различных типах неактуального настоящего являются:

- *узуальность, кратность* (презенс СВ, имп. СВ): аще ли преступить кто то и зѣтъ приметъ казнь и на придѹщемъ вѣцѣ (ПВЛ по Лавр., л. 58), егда же приспѣаше зима... тако примѣрьзаше ноzi его къ камени. и не двигнаше ногами (ПВЛ по Ипат., л. 72).
- *потенциальная модальность* (презенс СВ, имп. СВ): копая подѣ дроугомъ ямоу сам сѧ в ню вѣвалить (Новг. I, л. 136); подаваше кмоу шконцемъ. яко сѧ вмѣсташе рѹка (ПВЛ по Лавр., л. 65).
- *отрицание* (презенс СВ, имп. СВ, прич. СВ): а нынѣ вода новою женоу а мѣнѣ не вѣдасть ничѣто же (НБГ 9), и сташа школо бѣлагограда. и не дадахѹтъ вылѣсти из гра(д) (ПВЛ по Ипат., л. 47об.), а дрѹжины шжидаючи. а к водѣ не дадѹче имѣ ити (Сузд. Лет., л. 134об.). Отрицание оказывается очень сильным фактором, «притягивающим» СВ. Современные знания о семантике СВ под отрицанием (см., напр. Падучева 1996) позволяют нам не сомневаться в видовой характеристике глагола *дати*, но иначе интерпретировать материал, чем в (Потебня 1941; Маслов 1954).
- *начинательность* (имп. СВ): и чернорисци поча множитисѧ. и монастыреве почахѹ быти (ПВЛ по Ипат., л. 57); и не дошедше до стрѣлища шдиногo всеволожа полкѹ. и тѹ авѣе побѣгнуше переди мѣстиславѣ. на сен сторонѣ рѣкы (Сузд. Лет., л. 130).
- *лексическая семантика глагола, включающая наблюдателя* (презенс СВ, прич. СВ): подѣ землею течетъ рѣка та и явитсѧ ѹ моря содомьскаго (Хождение Даниила); и пондѹчи изѣъ церькви, на правѹю рѹкѹ вылѣзѹчи, и естъ пещера глѹбока (Хождение Даниила).
- *застывшие клише* (прич. СВ): добрѣ же створи исправѣ же сам[ѣ] (НБГ 849).

E.V. Padučeva (VINITI RAN, Moskva)

Взаимодействие лексической и аспектуальной семантики: деагентивация

Деагентивация попала в зону внимания грамматистов в ходе изучения семантики возвратных глаголов. Дело в том, что возвратный глаголы с самым обычным, а именно, декаузативным, значением образуются от такого каузатива, который может иметь неагентивный субъект. Так, сочетание *дом разрушился* имеет гораздо более простое и естественное значение, чем *дом построился*, – ровно потому, что разрушить дом может землетрясение, взрыв и, вообще, время, а построить – только человек.

Следствием утраты агентивности часто является стативизация, см. в Булыгина, Шмелев 1998 о возможности процессного имперфектива у глагола *соблазнять* в агентивном значении и стативности имперфектива у неагентивного *соблазнять*:

- (1) а. Дон Жуан *соблазняет* очередную даму;
- б. Меня *соблазняет* возможность поехать в Италию.

Проблема стативизации приобрела новые обертоны после работы Рахилина, Резникова, Бонч-Осмоловская 2010 о глаголах с производным (вторичным) значением боли. В ней показано, что глагол (движения, звука, деформации и проч.), получая вторичное значение в тематическом классе боли, с необходимостью меняет также свой акциональный класс. А именно, переходит из глаголов действия, события или процесса, в класс стативов, т.е. в тот акциональный класс, который изначально свойствен первичным глаголам боли – таким, как:

- (2) <нога> *болит*, <кожа> *зудит*, <ухо> *свербит*, <ушибленный затылок> *саднит*.

Описаны три стратегии стативизации, сопровождающие образование производного «болевого» глагола:

– дуративная:

- (3) бок /в боку колет, глаза режет, под ложечкой жжет; в голове гудит; ср. также: гореть, гудеть, звенеть, трещать, давить, тянуть, жать, щемить, печь, щипать, стрелять;

– результативная:

- (4) ноги онемели /немеют, отнялись/отнимаются, затекли /затекают; живот сжало/сжимает, нос заложило /закладывает;

– проспективная:

- (5) голова *раскалывается* ($\approx$ 'вот-вот расколется'), *разламывается*, *отваливается*; меня *ломает*; ср. также *меня подмывает*.

Результативная стативизация – это перенос акцента с события на результирующее состояние, т.е. классический случай метонимии (Падучева 2004: 155-176). Парный НСВ, который маркирует этот перенос грамматически, т.е. однозначно выражает перфектное состояние, может существовать, как в (4), или не существовать, как в (6):

- (6) губы обветрили, язык отсох, я остолбенел.

Проспективная стативизация (результатом которой является акциональный класс тенденция, см. Падучева 1996: 113) тоже представлена в Рахилина, Резникова, Бонч-Осмоловская 2010 как разновидность метонимического переноса «часть–целое» – экзотическая, поскольку целое подпадает под парадокс имперфектива (Dowty 1979: 134).

Следствиями дуративной стативизации, т.е. образования статива из процесса, являются:

- утрата видовой парности (*глаза режет* – **разрезало*),
- редукция парадигмы видовых значений (прежде всего, утрата прогрессива),
- «утрата функциональности», т.е. ЭФФЕКТА, нормально сопровождающего процесс; так, глагол *гудеть* при переходе из процесса в состояние (болевое) теряет связь с издаванием звука.

Результативная и проспективная стативизация – это метонимия; а дуративная – это категориальный сдвиг, т.е. метафора: меняется целиком акциональный класс глагола.

В докладе речь идет о стативизации при образовании производных неагентивных значений от агентивных каузативных глаголов.

Деагентивация не обязательно сопровождается стативизацией; река разрушает набережную примерно так же, как ее могут разрушать рабочие. Но если при деагентивации происходит стативизация, то имеют место и некоторые сопутствующие ей явления. Несколько примеров, когда поведение глагола зависит от его агентивности.

Как известно, в семантику конативных агентивных глаголов входит презумпция попытки, которая обнаруживается при отрицании глагола СВ (Апресян 1980: 64):

- (7) Ты не объяснил $\supset$ 'объяснял, но не смог' (в одном из пониманий);
Ты не доказал $\supset$ 'доказывал, но не смог'.

А отрицание глагола НСВ – это полное отрицание, включающее деятельность:

- (8) Он не объяснял = 'не действовал с целью объяснить';
Он не доказывал = 'не действовал с целью доказать'.

Деагентивация, если она сопровождается стативизацией, полностью меняет картину. Из отрицания глагола в СВ не следует ничего, см. (а), а отрицание глагола в НСВ имплицитно модальность, т.е. скрывает более сильное утверждение, см (б):

- (9) Это не объяснило;
Это не доказало.
- (10) Это не объясняет = 'не может объяснить';
Это не доказывает = 'не может доказать'.

Почему это так? Дело в том, что агентивный каузативный глагол выражает каузальное отношение между деятельностью и ее результатом; например, *объяснять* – каузальное отношение между субъектом и состоянием сознания Адресата. В стативном случае способность S каузировать Р (т.е. выполнение соотношения S *объясняет* Р) может определяться только ингерентным свойством S (ср. Levin, Rappaport 1996). Отсюда тот факт, что S либо может, либо не может объяснить Р. Аналогично:

- (11) а. Короткое замыкание *не вызвало* [СВ] пожара – может быть верно;
 б. Короткое замыкание *не вызывает* [НСВ] пожара = ‘не может вызвать’, неверно.

При этом если глагол допускает процессное, т.е. не стативное, понимание несов. вида, то модальность невозможности не возникает:

- (12) Их беседа не замедляет работу ≠ ‘не может замедлить’.

Возникает вопрос, возможно ли, чтобы пресуппозиция деятельности и модальность невозможности успеха возникла при агентивном употреблении глагола в несов. виде. В работе Еськова 1999 обсуждается известная неоднозначная заключительная строфа стихотворения Пушкина «Воспоминание»:

И с отвращением читая жизнь мою,
 Я трепещу и проклиная,
 И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
 Но строк печальных не смываю.

Л.В.Щерба писал: «Спорным является, не хочет или не может автор смыть печальные строки.» С.М.Бонди считал более вероятным второе понимание – на том основании, что форма наст. времени в русском языке может иметь модальное (иначе – потенциальное) значение. Щерба возражал ему, ссылаясь на то, что для выражения невозможности надо было бы употребить оборот типа *не смывается*. Сама Н.А.Еськова склоняется ко второму пониманию, апеллируя, в частности, к продолжению текста, которое Пушкин не предназначал для печати. Наш анализ дает заключению Н.А.Еськовой лингвистическое подтверждение. Каузацию здесь надо понимать как неагентивную: это не автор, а слезы автора (не намеренные!) *не смывают*, т.е. не могут смыть печальных строк его жизни. Так что текст Пушкина подтверждает, что модальная трактовка имперфектива возможна не иначе как в неагентивном контексте.

I. Panovska-Dimkova (Univerzitet “Sv. Kiril i Metodij”, Skopje)

Accompanying indicators of habitualness in modern Macedonian

Assuming as a starting point the semantic theory of the verbal aspect, the object of this study is to analyse the contexts accompanying the aspectual category of habitualness in the discourse.

The essence of the aspectual category of habitualness being to express some customary repetition of the events along the temporal line and in that respect to be linked with non-actual contexts, causes the occurrence at the formal level of special indicators specifying a certain sense of habitualness. The habitualness is not expressed by them – it is already expressed in the verbal semanteme or in the respective structure, but it can be accompanied by expressive means, the choice of which depends on the topic-comment organization of the account determined by the speaker.

In Macedonian these are:

- a. the indicators of generic reference: the plural of the syntagma, the general pronoun *sekoj* and the non-agent (impersonal or passive) sentences: *"Beton" gradi zgradi. Ovde se prireduvaaat izložbi.* ("Beton" builds buildings. Here exhibitions are being held).
- b. the indicators of temporal condition – adverbs/adverbials that answer the question *koga?* (when?) (but, which can not be linked to a specified/actual moment in time), standing for the part 'when/if S'

in the definition: *Navečer izleguvame so prijatelite. Vo sredo rabotat so stranki* (In the evenings we go out with our friends. They work with customers on Wednesdays).

- c. the indicators of the dynamics of the repetition, which answer the question *kolku često?* (how often?) or *na kolku vreme?* (in what time span?), and are able to express irregular repetition: *Se javuva samo odvreme-navreme*. (He calls from time to time) and regular repetition: *Toj doagja dvapati godišno*.
- d. the indicator of the length of the P interval, for example: *Po cel den* ne se pribira doma. (He does not come home for a whole day).

E.E. Pčelinceva (Čerkas'kyj deržavnyj tehnolohičnyj universytet)

Аспектуальная характеристика отглагольных имен действия в русском, украинском и польском языках

1. Отглагольное имя действия (ОИД) в русском, украинском и польском языках является активным участником формирования контекстуальной аспектуальности. Его семантический потенциал может в значительной мере определять общее аспектуальное значение речевой ситуации, а также влиять на выбор контекстуального окружения. В структуре деривата в свернутом виде содержится информация о лексической и синтаксической сочетаемости, в процесс словообразования оказывается втянутым широкий круг явлений – лексических, синтаксических, контекстуальных. Проблема аспектуальности имен действия изучалась в функциональном, семантическом, формальном аспектах; в работах [Падучева 1991, Пазельская 2003, Jędrzejko 1993, Grzegorzczukowa 1995 и др.] получили объяснение многие функционально-семантические особенности deverbатов, усовершенствована словарная семантизация аспектуальных компонентов отглагольных существительных. Но ряд вопросов еще ждет своего решения. Что происходит с видовой (и шире – аспектуальной) семантикой при транспозиции глагола в имя? Какие результаты этот процесс имеет в разных языках, и есть ли универсальные тенденции языковой интерпретации аспектуальных значений в отглагольных именах?

2. Репрезентация видовой семантики в русских, украинских и польских отглагольных именах различна: от единичных «рудиментов» типа *выздоровливание-выздоровление* в русском (составляют менее 5% массива ОИД) к большей регулярности в украинском (более 50% ОИД имеют пары) и до практически регулярного образования видовых пар польскими deverbативами. И если по отношению к русским отглагольным существительным корректно говорить о «следах видовой семантики» [Бондарко 1992: 15], то польские и украинские имена действия в некоторых грамматиках даже включаются в парадигму глагола.

3. Вопрос о виде в русских ОИД представляется решенным: категории вида у них нет. Однако «следы видовой семантики» в них весьма заметны и проявляют себя функционально: аспектуальная специфика deverbативов в речи во многих случаях строго диагностируется с помощью трансформации в глагольные конструкции: *...мне нужно только ваше отсутствие* (Пушкин) = *...чтобы вы отсутствовали* (НСВ) – ср.: *Мне нужен только ваш отъезд* = *...чтобы вы уехали* (СВ). Употребление deverbатива в контексте с определенной аспектуальной семантикой определяется наличием и статусом в структуре имени соответствующих сем (что диагностируется путем сплошной проверки сочетаемости deverbативов с аспектуально значимыми словами). Степень участия контекста в формировании аспектуального значения deverbатива в речи непосредственно зависит от характера сем (доминирующего, уравновешенного, периферийного). Доминирующий характер соответствующей аспектуальной семы определяет не только «аспектуальную

независимость» имени по отношению к контексту, но и высокую частотность его употребления в соответствующем значении.

4. Для польских и украинских ОИД определяющими являются видовые показатели, унаследованные от производящего глагола. Поскольку русские ОИД лишены регулярных видовых оппозиций, формирование их аспектуального значения связано с более глубокими семантическими особенностями и зависит, как минимум, от следующих факторов: а) предельность / неопределенность глагольной основы; б) семантический тип видовой коррелятивности мотивирующего предельного глагола: например, основными аспектуальными значениями девербативов, мотивированных глаголами семантического типа «однократность – серийность», являются целостность, результативность (*неожиданное возникновение, случился ушиб* – при невозможности **начать ушиб, *продолжительное возникновение*). Для украинских и – в большей степени – для польских имен действия эти факторы являются вторичными.

5. Тем не менее, дальнейший анализ аспектуального своеобразия польских, украинских и русских имен действия – а именно границ их аспектуального потенциала – выявляет больше сходств, чем различий. Критерием в данном случае служит словообразовательная активность глаголов соответствующих способов действия по отношению к ОИД. Сплошной количественный анализ глаголов морфемно-выраженных способов действия в плане их продуктивности по отношению к ОИД в русском, украинском и польском языках показывает, что своеобразие имен действия в сфере выражения аспектуальной семантики выявляется при взаимодействии значений фазовости, кратности, длительности и интенсивности с семантическим признаком лимитативности: с усилением семантики количественно-временного предела действия вероятность образования имени действия уменьшается вплоть до нуля. На эту особенность не влияет сохранение у польских и украинских имен действия видовых оппозиций. Например, категорически не образуют имен действия глаголы усилительно-интенсивные: *растанцеваться* – Ø, *розтанцюватися* – Ø, *rozdyskutować się* – Ø, *rozdygotać się* – Ø; интенсивно-качественные: *належаться* – Ø, *набігатися* – Ø, *nasiedzieć się* – Ø, *najeść się* – Ø; длительно-ограничительные: *выспаться* – Ø, *досидеться* – Ø, *відстояти* – Ø, *wyspać się* – Ø, *doigrać się* – Ø и т.д.

6. Ограничения не случайны и обусловлены двумя факторами: 1) огромным ресурсом русского, украинского и польского языков в отношении морфемного внутрисловного выражения разнообразных аспектуальных значений, реализующимся в глагольных аспектуальных подклассах – способах глагольного действия, и 2) невозможностью транспозиции части этих значений в имя существительное. Эти ограничения касаются, прежде всего, невозможности образования имен действия от глаголов, содержащих семантический признак количественно-временного предела действия. Представляется возможным предположить, что такая редукция аспектуального потенциала при транспозиции глагола в имя является тенденцией универсальной – по крайней мере, для названных языков. Имя действия может маркировать процесс с точки зрения его длительности, или указывать на одну из его частей, или на его результат, но не может обозначать его временной предел, так как генетически оно не связано с категорией времени и может принимать на себя эту функцию только под воздействием контекстуального окружения.

E. Petroska (Univerzitet "Sv. Kiril i Metodij", Skopje)

Iterativity and aspect selection in Macedonian (in the context of South Slavic Languages)

This paper examines the choice between imperfective/perfective aspect in iterative contexts in the text and in the subordinate clauses in Macedonian. The iterative contexts in Macedonian present the mutual connection between the following verbal categories: time, aspect and mood. The aspect can function to present the time or modal connection between the events in the subordinate and the main clause.

Slavic languages differ in this respect, choosing different tense forms. Macedonian perfective verbs in these contexts can be expressed only with *ke*-constructions (presenting future tense forms/conditionals). The imperfect and present tense are the most compatible with imperfectives, but the choice of aspect is possible because the iterative events can be seen on two levels: the level of the macro-event and the level of the sub-event. Iterativity in Macedonian shows the connection between the perfective and imperfective aspect, and the connection between the aspect and the mood: the perfective shows the connection with the modality (the use of *je*-constructions). Compared to other South Slavic languages, Macedonian doesn't use perfective present for iterativity in the present, and doesn't use perfective imperfect for iterativity in the past (uses conditional forms like some other South Slavic languages).

The semantic interpretation of iterativity has two sets: the entailment is foregrounded with the imperfectives, and backgrounded with the perfectives.

E.V. Petruchina (Moskovskij gosudarstvennyj universitet im. Lomonosova, Moskva)

Вид в грамматическом контексте пассива (на материале русского и чешского языков)

1. Залоговая деривация в русском и чешском языках – это один из наиболее обсуждаемых лингвистических вопросов в российской и чешской лингвистике, который рассматривается в связи с категорией диатезы, возвратной деривацией, а также глагольным видом. Из всей этой обширной проблематики нас будет интересовать взаимодействие залоговой и видовой деривации. Как известно, в русском языке система залога асимметрична: формы страдательного залога зависят от вида. Система залога образована корреляциями синтетических возвратных форм НСВ и аналитических форм с краткими причастиями, образованными от глаголов СВ, ср.: *Решение принимается* (НСВ) *простым большинством голосов* / *Решение принято* (СВ) *простым большинством голосов*; *Некоторые фамилии произносились* (НСВ) // *были произнесены* (СВ) *председателем с уважением*. Вопрос об употреблении в пассивных конструкциях возвратных форм глаголов СВ является дискуссионным: при определенных контекстных условиях и с некоторой семантической модификацией такое употребление возможно, как правило при неформальных типах коммуникации или в художественной литературе (ср. *Не беспокойтесь: все подкрасится, подчистится, подклеится – и будет хорошо*), но оно нерегулярно (ср. невозможные образования **В следующем году выработается несколько тон этого металла*; **Ледовый дворец построен уже в прошлом сезоне*, **Потом на сцену пригласятся все лауреаты*). В чешском языке образование пассивных форм (и возвратных, и аналитических с краткими причастиями) от вида не зависит: *Voda se ohřívá* (НСВ) *sluncem* // *Voda je ohřívána* (НСВ) *sluncem* (Вода нагревается / (букв.) нагревается солнцем); *V Praze se postavilo* (СВ) *mnoho bytů* / *V Praze bylo postaveno* (СВ) *mnoho bytů* (В Праге (букв.) построилось / было построено много квартир) (чешские примеры из Štícha 1979).

2. В докладе мы собираемся проанализировать видовую асимметрию русского пассива (сопоставляя его с чешским), а также семантическую модификацию видов при их взаимодействии с граммемой страдательного залога, т.е. в грамматическом контексте

пассива. Видовая организация пассива, конечно, привлекала внимание многих исследователей (см. работы Ю.Д. Апресяна, В.И. Гавриловой, Ю.П. Князева, Е.В. Падучевой, Н.В. Перцова, В.А. Плунгяна и др.), были получены важные и интересные результаты. Но, как нам представляется, русская видовая асимметрия в пассиве требует дополнительных исследований. Более подробного рассмотрения заслуживает также конкуренция возвратных и причастных форм пассива НСВ и СВ в чешском языке. Сопоставление русского и чешского языков с точки зрения взаимодействия вида и залога выявляет скрытые, но существенные семантические расхождения между двумя языками в данной области. При этом важную роль играют семантико-функциональные различия граммем видов в русском и чешском языках.

3. В славянских языках при выражении событийных и процессуальных явлений особой значимостью обладает концепт 'временной границы, или временного предела действия', являясь содержательной основой лексико-грамматических разрядов терминативных (предельных) // нетерминативных (непредельных) глаголов, а также грамматической категории вида. Но славянские языки различаются степенью актуализации и конкретной реализацией этого категориального смысла, что взаимосвязано с существенными различиями в употреблении видов и семантике фазисно-временных способов глагольного действия (Петрухина 2000).

4. Сопоставление русской и чешской аспектуальных систем подтвердило наблюдение М. Докулила, что основная асимметрическая оппозиция с маркированным СВ и немаркированным НСВ в чешском языке в отдельных случаях как бы перекрывается секундарным противопоставлением с признаковым НСВ, обозначающим продолжительность и процессуальность действия, и беспризнаковым (непроцессуальным) СВ. Ослабление маркированности СВ в чешском языке взаимосвязано с его широким употреблением, в том числе и в тех типах контекста, где в русском языке обязателен НСВ. Изучение аспектуальных систем русского и чешского языков выявило разную степень актуализации предела в семантике глаголов СВ. Четко выраженное отношение к начальному и (или) конечному пределу действия отличает семантику русских глаголов с продуктивными аффиксами *за-*, *по-*, *на-ся* и др. от их формально-функциональных эквивалентов в чешском языке, в котором выражение аспектуальных характеристик действия в высказывании смещается с глагольных форм на лексические показатели. В русском же языке в подобных случаях основным средством выражения аспектуальной характеристики действия остается глагол (Петрухина 2009).

5. С разной степенью актуализации временной границы между смежными во времени ситуациями в семантике глаголов СВ в русском и чешском языках связана также их способность выражать перфектное значение. Например, глаголы СВ со значением изменения состояния (типа *устать*, *прокиснуть*, *завянуть*) выражают новое состояние субъекта с актуализацией его начальной границы как результата предшествующего процесса-изменения. А в чешском языке такое результирующее состояние может быть выражено лишь именными конструкциями без актуализации предела. Ср. русские предложения *Пиво выдохлось*, *Я устала*, *Цветок завял* и их чешские неглагольные эквиваленты *Pivo je zvětralé* (букв. Пиво выдохшееся), *Jsem unavená* (Я усталая), *Květina je zvadlá* (букв. Цветок увядший).

6. У каузативных глаголов СВ в сопоставляемых языках также имеются различия в актуализации предела и результата действия. В частности во многих случаях, когда в русском языке в перфектном значении употребляются формы прошедшего времени СВ, в чешском языке в разговорной речи более предпочтительными оказываются описательные конструкции, эксплицитно выражающие результирующее состояние, ср. *Я всего накупила*,

все приготовила, убрала квартиру (жду детей в гости) – Máťn pakouřeno, uvařeno, uklizeno. То толкование СВ (в действительном залоге), которое М.Я. Гловинская, со ссылкой на Размусена, предлагала для каузативных глаголов СВ, – ‘начать действовать, действовать и кончить действовать’ (Гловинская 1982: 86), в большей степени подходит для чешских глаголов, а добавление (‘... объект начал существовать’), которое М.Я. Гловинская связывает с инвариантным смыслом СВ (‘начать’), более актуализировано в семантике русских глаголов СВ, чем чешских.

7. Эти различия в степени актуализации предела как границы между смежными во времени ситуациями (и соответственно начала новой ситуации) сказываются на особенностях видовой семантики пассивных форм и организации систем залога – симметричной (парной) в чешском языке и несимметричной в русском языке. Кроме того, при сопоставлении семантики пассивных возвратных форм СВ в чешском (где они абсолютно регулярны) и русском (где они нерегулярны и характеризуются дополнительными интерпретационными смыслами), необходимо учитывать также их место в системе каждого языка и взаимодействие со смежными категориями, в частности в чешском языке с регулярной имперсональной возвратной деривацией (типа *Pracuje se; šlo se cestou necestou*).

E. Remčukova (Rossijskij universitet družby narodov, Moskva)

Семантика и прагматика «видового контраста»

1. Грамматические значения могут реализоваться в речи как «актуальные элементы выражаемого и воспринимаемого смысла» (А.В. Бондарко). С этой точки зрения представляют интерес высказывания, которые включают грамматическую оппозицию – «грамматический контраст». Идея актуализации грамматических значений через использование словоформ со сходными или контрастными значениями принадлежит Р. Якобсону. В высказываниях такого типа, «наглядно» демонстрирующих принцип коррелятивности, грамматическая оппозиция находится в позиции *выдвижения*, что обуславливает семантические и прагматические «приращения» разного рода.

2. «Видовые контрасты» демонстрируют наиболее репрезентативное значение грамматической формы – «лучший» пример в охватываемой ею сфере, который относят к прототипическому значению (А.В. Бондарко): *И Раневская, как двоечница, твердила вечное: «Я учила...». Но так и не выучила, как жить.* «Классическое» распределение ролей между глаголами НСВ и СВ формируется и контекстом: *Побыли сколько надо в Муратове, медленно, длинно в Дертт* возвращались, и наконец возвратились, и жили там целую зиму (Б. Зайцев).

3. а) В ситуации «попытка-результат» в качестве ведущей обычно рассматривается форма НСВ в конативном значении – контекст указывает на успех или неуспех этой попытки (внимание концентрируется на стремлении к достижению результата), которое может быть эксплицитно усилено лексемами *пытался, пробовал, хотел*: (об Андрее Тарковском) *Всю жизнь он пытался доказывать что-то себе и другим и доказал, но доказал уже после смерти;*

б) Смысловая информативность «видового контраста» усиливается, например, в синтаксической конструкции с эксплицитно выраженным противопоставлением и отрицанием, если результат, выраженный глаголом СВ, не становится реальностью: *Мы мучились, объясняли бесконечно вечные истины, но так* ничего и не объяснили. Отрицание как средство определенного коммуникативного намерения включает в фокус внимания говорящего семантику оппозиции – видовую «процессуальную тендентивную предельность», противопоставленную «результативной предельности» (А.В.Бондарко).

Именно отрицательная модальность активизирует в таком типе контекста результативную семантику формы СВ (т.к. результат не достигнут), хотя традиционно считается, что ведущей в таком типе аспектуальных ситуаций является форма НСВ;

в) В подобных высказываниях важную роль играет частица *вот*, актуализирующая результат, а повтор глагола НСВ, напротив, актуализирует процессуальность – и оба видовых значения выступают как равноправные: (анализ предвыборных дебатов) ...*Поэтому четвертый и последний вывод: партия власти зрела, зрела несколько циклов и вот созрела.* Со стилистической точки зрения подобные высказывания представляют собой *эмфазу*: лексический повтор в сочетании с грамматическим повтором и грамматическим контрастом, «оттененным» частицей *вот*, выступают как средства эмфатического подчеркивания.

4. «Видовые контрасты» рассматриваются как разновидности антитезы: акротеза и амфитеза. В аспектуальной акротезе необходимость длительного усилия (выраженного глаголом НСВ), его самоценность утверждается за счет отрицания самой возможности достижения результата (выраженного глаголом СВ): Понимать это можно и нужно, а понять нельзя. Выразительность такой акротезы зависит и от семантики глагола – его прямого или метафорического значения. Так, в стихотворении М.Цветаевой абсолютное отрицание результата («смерти») актуализирует духовный смысл процесса «умирания»: Пригвождена к позорному столбу, / Я все ж скажу, что я тебя люблю... / Что за тебя, который делом занят, / Не умереть хочу, а умирать. При амфитезе, в отличие от акротезы, утверждается не один, а оба противоположных признака: – Ты совершенно не скучаешь без меня. – Почему же? И скучаю, и соскучился; – У тебя все хорошо сложилось? – Как-то неопределенно звучит. И сложилось, и мы сами сложили.

5. В докладе рассматриваются «видовые контрасты» в разных типах речи: поэтической, разговорной, современной публицистической. Особый интерес представляет семантика и прагматика «видового контраста» в условиях «синтаксического минимализма» – в жанре рекламного и политического слогана, газетного заголовка, каламбура (в частности, яркий каламбурный эффект обеспечивает «ложная» оппозиция глаголов-омонимов: – *Что стряслось? – Да ты сам весь трясешься! – Да брось ты свои каламбуры!*).

6. В слогане (лозунге) на первый план «выдвигается» именно результативное значение глагола СВ, противопоставленное «аморфной» процессуальности НСВ («нацеливание на результат»). Действие, обозначенное глаголом СВ, оказывается «лучше», на что указывает и контекст: (слоган корпорации «Социальная инициатива») Верить? *Не верить? Лучшие поверить.* В контексте может быть акцентирован и сам механизм видовой коррелятивности, предполагающий взаимосвязь процесса и его результата: (слоган предвыборной кампании) Голосуй, *а то не проголосуешь!* Образование в условиях грамматического контраста необходимого *потенциального видового партнера* особенно выразительно в художественном тексте: *Падал снежок, ничто не предвещало. А в книжках так: ежели ничего не предвещает, всегда особо оговаривают: не предвещало. А уж ежели предвестит, то держись: и птица каркнет, и ветер эдак завывает...* (Т. Толстая. Кысь).

7. В аспекте языковой игры рассматриваются «ложные» видовые оппозиции: *Диван, на который можно не только лечь, но и положиться* (реклама); в аспекте метаязыкового высказывания – рефлексивная деятельность говорящего, направленная на осмысление такой сложной категории, как вид глагола. *Теперь я понял разницу между глаголами скучать и соскучиться. Это разный вид, а главное, ты понимаешь, и совсем разные чувства... Соскучиться – это приступ, скучать – это хроника* (разг. речь). Тонкая и точная экспликация семантики видового противопоставления, произведенная «наивным лингвистом», не только актуализирует оппозицию «предельность – непредельность», но и позволяет вникнуть в нее, прочувствовать внутреннюю форму «противостояния» СВ и НСВ.

8. Проведенный анализ позволяет рассматривать видовой контраст как средством выражения разнообразных смысловых, экспрессивных и прагматических оттенков, а также особое средство эстетической актуализации; позволяет выявить соотношение языкового значения и речевого актуального смысла; увидеть стремление реализующейся системы к коррелятивности – при необходимости говорящий может легко, «на ходу», построить оппозицию, образуя отсутствующий в узусе коррелят.

O.G. Rovnova (Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova RAN, Moskva)

Аспектуальная омонимия: литературный русский язык и диалекты

1. Аспектуальными омонимами в докладе называются одинаковые по форме, по преимуществу аффиксально маркированные однокоренные глаголы, отличающиеся своим аспектуальным содержанием в литературной и диалектной разновидностях современного русского языка. Понимаемые таким образом аспектуальные омонимы принадлежат к разным языковым подсистемам. Аспектуальная омонимия обусловлена сохранением в диалектах исторически более раннего по сравнению с литературным языком состояния категории вида, а также различными путями развития аспектуальных явлений в рассматриваемых подсистемах. В разграничении аспектуальной омонимии ведущая роль принадлежит контекстным (внутрисловным, синтаксическим, ситуативным) условиям употребления соответствующих глагольных образований. Учет омонимии аспектуальных явлений существен для адекватного аспектологического описания диалектов, поскольку может предостеречь от ошибочных утверждений об утрате в говорах тех или иных аспектуальных значений, если они отмечаются в литературном языке и не представлены в языке диалектном.

2. В докладе основное внимание уделяется аспектуальной омонимии в сфере некоторых способов действия и префиксальных перфективных коррелятов.

2.1. Глаголы многократного (итеративного, фреквентативного) способа действия типа *хаживать, певать, едать*. Их специализированное значение в русском литературном языке – повторяемость действия в отдаленном прошлом; сочетание многократного глагола с частицей *не* выражает экспрессивное, категорическое отрицание. В севернорусских говорах данное специализированное значение не является для многократных глаголов ни единственным, ни наиболее частотным. В сочетании с *не* они выражают длительность действия; отрицание может быть нейтральным или экспрессивным; есть целые типы синтаксических и ситуативных контекстов, в которых для таких глаголов характерно общефактическое значение НСВ; они могут указывать на единичное проявление действия и развивать модальные значения; значение же собственно многократное является в говорах контекстно-обусловленным.

2.2. Глаголы с приставкой *до-*. В литературном русском языке они, согласно классификации М.А. Шелякина, относятся к финально-партитивному (*доесть, допить*) и терминативно-достигательному (*доходить, досидеть до чего-либо*) способам действия. Их аспектуальные омонимы, продуктивные в севернорусских (в основном архангельских) говорах, принадлежат к диалектной разновидности финально-отрицательного (достигательно-отрицательного) способа действия. Подобные глаголы обозначают в северных диалектах чрезмерно продолжительное, интенсивное, неоднократно повторяемое действие, приводящее к отрицательным последствиям для субъекта. Акциональная семантика реализуется в синтаксических контекстах с наречиями *дотого, дочего, дотоль, дотуль* и некоторыми другими, имеющими значения ‘настолько’, ‘усиленно, интенсивно’, ‘в большом количестве, много’, ‘в течение длительного времени’: *Ведь лопнете, дотого доедите!; Вчера заходил к нам, шёл из магазина, дак он дотого договорит, дотого он говоркóй!* (далее рассказывается о

том, как хозяйке стало дурно от чрезмерной разговорчивости соседа); *С ума сошёл*, дотога дочитал; *Я сама реву на всяки лады*, дотуль доревёшь – *шевелиться не можешь*; *Дочё ти ребята* добежали, дочё добежали – *двери хлоп да хлоп!*.

2.3. Аспектуальная омонимия в сфере префиксальных перфективных коррелятов наблюдается при более широком в диалектах семантическом объеме той или иной приставки. Так, в литературном русском языке приставка *до-*, обладая тремя значениями, образует способы действия и не имеет чистовидовой функции. В архангельских говорах она чрезвычайно многозначна (14 значений), что позволяет ей образовывать перфективные корреляты к глаголам НСВ различной семантики. При доказательстве чистовидовой, а не акциональной функции приставки *до-* необходимо принять во внимание внутрисловный контекст, то есть установить семантическое согласование между приставкой и корнем глагола. При перфективации глаголов, объединенных семантическим признаком ‘порча, нанесение ущерба в результате контакта с кем-, чем-л.’, семантике глаголов соответствует значение приставки *до-* ‘полное израсходование, уничтожение кого- или чего-л.’: *мотать* – *домотать* ‘привести в состояние полного разорения, промотать’: *Цирковой-от председатель всё, наверно*, домотал, *всё допутал*; *резать* – *дорезать* ‘убить режущим орудием, зарезать’: *Он меня завтра дорежет*; *карать* – *докарать* ‘покарать, наказать’: *Заведушиша настрадалась, бог её докарал, она болела, умирала, как спичка была*; *кусать* – *докусать* ‘привести в болезненное состояние, замучить многочисленными укусами (о насекомых)’: *Всю пригрызли, докусали-то тебя*; *мучить* – *домучить* ‘доставить физические или нравственные страдания, замучить’: *Они Осифа порядочно домучили*.

При перфективации инхоативных глаголов с общим значением постепенного становления признака, включая глаголы с семантическим компонентом ‘постепенная утрата жизненных сил’, исходные глаголы и приставка *до-* семантически согласуются по признаку ‘достижение предела действия, состояния’: *стареть* – *достареть* ‘состариться’: *На втору́-то войну не ходил* – достарел уж; *сохнуть* – *досохнуть* ‘стать сухим, высохнуть’: *Вешалá* – сено на вешалáх сохнет, которое не досохло; *спеть* – *доспеть* ‘стать зрелым, созреть’: *Хлеб-то* – он доспееет, его до конца доведут, до самого хорошего.

3. В отношении аспектуальной омонимии могут вступать единицы не только литературного и диалектного языка, но и различных частных диалектных систем. В этом случае при разграничении омонимии, кроме внутрисловного и синтаксического контекстов, следует принимать во внимание те или иные общие характеристики аспектуальной системы говора. Например, в русских юго-западных говорах с развитым дистрибутивным способом действия, имеющим в них частотное и регулярное употребление, глагол *побрать* является дистрибутивом (*всех котят соседи побрали*), в других же говорах он представляет собой приставочный перфективный коррелят к глаголу *брать* (*сумку свою не забудь побрать*, ср. лит. разг. *черт возьми!* / *черт побери!*).

Luisa Ruvoletto (Università di Padova)

Префиксация и переходность глаголов в *Повести временных лет*: по поводу развития глагольного вида в русском языке

В докладе предлагается анализ глагольных синтагм из *Повести временных лет* (по Лаврентьевскому списку второй половины XIV в.), в которых глагол является переходным приставочным глаголом (с выраженным объектом), а его мотивирующий глагол непереходным. Объект исследования – это вопрос о префиксации глаголов с последующим изменением их синтаксической (аргументной) структуры. Цель исследования – это

выделение условий, при которых данное изменение влияет на акциональность, и, самое главное, на вид самих глаголов.

В представленных примерах мотивирующие глаголы – это глаголы движения или положения в пространстве (они все непереходные), которые образовались с помощью приставок *за-*, *на-*, *о-/об-*, *пере-*, *про-*. Например, глаголы *налѣзти* и *облежати* состоят из мотивирующих глаголов *лѣзти* и *лежати* с приставками *на-* и *об-*.

Переход из одной синтагматической конфигурации в другую можно коротко представить следующим образом:

$G_{\text{неперех}} > \text{прист}G_{\text{перех}} + \text{Объект}$

В этой абстрактной схеме первый элемент $G_{\text{неперех}}$ – это производящий непереходный глагол, а второй $\text{прист}G_{\text{перех}}$ – это производный приставочный глагол, являющийся переходным с прямым объектом.

Для вышеуказанных глаголов схема выглядит следующим образом:

лѣзти > *налѣзти* + Объект

лежати > *облежати* + Объект

См., напр.:

- (1) **Сребромъ и златомъ не имамъ налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато.** (43 v, 996 г.)
[Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото]
- (2) **Приде Свѣтоша и Путѣта августа въ 5 день, Давыдовѣ м воемѣ облежащимъ градъ.** (91 v, 1097 г.)
[И пришли Свѣтоша и Путѣта, августа в 5-й день, в полдень, когда Давыдовы воины окружали город]

Необходимо рассмотреть в диахронии вопрос о происхождении приставок. Принято считать, что приставки и предлоги имеют общее происхождение: они происходят от адвербиальных локативных элементов, указывающих на место действия и не занимающих зафиксированного положения в предложении.

На основе вышеуказанной абстрактной схемы можно предположить первоначальную структуру глагольной синтагмы:

$xG_{\text{неперех}} + \text{Пред} [\text{Сущ-х}]$, например: *лежати об* [Сущ-х], *лѣзти на* [Сущ-х]

(Пред значит предлог, а Сущ – имя существительное),

от которой на каком-то этапе эволюции языка мог произойти переход к структуре:

$\text{прист}G_{\text{перех}} [\text{Сущ}_{\text{вин}}]$, например: *облежати* [Сущ_{вин}], *налѣзти* [Сущ_{вин}]

Пример (1) можно считать результатом изменения гипотетической структуры такого типа:

- (1а) * **Сребромъ и златомъ не имамъ лѣсти на дружинѣ, а дружиною лѣзу на сребро и злато.**

То же самое можно отнести к примеру (2):

- (2б) * **Приде Свѣтоша и Путѣта августа въ 5 день, Давыдовѣмъ воемѣ лежащимъ об градъ.**

В данной гипотетической структуре предложения предлог устанавливает пространственное отношение между аргументом глагола (субъектом) и элементом, который зависит от предлога. При префиксации (приставочный) глагол включает в себя пространственное отношение своего аргумента к объекту. Иначе говоря, приставочный глагол берёт на себя функции предлога.

Возникает вопрос о том, почему при префиксации глагол становится переходным. Надо отметить, что происходит изменение аргументной структуры глагольной синтагмы: в начальной гипотетической структуре глагол имеет один аргумент (субъект), а в структуре, полученной после префиксации, он имеет два аргумента, т.е. субъект и объект. Иначе говоря, при префиксации приставка вносит в значение самого глагола пространственное положение действия по отношению к чему-то другому, а это другое становится объектом.

Вышеуказанный переход имеет интересное следствие. При переходе от производящего глагола к производному происходит не только смена аргументной структуры предиката, но также смена акциональных характеристик самого глагола: первый глагол (*ležati*, *лежати*) – это неопредельный глагол (соответственно *activity* и *state* по Вендлеру), а второй (*naléžati*, *облежати*) – это предельный глагол (*accomplishment* или *achievement*, также по Вендлеру). Это значит, что неопредельный глагол, входящий в группу глаголов *imperfectiva tantum*, вследствие префиксации становится предельным глаголом.

Ещё более важное следствие префиксации глагола – это развитие его результативного значения при определённых условиях: когда мотивирующий глагол является уже предельным глаголом или когда он является глаголом с семантическим признаком предела, как например, глаголы однонаправленного движения.

L. Scholze (Universität Konstanz)

Глагольный вид и повторяемость/хабитуальность – в верхнелужицком и чешском языках в сравнении с русским языком

Повторяемость и хабитуальность действий выражаются в русском языке обычно несовершенным видом. Возможность вариативного употребления совершенного вида зависит от особого контекста, например, от определенных наречий в случае так называемого суммарного значения, или от особенных конструкций, как, например, в случае так называемого наглядно-примерного значения совершенного вида (ср. MASLOV 1974). В неограниченно-кратном значении можно употребить в русском языке только несовершенный вид.

Западнославянские языки, в том числе чешский и верхнелужицкий, отличаются от русского тем, что в них часто выступает совершенный вид в итеративном или хабитуальном значении; ср. например контрастивные сопоставления русского и чешского языков STUNOVÁ 1986, 1993). Кажется, что в русском языке при повторении действий решающим фактором для выбора вида является так называемый «макро-уровень», т.е. итеративность действия, его многократность, в отличие от чешского, где доминирующим фактором является «микро-уровень» (ср. BREU 2000: 43-47), т.е. отдельные действия из которых состоит повторяемость, который позволяет употребление совершенного вида, ср. примеры:

(1) а. *Vypije (pije) dvě sklenice piva denně.*

Каждый день он выпивает две кружки пива. (BAREŠ 1956: 575)

б. *A tak jsem se v životě setkal se spoustou vážných lidí.*

На своем веку я много встретил разных серьезных людей. (Malý princ; Маленький Принц)

Кроме того в чешском языке употребление несовершенного вида выражает не только повторение, но оно связано также с значением неудачи действия.

Также в верхнелужицком языке при повторяемости очень распространен совершенный вид. В докладе эта особенность представляется не только с помощью примеров из верхнелужицкого литературного языка (см. пример 2а), но также из разговорного языка (пример 2б), который различается от литературного на всех языковых уровнях и показывает интересные развития в грамматической категории глагольного вида вообще:

(2) а. *Jan-Jürgen wróci so (сов.) kóždy dzeń popołdnu wučerpany z džěla. Busy jězdźachu (несов.) w hodžinskich wotstawkach. Z kotrym Jan-Jürgen dojdźe (сов.), wšitcy wědzachu. Ale nětko bjerješe (несов.) wón druhdy tež pozdžiši...* (Antologija)

‘Каждый день после обеда Ян-Юрген возвращался опустошенным из работы. Автобусы ходили с интервалом в один час. Все знали, на котором Ян-Юрген приезжает. Но теперь он иногда брал также позднейший...’

б. *to su tajke šneki, te mó šec we Kamencu kupimo (сов.) na morkće*

‘это такие плюшки, тех мы покупаем всегда на рынке в Каменц’

Центральной тематикой доклада является вопрос о конкретных контекстах, от которых, зависит употребление совершенного или несовершенного вида в лужицком и чешском языках, например наречий или множественного числа подлежащего/дополнения, и как различаются значения того или иного вида в том же контексте. При этом принимаются во внимание различные типы повторяемости, прежде всего ограниченная, неограниченная и хабитуальная повторяемость. Очень важна, кроме того, также и роль лексического значения для употребления видов при повторяемости, например, мгновенный или результативный характер действий. Как особая группа глаголов учитываются также приставочные и не приставочные глаголы движения.

S. Slavkova (Università di Bologna)

О многоуровневом характере аспектуальности в высказывании - сопоставительный аспект

Не вызывает сомнения универсальный характер категории аспектуальности в языках мира. Типологические исследования языков различной структуры показали, что аспектуальное значение в высказывании далеко не всегда выражается одинаково. Более того, даже в одной языковой группе, в близкородственных языках могут наблюдаться значимые расхождения в способах выражения категории вида (ср. напр. русский и болгарский). Тем более интересно сопоставить привычную всем нам бинарную модель вида, при которой каждый из членов видовой оппозиции является максимально обобщенным и вбирает в себя множество конкретных видовых значений, с системами других языков, в которых аспектуальность выражается иначе.

Так, например, известно, что пучку аспектуальных значений русского несовершенного вида (Плунгян 2003) в итальянском могут соответствовать формы имперфекта и прогрессива (не исключаются при этом и формы перфекта (Bertinetto 2003), а в таком языке как болгарский некоторыми учеными предполагалась омонимичность двух форм несовершенного вида: НСВ₁, соответствующей дуративу, и НСВ₂, выражающей многократность (хотя на самом деле здесь, как и в русском, в одной лексеме совмещено более одного аспектуального значения) (Иванчев 1971).

Кроме того, можно утверждать, что различия в аспектуальной системе влекут за собой и немало различий в оформлении контекстного окружения глагольных форм, выражающих видовые значения. И действительно, основные, грамматикализованные средства выражения аспекта в этих языках могут дополняться такими сопровождающими выражение вида контекстными условиями, которые в итоге приводят к редупликации или нейтрализации аспектуальных значений, к их сложению и зачеркиванию, усилению или ослаблению. Более того, есть случаи, когда показатели вида, обычно выполняющие вторичную, дублирующую функцию, становятся основным аспектуальным показателем.

В предлагаемом выступлении постулируется положение о возможности строить и интерпретировать аспектуальную характеристику высказывания не только с учетом взаимодействия основных, семантических и грамматических, категорий, заложенных в глагольном слове, но и других, периферийных для этой категории, элементов высказывания (в некоторых случаях единственных). Имеется в виду взаимное влияние семантических классов и видо-временных форм глагола, в частности, в языках аналитического строя, роль аргументной структуры предикатов, связь вида глагола с категорией определенности имени и, соответственно, интерпретация вида через именные категории, связь числа имени и вида глагола в русском языке, числа имени и аспекта в итальянском, способы актуализации специфических значений итальянского сложного прошедшего, а также двувидовых глаголов в русском и болгарском языках. В итоге, предлагается термин «семантико-аспектуальная рамка высказывания», вбирающий в себя сложную систему взаимосвязей и взаимозависимостей внутри одного высказывания.

S.O. Sokolova (Instytut ukraїns'koї movy NAN Ukraїny, Kyїв)

E.L. Ačilova (Tavrijs'kyj nacional'nyj universytet im. V.I. Vernads'koho, Simferopol')

Проявление аспектуальных особенностей славянских языков при переводе

Близкородственные славянские языки, как известно, имеют в своем арсенале схожие средства выражения аспектуальных значений. Арсенал аффиксов, принимающих участие в видовой дифференциации глаголов несовершенного (НСВ) и совершенного вида (СВ) и способов глагольного действия (СГД), в этих языках довольно схож, хотя и не тождествен. Оба языка допускают полипрефиксацию, способны к имперфективации с помощью суффиксов, а украинский имеет редуцированный префикс *попо-*. Подобны в этих языках лексические и синтаксические показатели аспектуальности. Однако функционирование различных средств выражения аспектуальных значений в текстах разных языков нередко отличается, что можно заметить, анализируя под этим углом зрения художественные переводы. Для анализа использованы оригинальные украинские тексты романа Олесь Гончара «Прапороносці», его повести «Берег любові», романа П.Загребельного «Диво» и переводы этих произведений на русский язык, а также повесть Н.Гоголя «Ночь перед рождеством» и ее перевод на украинский язык.

Чаще всего различие в употреблении вида в оригинале и переводе на близкородственный славянский язык обусловлено позицией видовой нейтрализации в обоих языках: укр. Тож-бо країна поетів, країна вічної весни, любові, чорних очей, сліпучих усмішок, пластики рук жіночих, що вміють промовити (= промовляти), зачарувати (= зачаровувати) навіть змію... (Олесь Гончар); рус. Это ведь страна поэтов, страна вечной любви, вечной весны, черных глаз, ослепительных улыбок, лебединых рук женских, умеющих околдовывать (= околдовать), зачаровывать (= зачаровать) даже змей... Иногда нейтрализация возможна лишь в одном языке, поскольку спрягаемые глаголы, даже имея синонимические значения, могут отличаться способностью сочетаться с глаголами СВ / НСВ, например, фазовые глаголы в обоих языках сочетаются только с НСВ, тогда как модальные, даже указывающие на фазу действия, – с обоими видами. Ср.: укр.: він [Ситник] відчитав по очах у малого все, що той мав на душі, і вже з першого разу заповзявся прихилити (= прихилити) малого на свій бік (П.Загребельний); рус: он по глазам малого прочел все, что у того было на душе, и с первого же раза начал изо всех сил склонять его на свою сторону. Одной из возможных позиций нейтрализации в обоих языках является отрицательная конструкция: рус. Солоха ... начала убирать и ставить все к своему месту, но мешков не тронула (= трогала) (Н.Гоголь); укр. Солоха ... почала прибирати та ставити все на своє місце; але мішків не чіпала (глагол одновидовой).

В ряде случаев в позиции нейтрализации оказываются глаголы со значением состояния и со значением наступления этого состояния: укр. *Ще розумів (= зрозумів) він, що є бог чужий і є – мій* (П.Загребельний.); рус. *Еще понял (= понимал) он, что есть бог чужой и есть – мой*. Возможна также контекстуальная синонимия глагола звучания НСВ и его начинательной модификации СВ: укр. – *А таки приїхав твій батько, доню, – муркотів (= замуркотів) Ситник, спливаючи потом вдоволення* (П.Загребельний); рус. – *Видишь, приехал твой отец, доченька, – с неожиданной для него мягкостью заворковал Ситник, от удовольствия истекая потом; реже – НСВ указывает на постоянную характеристику, а СВ – на ее однократное проявление, подтвержденное контекстом: укр. – Ага, так, – сказав Ситник, і важко було розібрати: просте вдоволення чи прихована загроза пролунали в цьому короткому таканні* (П.Загребельний); рус. – *Ага, так! – сказал Ситник, и трудно было понять, что выражало это краткое восклицание – простое удовлетворение или скрытую угрозу*.

В отдельных случаях нейтрализация видовой оппозиции обусловлена тем, что предельное действие, результат которого называет глагол СВ, осуществляется на некотором фоне, который способствует восприятию этого действия как развернутого во времени: укр. *Тільки для цього спериу маєш сам крізь тунель попід судном пролізти... А пролізти під ним, знаючи,*

що нависа над тобою зо дві тисячі тонн заліза, – це просто? (Олесь Гончар); рус. *Только для этого сначала должен сам под судном через тоннель пролезть... А пролезать под ним, когда знаешь, что нависает над тобой не менее двух тысяч тонн железа, – это, по-вашему, просто?*

В следующих контекстах представлены две ситуации, по-разному соотносимые в украинском оригинале и русском переводе: укр.: *хто міг заборонити йому [Овідію] обстежити і всю оцю, для нього тогочасну, Північ, відвідати оці нинішні наші краї? Зрештою, міг і самовільно відлучатись, як Шевченко, коли, всупереч царським заборонам, пішов з експедицією обстежувати Аральське море.* (Олесь Гончар); рус. *кто мог помешать ему обследовать и весь этот для него по тем временам Север, посетит эти нынешние наши края? В конце концов, он мог и самовольно отлучиться, как Шевченко, когда вопреки царским запретам пошел с экспедицией обследовать Аральское море.* Ситуация, потенциально кратная для Овидия и однократная для Шевченко, отражена в оригинальном тексте глаголом НСВ, а в переводе – глаголом СВ.

Контекст с лексическими показателями многократности может обусловить избыточность выражения этого значения словообразовательными средствами: *Зюзь змокрів усією своєю попелястою шерстю, все важче й важче погикувало в нього в череві, а олень не показувався* (П.Загребельний); у *Зюзя вспотела шерсть и все тяжелее и тяжелее екала селезенка, а олень все не показывался.*

Разная видовая соотносительность лексических соответствий разных языков побуждает переводчика искать синоним, обладающий нужной видовой соотносительностью: укр. *Родим уявлявся Сивоокові найдужчою силою на світі, але одного разу малий спостеріг, як дід мовчки молився коло джерела дерев'яному, невідомо ким поставленому Світовиду* (П.Загребельний); рус. *Родим казался Сивооку величайшей силой на свете, но однажды малыш подметил, как дед молча молился у источника деревянному, неизвестно кем поставленному Световиду.*

В переводах чаще встречаем одноприставочные русские соответствия украинским многоприставочным глаголам: укр. *весь справунок ще від Родима... Ну, там попротиралося, там порозривалося, там порозшарпувалося, але ж не так, як на Лучукові* (П.Загребельний); рус. *все это еще с времен, когда был жив дед Родим... Ну, кое-где протерлось, кое-что разорвалось, изнашивалось, однако не так, как на Лучуке.* Особенно характерно для украинского языка употребление многопрефиксных причастий, суффикс которых указывает на производность от глагола, мотивированного через предшествующую имперфективацию (*вибити – вибивати – повибивати – повибивані*), тогда как в русском языке двухпрефиксное причастие возможно лишь от глагола с двумя последовательно присоединенными префиксами (*выбить – повибить – повибитые*). Украинские глаголы с двойным префиксом *попо-* не имеют точного соответствия в русском языке, поэтому возможны варианты перевода: укр. – (...) *Попошукав, поки таки знайшов в одному льоху знайомих сусідок* (Олесь Гончар); рус. – (...) *Еле разыскал в одном погребе знакомых соседок*; укр. – *Буде трофейникам роботи, – перемовлялись бійці.* – *Попозбирають... [метал]* (Олесь Гончар); рус. – *Будет трофейщикам работ, – переговаривались бойцы, – насоберут.*

Анализ переводов дает возможность проследить сходство и различие аспектуальных систем близкородственных языков не только на уровне потенциальных средств выражения определенных элементов значения, но и на уровне их предпочтения в определенном контексте и частотности. В докладе предполагается также проанализировать украинский текст романа И. Багряного «Тигроловы» и его перевода на немецкий язык.

Описание семантики глагольного вида через «режим интерпретации» позволило показать, что толкование глагольного вида в «речевом» (диалогическом) и «нарративном» контекстах различны (Падучева 2008). Мы продолжим исследование взаимодействия вида с диалогическим и нарративным контекстами на примере конструкции с *бывало*, которая, с одной стороны, часто маркирует диалогическую речь, а с другой – может также часто употребляться в нарративе, являясь своего рода маркером «давнопрошедшего» (Буслаев 1959). В настоящее время считается, что *бывало* (помимо случаев его употребления в качестве собственно глагола) может представлять собой частицу, отмечая действия, нерегулярно повторяющиеся в прошлом (МАС):

- (1) *Ей, конечно, уже надоели чужие квартиры, вечная спешка, она, бывало, покрикивала на него, злилась, краснела.* [Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», № 8, 1998]

Возникает вопрос, насколько эта частица синтаксически автономна. Формально у *бывало* есть 4 возможности на сочетаемость: 1) *бывало* + НСВ в прошедшем; 2) *бывало* + НСВ в непрошедшем; 3) *бывало* + СВ в непрошедшем; 4) *бывало* + СВ в прошедшем. В силу того, что *бывало* указывает на повторяющиеся действия, ее употребление с глаголами совершенного вида (СВ), обозначающими однократное действие, семантически затруднено (ср. запрет на формы СВ прошедшего времени: **бывало сказал, *бывало свистнул* (Буслаев 1959: 365)). Однако благодаря непрямому употреблению будущего времени, сочетание *бывало* с СВ возможно и даже часто встречается в художественной литературе:

- (2) *Бывало, придешь домой, головой ткнешься в подушку — мертвец!* [Юрий Бондарев. Берег (1975)]

Интересно посмотреть, есть ли у *бывало* предпочтения в плане выбора видо-временной формы следующего за ней глагола, а также зависит ли употребление СВ после *бывало* от типа контекста (диалогического vs. нарративного)?

Мы провели исследование контекстов с *бывало* по Национальному корпусу русского языка. Запрос формулировался следующим образом: *Бывало (расстояние 1) + V*. При этом от каждого автора брался только один контекст, чтобы избежать возможного влияния особенностей индивидуального стиля на чистоту результатов. База контекстов, выданных по вышеуказанному запросу, размечалась по виду, времени и признаку диалогичности/нарративности. Согласно полученным результатам, наиболее высокая корреляция *бывало* с глаголами СВ приходилась на первую половину 20 века. К концу 20 века *бывало* стало больше коррелировать с формами прошедшего времени, что привело к снижению употребления глаголов СВ после *бывало* (см. Таблица 1). Эти выводы подтверждает и статистика: распределение вида в непрошедших формах статистически не значимо, в то время как распределение временных форм в рамках одного вида (НСВ) имеет показатели $\chi^2 = 32.4645$, $p = 1.537e-06$, V Крамера = 0.2716302.

	1700-1799	1800-1849	1850-1899	1900-1949	1950-1999	2000-2008
НСВ прош	6	23	42	65	111	57
НСВ непрош	0	8	42	49	30	13
СВ непрош	2	25	68	89	69	39
СВ прош	0	0	0	0	1	1
Всего	8	56	152	203	213	110

Таблица 1. Распределение видо-временных форм глагола после БЫВАЛО в диахронии.

При этом снижение частотности форм СВ во II половине 20 века не связано с репрезентативностью корпуса: оба периода (I и II половина 20 века) представлены практически одинаковым набором жанров (см. Таблицу 2).

	худож.	публицист.	учебно- научный	церковно- богословский	худож.- публицист.	бытовой	Всего
1900-1949	136	53	8	3	3	0	203
1950-1999	143	60	6	2	1	1	213

Таблица 2. Распределение контекстов с БЫВАЛО по жанрам (I и II половина 20 века).

Анализируя данные по признаку диалогичности/нарративности, можно сказать, что в целом диалогические контексты склонны выбирать формы непрошедшего времени, хотя до II половины 20 века такая ситуация наблюдается и в нарративе (см. Таблицу 3). Далее в нарративных контекстах происходит сдвиг от предпочтения форм СВ непрошедшего времени в сторону НСВ прошедшего времени (X^2 -квадрат = 20.1356, $p = 7.214e-06$, V Крамера = 0.2804544).

	1900 - 1949		1950 – 1999	
	Диалог	нарратив	диалог	Нарратив
СВ непрош	20	69	24	45
НСВ непрош	22	27	13	19
НСВ прош	20	45	14	97
СВ прош	0	0	1	0
Всего	62	141	52	161

Таблица 3. Распределение видовых форм глагола после БЫВАЛО в диалогических и нарративных контекстах (I и II половина 20 века).

Формы непрошедшего времени связаны с таксисом и ориентированы на слушающего, как бы перемещая его во времени. Формы прошедшего времени, напротив, естественны для нарратива и поддерживают нить повествования. *Бывало* в каком-то смысле объединяет обе тенденции, являясь одновременно маркером и разговорности, и нарративности. Первая тенденция ярче проявлялась в начале 20 века, что, возможно, связано с ориентацией прозы этого периода на «сказовость», объединяющую нарративность и диалогичность (Чудакова 1979).

Таким образом, можно говорить о том, что в настоящий момент у конструкции с *бывало* предпочтение смещается в сторону прошедшего времени. Интересно, что хотя число непрошедших форм СВ падает, в корпусе и в Интернете зафиксированы современные контексты с СВ прошедшего времени:

- (3) Бывало прибежал на завтрак, стал в очередь, ждешь, ждешь, подошла очередь, а уже суп подают - обед, потому что [<http://www.strizhi.ru/cgi-bin/yabb/YaBB.pl?num=1159366223/108>]

В этих контекстах как правило представлена цепочка глаголов СВ прошедшего времени и наблюдается вариативность с формами СВ непрошедшего. В случае одиночных глаголов СВ предпочтительнее форма непрошедшего времени, ср.: *Бывало прибежишь на завтрак, а уже суп подают* vs. *?Бывало прибежал на завтрак, а уже суп подают*. Мы рассмотрим такие контексты, а также их взаимосвязь с глагольными классами.

L. Spasov (Univerzitet "Sv. Kiril i Metodij", Skopje)

Од проблематиката на видот на глаголите со наставките –ира/-из-ира во современиот македонски стандарден јазик

Глаголскиот вид спаѓа меѓу оние особености на македонскиот јазик што се централни во неговото проучување, така што се јавува една неопходна потреба од негова обработка врз општотеоретска основа.

Нашето истражување (планирано како долгорочен проект) пред сè поаѓа од семантиката сфатена како принципи на универзалната граматика. Според неа глаголскиот вид (аспектот) претставува една фундаментална категорија не само за словенските јазици, но исто така и за романските и другите јазици со неморфолошки аспект. Во однос на предикатско-аргументската структура на исказот, простите предикати покажуваат перфективен или имперфективен аспект во зависност од предикатот, додека глаголите што претставуваат сложени предикати се карактеризираат со доминација на еден аспект и нивното функционирање е обусловено од доминантниот аспект.

Простата структура може да биде моментна (на временскиот континуум нејзе и соодветствува точка) или континуативна (на временскиот континуум нејзе и соодветствува права), додека кај сложената структура (или-конфигурацијата) доминира една компонента. Ова се општите принципи, но кај конкретните глаголски потсистеми се јавуваат идиоматски разлики, произлезени од различната структурализација.

Потесната задача на овој труд е да се истражат видските карактеристики на едно множество глаголски лексеми во македонскиот стандарден јазик означени во македонската наука како двовидски, сп.: алутира, аплитира, брифира, демонстрира, електризира, третира, солидаризира, трансформира, шампонира итн.

Притоа, дојдовме до следните заклучоци:

1. Класификацијата на глаголите со наставките -ира; -из-ира како двовидски (глаголи што покажуваат свршен и несвршен вид) е предвидлива од аспектната вредност на коренот.
2. Узуалната и проскриптивната норма ги регулираат прифатливоста и употребата во јазичните стилови на овие глаголи, вклучувајќи ги и префиксираните форми, при што треба да се истакне дека нормата во овој однос сè уште не е стабилизирана.

I.B. Šatunovskij (Meždunarodnyj universitet prirody, obščestva i čeloveka, Dubna)

Глаголы мысли и вид

На характер видового противопоставления влияет и видоизменяет его прототипическое (инвариантное) содержание не только внешний контекст, но и внутренний лексический, семантический контекст, в который «погружается» инвариантное видовое противопоставление в различных лексико-семантических группах глаголов. Весьма своеобразную и интересную в этом отношении группу глаголов представляют чрезвычайно важные с лингвистической, прагматической и философской точки зрения глаголы, описывающие внутренний интеллектуальный, ментальный мир человека. Это такие глаголы, как *знать / узнавать / узнать, думать / подумать, понимать / понять* и др. Эти глаголы характеризуются нестандартными видовыми соотношениями [Булыгина, Шмелев 1997], переход от НСВ к СВ часто переводит глагол в вообще принципиально иной семантический тип. Наиболее своеобразную в аспектуально-семантическом отношении группу таких глаголов образуют глаголы мысли, нежестко противопоставленные (с рядом континуальных переходов) другим ментальным глаголам. Прототипическими и наиболее частотными глаголами мысли являются в русском языке пара *думать* и *подумать*. Глагол НСВ *думать* может обозначать процесс/действие мышления и в этом значении он не отличается принципиально от глаголов, обозначающих физические действия. В частности, он образует

стандартную делимитативную пару *думал* — *подумал* (некоторое время) и имеет стандартные формы времени: *Слёзкин усмехнулся одной правой щекой. Подумал. Вспыхнуло вдохновение.* (М. Булгаков). В то же время *думать* / *подумать* имеет (гораздо более частотное) значение пропозиционального отношения, в котором глагол вводит Р, содержащееся в уме субъекта, соединяет Р и ум субъекта. В этом значении формируются весьма специфические аспектуальные противопоставления. Так, с одной стороны, в настоящем времени *думать* является глаголом мнения — *Он думает, что Р*, аналогичное значение он может иметь в прошедшем времени: *Он думал, что Р*. В то же время глагол *подумал* (как глагол пропозиционального отношения) обозначает не мнение, но акт мысли и вводит Р, которое создается в уме С в результате этого акта. В этом значении *подумал* описывает акт мысли С: «Толстый и большой, должно быть», — *подумал Раскольников...* (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание). Такое Р и такой акт называется и, следовательно, является *мыслью*. (Мысль прототипически совершенного вида, она представляет собой возникновение нового Р в уме субъекта, то есть то, что в области глаголов выражается в русском языке СВ.) Глагол *подумал* (как глагол мысли) является уникальным глаголом СВ с точки зрения своей аспектуальной семантики. Ближе всего он к глаголам «исполнения» [Шатуновский 2009, с. 65 – 66], особенно к *сказал*, но в отличие от глаголов исполнения, Р не просто исполняется (как *спел песню*), но создается в результате этого действия.

Хотя типичным, исходным глаголом мысли является СВ, НСВ также может использоваться как глагол, вводящий создаваемую в уме С мысль — глагол ПО. Такое употребление возникает при синхронной точке отсчета [Падучева 1996, с. 12 – 15]. В таком значении *думал* вводит мысль как развертывающуюся, возникающую в уме субъекта, «мысль в процессе ее ... оформления»: *Нет, думал я, мир, в котором создана такая песня, ... имеет право на счастье ...* (Ф. Искандер) [Апресян 1995, с. 395], представляемую «изнутри»; характерно, что и глагол в этом случае стоит внутри предложения, описывающего возникающую мысль. В таких предложениях *думал* конкурирует с *подумал*, описывающим целостный акт мысли «извне»: *Нет, подумал я,* Только НСВ может быть использован для описания процесса мышления, состоящего из ряда сменяющих друг друга Р [Бяковская 2009]: *Может, прислонился неудачно, может, еще чего, мало ли что может произойти с не очень трезвым человеком посреди огромного города? Возможно, это случилось не без вины хозяина, ..., может, и в полицию звонить не станут, даже если заметят, постараются уладить дело миром. А я еще поторжуюсь, думал Вячик.* (Ф. Чернин. Вячик Слонимиров и его путешествие в непонятное), а также в тех случаях, когда вводится мысль, состоящая из ряда альтернатив, при этом ум субъекта непрерывно переходит от одной альтернативы к другой и обратно: «*Сон это продолжается или нет*», — *думал он.* (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание). НСВ употребляется также в ситуациях, когда субъект постоянно возвращается к одной и той же мысли, она вновь и вновь создается, актуализируется в его уме: *За весь следующий день не было ни одного телефонного звонка. "Ладно, всё равно посадят", — думал Штрум* (В. Гроссман. Жизнь и судьба). В настоящем времени *думать* как пропозициональное отношение употребляется в контекстах настоящего исторического (повествовательного) с синхронной точкой отсчета и вводит единичную мысль (см. подробнее [Апресян 1995, с. 395]), при том, что описание этой мысли совпадает примерно по скорости с процессом ее возникновения [Шатуновский 2009, с. 203]: «*Хоть поджег бы кто ненавистную бурсу!*» — *думает он. Эта мысль очень нравится ему, и он быстро доходит почти до образных созерцаний.* (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы).

Промежуточными между значением акта мысли и возникновением мнения являются употребления глагола *подумал* в контекстах типа *Я подумал, что его нет дома, и ушел*, которое возникает в контексте ретроспективной точки отсчета [Падучева 1996, с. 12 – 15]. В таких употреблениях возникает импликация ошибочности Р.

Глагол *думал* может также употребляться в своеобразном полу-процессуальном, полу-пропозициональном значении — с дополнением, описывающим объект (= тему) мысли. Чем

в большей степени из семантики объекта мысли следует содержание Р, тем ближе он к пропозициональной установке со всеми аспектуальными и сочетаемостными ее особенностями. Нейтрализация этого противопоставления, наибольшее приближение объектной конструкции к пропозициональной имеет место в конструкциях с *о том, что*: *Засыпая, он думал о том, что с завтрашнего дня надо будет во что бы то ни стало усилить занятия эзотерикой. А то нервы что-то совсем расшатались...* (М. Задорнов. «Я никогда не думал...»).

В докладе также предполагается рассмотреть другие аспектуально-семантические противопоставления в области глаголов мысли и примыкающих к ним обозначений ментальных состояний, к которым помимо *думать* и *подумать* относятся в русском языке возвратные глаголы *думалось* – *подумалось*, *понять* (vs *понимать*, СВ — мысль, НСВ — нет), *прийти в голову*, *озарило*, *пронеслось в голове*, *сказал себе* и др.

М.А. Šeljakin, I.P. Kjul'moja (Tartu Ülikool)

Влияние видовых форм на значения общеотрицательных высказываний

Обычно считается, что выбор и значения видовых форм зависят от разного типа контекстов. Однако видовые формы не только определяются контекстами, но и влияют на выражение значений контекстов. Употребление видовых форм при отрицании действия имеет свою специфику и особые закономерности. Это связано с тем, что отрицание, направленное на действие, характеризуется в русском языке либо определенной видовой аспектуальностью, либо нейтральным отношением к ней и регулируется не прямым соотношением с утвердительными высказываниями, а коммуникативными целями в условиях предметной и речевой ситуации. Формы вида при отрицании действия выбираются с учетом того семантического потенциала, которые они содержат вследствие влияния отрицания на значения целостности / нецелостности и нейтральную функцию формы несовершенного вида. Поэтому видовые формы при отрицании приобретают дополнительные функции, свойственные только отрицательным высказываниям.

«Механизм» появления новых функций у видовых форм при отрицании заключается в следующем. Наличие отрицания при глаголе не превращает значение целостности действия в значение нецелостности и наоборот: отрицаются не видовые значения, а действия с видовыми характеристиками. Так, отрицание глаголов совершенного вида выражает отрицание достижения тех пределов, которые обозначаются глаголом, а не сами пределы. Поэтому у глаголов совершенного вида при отрицании возникают различные модальные значения, указывающие на причины недостижения пределов целостного действия: *Он так и не решил задачу* = *Он так и не смог решить (хотя и решал)*. *Здесь не пройти* = *Здесь нельзя пройти*. *Его не понять* = *Его невозможно понять*.

Таким образом, совершенный вид при отрицании всегда модально окрашен, и его функцию можно назвать функцией модального отрицания целостного действия. Она связана с выражением трех основных модальностей:

- а) субъективной невозможности совершить целостное действие, основанной на каких-то объективных или субъективных факторах, в предложениях с простым сказуемым в форме будущего времени и сложным сказуемым с отрицаемым модальным словом + инфинитив или с инфинитивом, относящимся к подлежащему, выраженному дательным падежом: *Я здесь не пройду* / *Я здесь не смогу пройти*. *Ты не переведешь этот текст* / *Он не сможет перевести этот текст*. *Ему дороги не найти* / *Он не сможет найти дорогу*. *Вас не поймешь* / *Вас не понять* / *Вас нельзя понять*; ср. также значение невозможности достаточного осуществления действия, выраженного глаголами с приставкой *на-* и постфиксом *-ся*: *не наговориться*, *не нарадоваться*, *не насмотреться* и под.;

- б) желания неосуществления возможного целостного действия в простых предложениях со сказуемыми в форме сослагательного наклонения или инфинитива с частицей *бы*, относящегося к подлежащему, выраженному дательным падежом: *Как бы он не заболел. Не повредила бы ему эта затея. Как бы мне не опоздать на поезд*;
- в) нежелания (боязни, опасения) осуществления возможного целостного действия в сложноподчиненных предложениях с изъяснительными придаточными частями, относящимися к опорным словам главной части со значениями боязни, опасения: *Они боялись, как бы не простудиться на сильном ветре. Опасаясь, чтобы не задержали его в городе, Чичиков забился в угол кибитки и опустил кожаную занавеску* (Н.Гоголь). *Боюсь: брусничная вода Мне не наделала б вреда* (А.Пушкин); в таких предложениях В. И. Чернышев усматривает «излишнее отрицание» (Чернышев 1927: 73-74), ссылаясь на то, что они равнозначны предложениям без отрицания: *Боюсь, как бы не простудится (боюсь, что простужусь). Опасаюсь, как бы он не потерял деньги (опасаюсь, что он потеряет деньги)*; но если иметь в виду, что главное предложение выражает имплицитное отрицание, то оно «гасит» отрицательный характер придаточной части (подобно *Я не хочу не идти*);
- г) отрицания ожидаемого целостного действия: *Это лекарство не помогло больному. Тропинка нам не попала. Он не написал мне ни строчки.*

Так как значение нецелостности действия сводится к обозначению его в самом осуществлении субъектом, то отрицание формы несовершенного вида – это отрицание реализации действия, характеризуемого частными значениями несовершенного вида: *Я не пишу, а читаю. Почему ты не уходишь? Дрова долго не разгорались. Волга не течет на север, она течет на юг. Я не курю.*

Кроме отрицания целостных / нецелостных действий, отрицаются также действия, выражаемые в обобщенно-фактическом и единично-фактическом значениях: *Я никогда не читал этой книги. Ты покупал / купил эти билеты? – Нет, я не покупал эти билеты.* Здесь уже подчеркивается несколько другой характер отрицания – полная непричастность субъекта к действию, отсутствие даже намерения его совершать. Такое отрицание можно назвать эмфатическим: *Я не брал твоей книги. Он никуда не ездил. Не входите!* Эмфатическое отрицание часто употребляется по отношению к совершенному виду глаголов утвердительных предложений: – *Ты возьмешь сейчас эту книгу? – Нет, я не буду брать сейчас эту книгу.*

Если контекст или лексические значения содержат показатели модального или эмфатического отрицания, то разница между двумя функциями отрицания нейтрализуется и видовые формы могут употребляться синонимично: *Рассудок пытался (модальность попытки, ожидания действия) возмутиться, но не возмущался* (А. Толстой), возможна замена на *не возмутился. Я был уверен, что именно здесь, в этом парке встречу свою незнакомку. Но она не приходила* (К.Паустовский), возможна замена на *не пришла* – модальность ожидания. Ср. также отвлеченно-потенциальные высказывания: *Он никогда ничего никому не делал / не сделал плохого. Она никогда не говорит / не скажет неправды. С тех пор я ни разу не напоминал / не напомнил ему о его поступке.*

Что касается высказываний с отвлеченно-потенциальными и кратно-соотносительными значениями предикатов, то в них, как и в параллельных утвердительных высказываниях, при отрицании допускается синонимия видов: ср. *Ни разу в жизни я умышленно не солгал и не сделал зла, но не чиста моя совесть* (А.Чехов), возможна замена на *не лгал и не делал зла. Бывало, он придет / приходит домой. не скажет / не говорит ни слова и молча ляжет / ложится спать. Он никогда ничего никому не делал / не сделал плохого. Она никогда не говорит / не скажет неправды. С тех пор я ни разу не напоминал / не напомнил ему о его поступке.*

A. Šmelev (*Institut ruskogo jazyka im. V.V. Vinogradova RAN, Moskva*)

Выбор и интерпретация вида русского инфинитива в сочетании со словом *нельзя* (точки взаимодействия с модальностью и контролем)

Рассматриваются общие закономерности выбора и интерпретация вида русского инфинитива в сочетании со словом *нельзя* в русском языке и преломление этих закономерностей в зависимости от лексического значения глагола и ряда других факторов.

На первый взгляд, сочетание инфинитива со словом *нельзя* подчиняется следующей закономерности: если слову *нельзя* подчинен инфинитив совершенного вида, высказывание понимается алетически (*невозможно ...*), а если инфинитив несовершенного вида, высказывание понимается деонтически (*не следует...*). Соответственно, правила выбора вида можно было бы формулировать таким образом: если необходимо выразить алетическую невозможность, выбирается инфинитив совершенного вида, а если надобно выразить деонтическую невозможность (недолжное), выбирается инфинитив несовершенного вида. Ср.: *Его не понять* (алетическая невозможность) и *Это нельзя понимать так, что...* (деонтическая интерпретация); алетическое *Нельзя съесть весь пирог* (не удастся, поскольку он слишком большой) и деонтическое *Нельзя съесть весь пирог* (следует оставить другим); алетическое *Его нельзя разбудить* ('не удастся, хотя и делаются попытки', либо 'можно не беспокоиться, он не проснется') и деонтическое *Его нельзя будить* ('дайте ему еще поспать'). Однако анализ языкового материала (в том числе представленного в «Национальном корпусе русского языка») показывает, что эти закономерности представляют собою следствие более общего различия совершенного и несовершенного вида и взаимодействия видовых значений со значением слова *нельзя*. Нерасчлененное понятие «контроля» недостаточно для описания употребления и интерпретации вида инфинитива при слове *нельзя*. Противопоставление алетической и деонтической невозможности также оказывается слишком грубым и прямолинейным, чтобы точно описать выбор и интерпретацию глагольного вида в конструкциях со словом *нельзя*. Ср: *Нельзя знать все на свете* (констатация невозможности, а не запрет, хотя *знать* — глагол несовершенного вида); *Тебе ни в коем случае нельзя опоздать на эту встречу* (деонтическое понимание, хотя инфинитив совершенного вида). Совершенный вид означает, что имеется в виду конкретная ситуация, пусть воображаемая, субъект которой мыслится в фокусе эмпатии; любое обобщение имеет эту ситуацию в качестве точки отсчета. Несовершенный вид в качестве точки отсчета выбирает общее правило, которое может применяться в том числе к конкретной ситуации. При этом оба вида могут иметь как деонтическое, так и алетическое прочтение, однако природа этих прочтений остается различной.

Общее семантическое противопоставление видов в рассматриваемой конструкции определенным образом накладывается на лексические значения используемых глаголов (иллюстрируется на примере оборотов *нельзя сказать* и *нельзя говорить*)

Характерны также прагматические эффекты, возникающие в разных типах речевых актов, в которых используется конструкция *нельзя* с инфинитивом.

E.Ja. Titarenko (*Tavrijs'kyj nacional'nyj universytet im. V.I. Vernads'koho, Simferopol'*)

Семная формула и принцип функционирования видов русского глагола в контексте

В докладе предлагается следующее понимание грамматической семантики категории вида глагола и схема функционирования видов в контексте: 1) видовые граммы состоят из наборов лексических и грамматических сем (последние я называю *граммами*); 2) граммема СВ отличается от граммы НСВ набором этих сем и грамм, которые представлены в виде семной формулы; 3) взаимодействие лексических и грамматических сем на уровне лексемы приводит к определенным семантическим процессам (или семно-семейной комбинаторике),

таким как *усиление, ослабление, сложение, погашение, нейтрализация*; 4) под влиянием контекста происходит актуализация семных наборов и такие семантические процессы, как *поддержание, зачеркивание, наведение, модификация, расщепление, конкретизация*. Исследование базируется на теоретических положениях, изложенных в трудах Ю.Д. Апресяна, М.В. Всеволодовой, Ю.С. Маслова, О.М. Соколова, И.А. Стернина и др. лингвистов (см. список литературы).

Анализ семного состава видовых граммем показал наличие следующих имплицитных *грамм* в их структуре: Ед. (единичность), Повт. (повторяемость), Л (временная локализованность), НЛ (временная нелокализованность) и имплицитных *сем* П и НП (предельность / непредельность). Формулу вида, по предложению М.В. Всеволодовой [2], можно представить в виде простой дроби: лексические семы расположены в числителе, грамматические – в знаменателе. В данном тексте между «числителем» и «знаменателем» стоит знак :. Формула граммеы СВ такова: П : Ед. Л. Глаголы НСВ распадаются на два семантических класса: предельные (П) и непредельные (НП). Граммы Ед. и Л. находятся в отношениях конъюнкции, поскольку конкретное единичное действие имеет четкую локализацию во времени. Основным условием повторяемости является разновременность действий, т.е. временная нелокализованность, поэтому граммы Повт. и НЛ также находятся в отношениях конъюнкции. При этом у предельных глаголов НСВ повторяемость тоже связана с непредельностью, что отмечал и Ю.С. Маслов: «Так, многократное действие, предельное и даже достигающее предела в каждом отдельном акте своего повторения, может оказаться в целом, как серия повторений, непредельным (ср. *ходить на службу*)» [3, с. 322]. Итак, граммеы НСВ имеют следующие семные формулы: предельные глаголы П/НП : Ед. Л // Повт. НЛ; непредельные НП : Ед. Л // Повт. НЛ. Наборы грамм Ед. Л // Повт. НЛ и сем П/НП находятся в отношениях дизъюнкции, они не могут быть одновременно актуализованы, но могут одновременно быть неактуализованными, как бы погашенными (принцип семафора). Актуализация того или иного набора грамм происходит под воздействием контекста. Например, у непредельных глаголов (*дети гуляли в саду*) лексический показатель (ЛП) *вечером* актуализует набор Ед. Л; ЛП *по вечерам* актуализует Повт. НЛ. *Дети гуляли?* – оба набора не актуализованы, нейтральны.

У предельных глаголов НСВ актуализация может происходить также за счет сем: сема П актуализует набор Ед. Л, а сема НП – набор Повт. НЛ. Например: *он выходит на улицу* (действие предельное единичное локализованное во времени, конкретно-процессное значение НСВ). *По утрам (каждый день; трижды в день) он выходит на улицу* – непредельный процесс повторяющихся нелокализованных во времени действий, глагол выступает в кратной функции. *Окна выходят на улицу* – оба набора не актуализованы (постоянно-непрерывное значение НСВ).

В лексическую семантику глагола могут входить и взаимодействовать с одноименными граммами аспектуально значимые семы единичности (или однократности - Одн.), повторяемости (или итеративности - Ит.), начинательности (Нач.), ограничительности (Огр.), финитивности (Фин.) и т.п. Данные семы могут быть ядерными или периферийными, их материальными носителями могут быть аффиксы или корень, семы могут быть имплицитными и т.д. [4; 6]. Так например, одноактные глаголы (тип *махнуть*) имеют формулу П Ит. Одн. : Ед. Л (носителем семы Ит. является корень, Одн. – суффикс), многоактные (тип *махать*) НП Ит. : Ед. Л // Повт. НЛ; начинательные (тип *замахать*) П Ит. Нач. : Ед. Л; делимитативы (тип *помахать*) П Ит. Огр. : Ед. Л или П Огр. : Ед. Л (*погулять*) и т.д.

Вторичные имперфективы (тип *подписывать*) имеют формулу П/НП (Ит.) : Ед. Л // Повт. НЛ, одновидовые НСВ с суффиксом итеративности *-ива/ыва/ва-* (тип *посматривать*) - НП Ит. : Ед. Л // Повт. НЛ, носителем семы Ит. является именно этот суффикс, но в первом случае сема периферийная, во втором случае – ядерная. В минимальном контексте *Вася подписывает письмо* актуализован набор П: Ед.Л. (аффиксальная сема Ит. нейтрализована

семой П), *Вася подписывает письма* набор НП : Повт. НЛ актуализован формой множ. числа дополнения (*письма*), что обеспечивает и актуализацию семы Ит. В примерах А.Б. Шлуинского [7, с. 48] *Вася посматривает в окно. Когда я вошел в ванную, вода капала из крана* формула выделенных глаголов НП Ит. : Ед. Л // Повт. НЛ, актуализован набор НП Ит.:Ед.Л, а в предложении *Преподаватель сидел за столом и все время снимал свои очки* формула глагола *снимал* П//НП : Ед. Л // Повт. НЛ; ЛП *все время* актуализует набор НП : Повт. НЛ; в формуле лексемы *сидел* актуализован набор НП : Ед. Л. Позволю себе не согласиться с тем, что «Предложение *Когда я вошел, преподаватель снимал свои очки* принципиально может описывать как единичную ситуацию ‘снимать’, так и повторение пар ситуаций ‘снимать’ и ‘надевать’, хотя первая интерпретация более предпочтительна» [7, с. 56]. Вторая интерпретация (повторяемости) представляется маловероятной. Придаточное *когда я вошел* актуализует сему Л, которая связана с семами Ед. и П., остальное можно только домысливать.

Семная формула демонстрирует разницу между глаголами в видовой паре: даже при полном совпадении семантики НСВ отличается семами НП: Повт. НЛ, которых нет у глаголов СВ. Схема «работы» видовых граммем в высказываниях (достаточно условная и примитивная) позволяет лучше понять категорию вида глагола иностранцам, изучающим русский язык. В этом, как показывает мой опыт, заключается объяснительная сила предлагаемой теории.

S. Tofoska (Univerzitet “Sv. Kiril i Metodij”, Skopje)

Теличните глаголи и контекстот во македонскиот јазик

Овој реферат ќе се занимава со теличните глаголи и типичните контексти во кои тие се реализираат во македонскиот јазик. Под телични глаголи, овде се подразбираат глаголските семантики кои претставуваат телична аспектна конфигурација. Овој термин, произлегува од теоријата за глаголскиот вид постулирана од проф. Станислав Каролак (Karolak 1994, 2000, 2005 etc.), која претставува појдовна основа на анализата на теличните глаголи во македонскиот јазик.

Основните поставки на оваа теорија се дека глаголскиот вид е семантичка категорија иманентна на поимите и дека нејзини форми на репрезентација се семантемите, а не грамемите. Глаголскиот вид (аспектот) се дефинира како категорија на внатрешното време на еден настан, со бинарна опозиција на две примарни (семантички недеривирани) аспектuali вредности: траење во времето (континуум) vs отсуство на траење во времето (момент). Од овие два примарни, прости, аспекта се деривираат повеќе комплексните аспекти, наречени аспектни конфигурации. Теличноста е комплексен аспект, т.е. конфигурација од 3 аспектuali вредности: две континуативни и една моментна, од што произлегува дека доминантна е континуативната вредност и затоа теличните глаголи (глаголските семантики кои ја изразуваат оваа конфигурација) се имперфективни.

Во првиот дел од овој реферат ќе се дефинира теличноста во светлината на оваа теорија и со сопоставување на сфаќањата за теличност во аспектолошката литература (Chung and Timberlake 1985, Comrie B., 1993, Declerck 1979, Depraetere 1995, Paducheva 1996 etc.). Потоа ќе се определат глаголите кои се сметаат за телични во рамките на овде прифатената теорија, како глаголи што означуваат активност или процес што се случува (е во тек) и која води кон промена на фактичката состојба.

Во вториот дел на рефератот ќе се претстави релацијата на теличните глаголи во македонскиот јазик со контекстот. Анализата ќе се однесува на тоа во кои контексти обично се реализираат овие глаголи и кои елементи на контекстот, сфатен широко, го поддржуваат или го блокираат теличниот аспект. Треба да се каже дека, според теоријата на проф. Каролак, контекстот не е тој што модифицира, туку самиот глагол има различни вредности, *различни инхерентни значења*, и во различен контекст доаѓа до израз некое од тие различни

значења (Каролак 2000:80). Но, секој поим има поголема или помала склоност за поврзување со еден или друг тип на контекст што може да се забележи на прагматичко ниво и ќе се констатира врз примерите од македонскиот јазик.

Како контекст, овде ќе се земат предвид и аргументите имплицирани од страна на теличниот поим (глагол) и кои може да се сметаат за негов природен контекст, во смисла на тоа дека дел од поимската структура на глаголот се доопределува преку нив. Присуството односно отсуството на еден од главните аргументи – објектот на дејството, како и карактеристиките на именската синтагма што ја врши оваа функција (во однос на категориите број и определеност) определува дали се опишува некоја телична или некоја друга ситуација, на пр. хабитуална (*Тој пишува: Тој пишува книга: Тој пишува книги: Тој ги пишува книгите: Тој пишува 2 книги*) Ќе се разгледува и употребата на теличните глаголи во соодветен темпорален контекст. Ќе се укаже во кои контексти и со кои темпорални форми најчесто се реализираат теличните глаголи. Поради повеќезначноста на темпоралните форми во македонскиот јазик, во исказите во кои се реализира еден теличен глагол, теличноста на опишуваната ситуација често мора да се сигнализира со придружни показатели во контекстот.

H. Tammola (Tampereen Yliopisto)

Перфектно значение, значение вида и контекст

В настоящем докладе рассматривается «перфектное» значение, в первую очередь, в русском языке (употребляемый часто термин «перфективный» я считаю неверным и путающим, так как в аспектологической литературе под ним подразумевают *совершенный вид*). В контексте сравнения славянских и многих других языков такой объект исследования должен интересным образом пересекать границы видо-временных категорий. В других индоевропейских языках Европы нет глагольного вида, тогда как в славянских языках нет перфекта, за исключением (двух) южнославянских языков, до сих пор сохраняющих не только перфектные формы, но и соответствующее значение, близкое прототипическому перфекту, и глагольный вид.

Хотя главный упор в докладе не делается на общее значение видов, но следует коротко остановиться на определении «значения» совершенного (или несовершенного вида). Естественно, лингвистов не может не интересовать вопрос, что составляет семантическое ядро грамматической категории СВ/НСВ. В то же время, собственно грамматические категории неохотно подвергаются определению их «значения», граммы скорее можно определить на основе их функций. Если синтаксические категории типа «субъект» (или «объект») и получили более или менее бесспорную интерпретацию в связи с их «функцией» в предложении, то по его смысловому содержанию как субъект, так и объект может указать, например, на «испытателя» («экспериментера»: *Вы знаете, как я уважаю свою бабушку*) или на «источник» (*Какое нижнее белье нравится мужчинам?*). Кроме того, в результате пассивной трансформации семантические и синтаксические роли субъекта и объекта переменяются.

Соответственно варьируется и диапазон возможных семантических особенностей грамматических падежей; роль синтаксического подлежащего отнюдь не единственная функция винительного падежа (аккузатива). Сомнения по поводу возможности реалистического решения вопроса об общем значении граммем глагольных видов (СВ и НСВ) тем более очевидны, что до сих пор нет единого мнения о собственно грамматическом, или лексическом характере бинарной категории вида.

В предлагаемом сообщении внимание обращается на дискурсивные функции глагола, прежде всего, на трактовку так называемого «перфектного» значения. Режим интерпретации (Падучева 1996, 2008) имеет при этом немаловажную роль, если помнить, что

прототипический перфект (в «перфектных» языках) функционирует, как правило, в диалогическом контексте, и встречается рядом с презенсом в плане настоящего времени (отсчетное время *теперь*, в момент речи). Если значение НСВ в случае результативного общефактического и более или менее соответствует «общефактическому перфекту», вся сфера и все случаи употребления НСВ, обычно характеризующиеся как общефактические, не соотносимы с перфектным значением.

Объектом исследования является, прежде всего, русский язык, но дополняющий материал привлекается и соответствующие наблюдения делаются из других славянских языков. Типологический подход предполагает и учтение данных других языков, располагающих различными способами выражения аспектуальности и темпоральности.

V.M. Trub (*Instytut ukrains'koï movy NAN Ukraïny, Kyïv*)

Об ограничениях на вариативность видовых глагольных форм и некоторых функциях видового противопоставления

1. Одно из распространённых ограничений на вариативность видовых глагольных форм связано с употреблением глагола в позиции актанта другого предиката. Типичным примером являются случаи, когда тот или иной глагол синтаксически подчинён другому, выступающему в качестве объемлющего предиката. Например, предикаты, обозначающие постепенное приобретение навыка, умения, привычки, предусматривают, что подчинённый глагол, указывающий на действие, которое субъект стремится освоить, должен фигурировать в форме НСВ. Ведь речь идёт о приобретении постоянной способности, которую субъект будет впоследствии применять не единожды. На многократность осуществления таких действий как раз и указывает подчинённый глагол в форме НСВ, реализующий значение итеративности: (1) *Он учится танцевать (*станцевать, *потанцевать) вальс / Он научился танцевать (*станцевать, *потанцевать) вальс;* (2) *Он привыкает ложиться (*лечь) во-время / Он привык ложиться (*лечь) во-время;* (3) *Он наловчился есть (*съесть) суши двумя палочками.*

В других случаях глагол бывает семантически зависимым от предиката-адвербиала. Одним из примеров таких объемлющих предикатов служат наречия типа *напрасно, понапрасну, зря, тщетно*, которые в рематической позиции нормативно указывают на безуспешность попытки, обозначенной глаголом, к которому они синтаксически примыкают. Обычно в качестве актантов таких адвербиальных предикатов выступают глаголы, обозначающие неконтролируемые или слабо контролируемые действия. Нормативно они должны употребляться в форме НСВ, поскольку в форме СВ они указывают на успешную попытку: (4) *Он её просил (упрашивал, уговаривал, умолял) напрасно (понапрасну, зря, тщетно).*

В то же время, как было показано в Зализняк 1990, в коммуникативной позиции т.н. «атрибута ремы» часть этих наречий приобретает оценочное значение «запоздалого сожаления», переводя высказывание в диалогический контекст. Тем самым констатируется неадекватность целеполагания на этапе «взвешивания» (ср. Труб [1993: 54-71]) – ошибочность позитивного решения относительно выполнения действия, о последствиях которого теперь приходится сожалеть. В подобных ситуациях зависимый предикат может употребляться как в форме НСВ, так и СВ. В первом случае говорящий сожалеет о самой предпринятой попытке: (5) *Напрасно (зря) он её просил (упрашивал, уговаривал, умолял).* В случае же употребления формы СВ речь идёт о сожалении по поводу удавшейся попытки: (6) *Напрасно (зря) он её упросил (уговорил, умолил).*

Между тем наречия *понапрасну, тщетно* такого второго осмысления не допускают и в любой коммуникативной позиции сохраняют значение безуспешной попытки: (7а) *Понапрасну (тщетно) он её просил (упрашивал, уговаривал, умолял).* Употребление же семантически зависимого глагола в форме СВ делает фразу аномальной: (7б) **Понапрасну*

(тщетно) он её упросил (уговорил, умолил). А диалогический адverbиал *жаль* (как и «нарративный» глагол (со)жалеть) реализует только значение негативной аксиологической оценки, также допуская варьирование видовых форм своего актанта: (8а) *Жаль, что он её просил (упрашивал, уговаривал, умолял)*; (8б) *Жаль, что он её упросил (уговорил, умолил)*. В выступлении предполагается рассмотреть особенности сочетаемости видовых форм глаголов и с рядом других объемлющих глаголов и наречий.

2. Очень часто использование глагольных форм НСВ подчинённого предиката выполняет анафорическую функцию, т.е. подобно местоимению указывает на то, что так или иначе (эксплицитно или имплицитно) было упомянуто ранее. В первую очередь это касается отрицания. Ср. фразу (9) *Они не собираются его арестовывать (расстреливать)*, которая, как и любое отрицательное предложение, предусматривает предварительно актуализированную мысль о том, что они собираются его арестовать (расстрелять). В то же время при употреблении подчинённой формы СВ фраза становится аномальной: (9а) **Они не собираются его арестовать (расстрелять)*. Ср. также (10) *Она не собирается выходить (*выйти) за него замуж* с ранее актуализованным мнением, будто она хочет (собирается и т.д.) выйти за него замуж.

Другие проявления анафорической функции НСВ можно проиллюстрировать на примерах двух последовательных этапов целеполагания – практического рассуждения и «взвешивания». Практическое рассуждение (ПР) обычно связано с поиском пути к достижению поставленной цели Р и может быть уподоблено поиску ответа на частный вопрос типа *Как достичь Р* или *Что (какое Q) следует предпринять, чтобы достичь Р?* Тем самым ПР может быть уподоблено осуществлению выбора из множества альтернатив. Примерами полученных решений могут служить фразы (11) *Он решил послать ей телеграмму*; (12) *Родители решили отдать ребёнка в музыкальную школу*, где подчинённая предикация, обозначающая искомый ответ, нормативно представляется в форме СВ. В других случаях нужное решение может быть получено в «кооперативном» режиме, т.е. подсказано кем-то другим: (13) *Ему посоветовали послать ей телеграмму*; (14) *Родителям посоветовали отдать ребёнка в музыкальную школу*.

На следующем этапе обдумывания – «взвешивания» субъект оценивает неизбежные или возможные побочные эффекты от осуществления деятельности Q, что должно привести к окончательному решению о действии или отказе от него. Данный этап уподобляется поиску ответа на общий вопрос типа *Делать или не делать Q?*, т.е. связан с выбором только из двух альтернатив. Если получен негативный ответ, то он кодируется отрицательным предложением с подчинённой предикацией в форме НСВ: (11а) *Он решил не посылать ей телеграмму*; (12а) *Родители решили не отдавать ребёнка в музыкальную школу*. Как видим в (11а–12а) фиксируется отказ от действия, идея о котором возникла на предыдущем этапе – стадии ПР. Аналогичным образом маркируется негативное взвешивание в кооперативном режиме: (13а) *Ему посоветовали не посылать ей телеграмму*; (14а) *Родителям посоветовали не отдавать ребёнка в музыкальную школу*.

Заметим, что получение на стадии взвешивания позитивного ответа также допускает использование формы НСВ: (15) *Он решил посылать ей телеграмму* ≈ 'То, что он решил послать ей телеграмму, верно'.

В диалогическом контексте для отражения «запоздалого» сожаления о совершенном действии (т.е. констатации ошибочности принятого ранее позитивного решения на этапе «взвешивания») может использоваться подчинительная конструкция *Не надо (не нужно) было Q* – ср. (16) *Не надо было ему её поддерживать (*поддержать)*. В то же время, как мы видели, при выражении очень близкого (16) смысла с помощью адverbиалов *жаль, напрасно, зря*, вариативность видовых форм семантически зависимого глагола вполне допустима: (17а) *Жаль, что он её поддержал*; (17б) *Жаль, что он её поддерживал*. Как видим, в (17а) и (17б) противопоставление видовых форм маркирует однократность и неоднократность поддержки.

Между тем в (16) форма НСВ *поддерживать* может указывать как на один, так и на более чем один акт поддержки.

И наконец, как убедительно показано в Падучева [1996: 66–83], Шатуновский [2009: 247–291], анафорическая функция НСВ ярко проявляется при маркировании вторичного побуждения (разумеется, если при этом сохраняется иллокутивная функция побуждения первичного). В то же время есть основания полагать, что эта закономерность наблюдается не во всех славянских языках.

E.V. Uryson (Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova RAN, Moskva)

«Детализирующая» семантика: часть контекста vs. компонент лексического значения глагола

Хорошо известно, что многие глаголы обладают неполным набором видовых значений. Таковы, например, глаголы, относящиеся к классам: «свойство» (*хромать*, *заикаться*), «деятельность» (*преподавать*), «интерпретация» (*мстить*) и т.п. Подобные глаголы, будучи НЕСОВ, не имеют, прежде всего, актуально-длительного значения – и это характерно для многих глаголов с дефектным набором значений граммемы НЕСОВ. Тем интереснее, что в русском языке существует группа глаголов НЕСОВ, устроенных прямо противоположным образом: они нормально выражают актуально-длительное значение, а выражение других значений граммемы НЕСОВ для них как минимум затруднено. Приведем некоторые примеры, а затем попытаемся интерпретировать языковые факты.

Обсуждаемые глаголы стилистически отмечены. Они обнаруживаются среди синонимов стилистически нейтральных глаголов, обозначающих действия или занятия (мы пользуемся подробной классификацией предикатов [Апресян 2006], а также описанием значений видовых граммем [Гловинская 2001]). Ср. *Есть* – *уплетать*, *уписывать*. Глагол *есть* (в форме НЕСОВ) выражает целый ряд видовых значений. Ср. (1а) *Что делает Петя?* – *Ест кашу* (актуально-длительное значение); (1б) *Вечером долго ел кашу* (процессуальное); (1в) *На завтрак он обычно ест кашу* (узуальное); (1г) *Он часто ест кашу с хлебом* (многократное). Что касается глаголов *уплетать* и *уписывать*, то они безусловно выражают актуально-длительное значение. Ср. (2а) *А Петя сидит за столом и как ни в чем не бывало уплетает кашу* <макароны уписывает>. Однако выражение других значений граммемы НЕСОВ для них почти невозможно. Ср. (2б) *Долго с наслаждением уплетал кашу* <??уписывал макароны>; (2в) *На завтрак обычно кашу уплетали* <??макароны уписывали>; (2г) *Часто кашу с хлебом уплетаем* <??макароны с хлебом уписываем>. Стилистическая отмеченность глаголов *уплетать* и *уписывать* сама по себе не объясняет этой их специфики. Действительно, еще один синоним глагола *есть* – глагол *лопать* – тоже отмечен стилистически, однако имеет не только актуально-длительное значение НЕСОВ. Ср. (3) *В армии каждое утро кашу лопали* (узуальное); *А мы часто кашу с хлебом лопаем* (многократное) и т.п. Аналогичный пример: *купаться* (в реке) – *бултыхаться* (в реке). Оба глагола имеют актуально-длительное значение граммемы НЕСОВ. Ср. (4а) *Вон он купается в реке* – *Вон он в пруду бултыхается*. При этом *купаться* имеет также процессуальное, узуальное и многократное значения граммемы НЕСОВ, а у глагола *бултыхаться* выражение этих значений затруднено. Ср. (4б) *Долго купаемся* <??бултыхаемся> в реке (процессуальное); (4в) *По утрам обычно купается* <??бултыхается> в пруду, потом *завтракает* (узуальное); (4г) *Летом часто купались* <??бултыхались> в речке (многократное). При этом глагол *плескаться* (в реке), хотя и отмечен стилистически, но вполне нормален в контекстах (4б) – (4г). В работе обсуждаются и другие группы глаголов с подобным дефектным набором видовых значений НЕСОВ.

Хорошо известно, что реализация того или иного значения граммемы НЕСОВ часто диктуется обстоятельством времени, ср. примеры выше. Однако на выбор значения видовой граммемы

могут влиять и другие типы обстоятельств. Ср. (5а) *Что делает Катя? – Доит соседскую корову* (актуально-длительное значение; возможно и узуальное значение) vs. (5б) *Что делает Катя? – За гроши доит соседскую корову* (только узуальное значение). Обстоятельство *за гроши* указывает на то, что форма *доит* имеет узуальное значение. Другой пример: (6а) *Больной хорошо спит* (только узуальное значение; ожидалось, что спит не хорошо) vs. (6б) *Больной сладко спит* (только актуально-длительное значение). Хотя *хорошо* и *сладко* в подобных контекстах – это весьма близкие синонимы, их смысловое различие достаточно велико, чтобы предопределить выбор разных значений граммемы НЕСОВ. При этом обстоятельство *сладко* «побеждается» другими обстоятельствами. Ср. *В это время наши дети обычно сладко спят* – только узуальное значение, и это понимание обеспечивается обстоятельствами *в это время* и *долго*. Отметим также, что в контексте *сладко есть* наречие *сладко* (впрочем, в другом значении) предопределяет узуальное значение граммемы НЕСОВ. Задача состоит в том, чтобы выявить типы разных модификаторов (не только обстоятельств времени), которые детализируют описываемую ситуацию так, что эта детализация влияет на выбор того или иного видового значения граммемы НЕСОВ.

Можно предположить, что аналогичная «детализирующая» семантика может выражаться и внутри самого глагола – и тогда она блокирует возможность выражения данным глаголом определенных видовых значений. Так, не исключено, что глаголы *уписывать*, *уплетать*, *бултыхаться* отличаются от своих нейтральных синонимов (*есть* и *купаться*) именно такой семантикой, которая часто или обычно выражается глагольными модификаторами. Поэтому мы называем такие глаголы «детализирующими». Основная задача – выявить и другие детализирующие глаголы (возможно, группы таких глаголов). Другая задача, тесно связанная с первой, – описать саму «детализирующую» семантику в значении глагола и сравнить ее с семантикой тех модификаторов, которые влияют на выбор значения видовой граммемы.

D. Vojvodič (Univerzitet u Novom Sadu)

К вопросу о функционировании славянского глагольного вида в отрицательном контексте

«Чистые» аспектуальные отношения трудно отграничить от аспектуально- темпоральных не только в языках, в которых категория вида не имеет своего морфологического выражения, но и в «видовых» языках, какими являются славянские, вследствие чего границы аспектуальности подвижны, расплывчаты, неопределены. На этот факт указывают почти все аспектологические исследования (ср., напр., работы Ю.С. Маслова, А.В. Бондарко, Э. Кошмидера, М.А. Шелякина, А.М. Ломова, Е. Беличовой- Кржижковой, А. Вежбицкой, Е.В. Падучевой, М.Я. Гловинской, Ю.Д. Апресяна, О.П. Рассудовой, В.С. Храковского, С. Кароляка, Б. Комри, А. Тимберлейка, Н.Б. Телина, С.М. Дики, А.А. Барентсена, Х. Томмолы, А. Мустайоки, Е.В. Петрухиной, Р. Бенакио, М.Ю. Чертковой, А. Мусича, М. Кравара и др.). На морфологическом уровне (вне контекста) видовую систему славянского глагола можно рассматривать как систему, сосуществующую с временной системой, в то время как на уровне синтаксиса (в контексте) они объединяются в единое синтаксическое целое – в видо-временную систему. Непосредственно с этим связана и способность вида влиять на выбор (дифференциацию) временного употребления глагольных форм. Кроме того, любая глагольная форма (с присущей ей видовой характеристикой), используемая в качестве средства выражения синтаксического времени, выполняет и функцию особого стилистического средства.

Следовательно, лишь на уровне синтаксиса раскрывается сущность аспектуально-темпорального характера глагола, связь категорий вида и времени с другими семантическими категориями (модальности, временной локализованности / нелокализованности, таксиса, обусловленности и т. п.).

Особый интерес в этом отношении вызывает употребление совершенного вида (СВ)

с отрицательной частицей *не* в славянских языках (см., в частности: Musić 1913; Бондарко 1971: 110–111; Акимова 1993; Ivić 1997: 121–126; Војводић 2003: 149–154; Падучева 2005; Барентсен 2007), напр., в вопросительных предложениях–высказываниях: (1) *Почему ты не придешь?* ('по какой причине ты не приходишь?' <вообще; так долго> + 'по какой причине ты не хочешь приходить / прийти?' + 'приходи!' <я тебя приглашаю>; ср. *'приди'; ср. также: ≠ 'по какой причине ты не придешь?').

Сербский (сербскохорватский) эквивалент настоящего употребления (перфективный презенс, являющийся, в отличие от русского перф. през. (формы будущего СВ), неграмматизированной глагольной формой) можно семантически представить следующим образом: (1а) *Зашто не дођеш?* ('зашто не долазиш?' <уопште> + 'зашто нећеш / не желиш да дођеш?' + 'дођи!' <ја те позивам>; ср. также: (укр.) *Чому ти не прийдеш?*; (белорус.) *Чаму ты не прыйдзеш?*; (польск.) *Dlaczego nie przyjdiesz?*; (чешск.) *Proč ne přijdeš?*; (словацк.) *Prečo neprídeš?*; (словен.) *Zakaj ne prideš?*; (болг.) *Защо не дойдеи?*; (мак.) *Зошто не дојдеи?*

В приведенных примерах, наряду с причинно-следственными отношениями (как вторичными, хотя и формально выраженными), косвенным образом реализуется своеобразное абстрактное значение глагольного действия (сближающееся с неактуальным настоящим) и волюнтативное отношение (нежелание адресата прийти), а также и приглашение (как косвенный имплицитный перформатив в качестве речевого акта побуждения с признаком ожидания). Следовательно, форма перф. през. имеет не временное значение, а модальное (хотя ее употребление непосредственно связано с моментом речи как основной точкой отсчета всех темпоральных отношений).

В данном случае СВ (перф. през. = настоящее–будущее СВ) обладает не конкретно-фактическим, а обобщенно-фактическим нерезультативным значением. Здесь налицо разобщенность действия с моментом речи (вследствие чего перф. през. не имеет значения настоящего актуального или будущего времени) и неопределенность времени завершения действия, так что можно говорить о нелокализации действия в (грамматическом) времени. Такое употребление СВ обусловлено ситуацией, совпадающей с моментом речи говорящего, а также и сочетанием с частицей *не* (синтаксическое условие), допускающей возможность использования глаголов как НСВ, так и (гораздо чаще) глаголов СВ.

Употребление перф. през. с отрицанием обусловлено не только ситуативным и синтаксическим, но и лексическим контекстом. Так, если наречие *почему* в примере (1) заменить другим вопросительным наречием, частицей или каким-либо другим лексическим средством, значение СВ будет совсем иное, или же отрицательно-вопросительное предложение–высказывание будет сконструировано неправильно; ср.: (2) *Разве ты не придешь?* (глагольное действие, локализованное в плане будущего; конкретно-фактическое значение СВ); (3) **Зачем ты не придешь?* (семантика наречия реализуется только в утвердительном контексте: (3а) *Зачем ты придешь?*).

К рассматриваемому типу отрицательных высказываний, отличающихся модальным употреблением глагольной формы СВ с обобщенно-фактическим нерезультативным значением (и нелокализованным действием) на фоне актуального настоящего (момента речи), относятся и следующие примеры в русском языке: (4) *Зову – не дозовусь, жду – не дождусь* ('зову – не могу дозваться', 'жду – не могу дожждаться'); (5) *Я (никак) не пойму, в чем дело* ('не могу понять').

Следует добавить, что данный тип употребления перф. през. очень часто встречается в чешском и словенском языках, в которых функциональные границы СВ очень широкие; ср.: (5а) *Já to nepochopím* ('я это не смогу понять'); (6) *Ne pride več sama do zdravnika, je preslaba* ('она не сможет больше прийти сама к врачу, потому что слишком слаба'; <букв. * 'не придет'>).

Отметим, что во всех приведенных примерах решающую роль играют прагматические условия речевого общения, т. е. контекст (как лексический и синтаксический, так и ситуативный).

Verbal aspect in different contexts: a single category or many?

A fundamental issue in the study of verbal aspect as well as other grammatical categories is the question to what extent such categories are uniform. Do they always make essentially the same contribution to utterance meaning, or are the contribution they make in differing contexts only loosely connected to each other?

In the case of aspect, the question is whether the different aspect functions found in actual utterances can be compositionally derived from a more basic aspectual *Gesamtbedeutung* and specific context features, or whether their use is essentially idiomatic as, for example, the use of the second person plural as a politeness strategy in address systems.

Such a question is very difficult to decide on empirical grounds because almost all the features that come into play in models of the interplay of aspectual meaning and context are debatable and there is no general consensus how linguistic form, context and meaning interact in general.

The present paper makes an attempt to approach this issue from an empirical perspective, employing cross-slavic variation in the use of verbal aspect in parallel texts as a proxy for intra-language uniformity of aspect. For this, it examines the distance of the overall patterns of aspect use in different translations of the same text using data aggregation techniques developed in biology. The general approach was demonstrated in Waldenfels (t.a.); a visualization of the use of aspect in the imperative in multiple translations of Bulgakov's *Master i Margarita* is shown in figure 1.

In order to examine the uniformity of the aspect category, such analyses are done for several environments: imperative, negated past events, non-negated past events, and morphological present. The general idea is that if the aggregated differences in use of the aspect category *across environments* is stable, we have found a strong argument advocating a uniform contribution of verbal aspect. Essentially, this would corroborate findings such as that "aspect usage under negation in Rus and Cz can be explained with the semantic categories established by Dickey (2000) on the basis of other aspectual differences between the two languages" (Dickey & Kresin, 2009).

If, conversely, the innerslavic variation of aspect such as described by Barentsen (1998), Dickey (2000) and Benacchio (2010) and confirmed in Waldenfels (t.a.) exhibits very different patterns, these theories would not be falsified; it would then need to be seen whether the environments in question, such as the TAM categories held constant in the study, are really equivalent across Slavic, or whether other contextual or grammatical features are confounding factors.

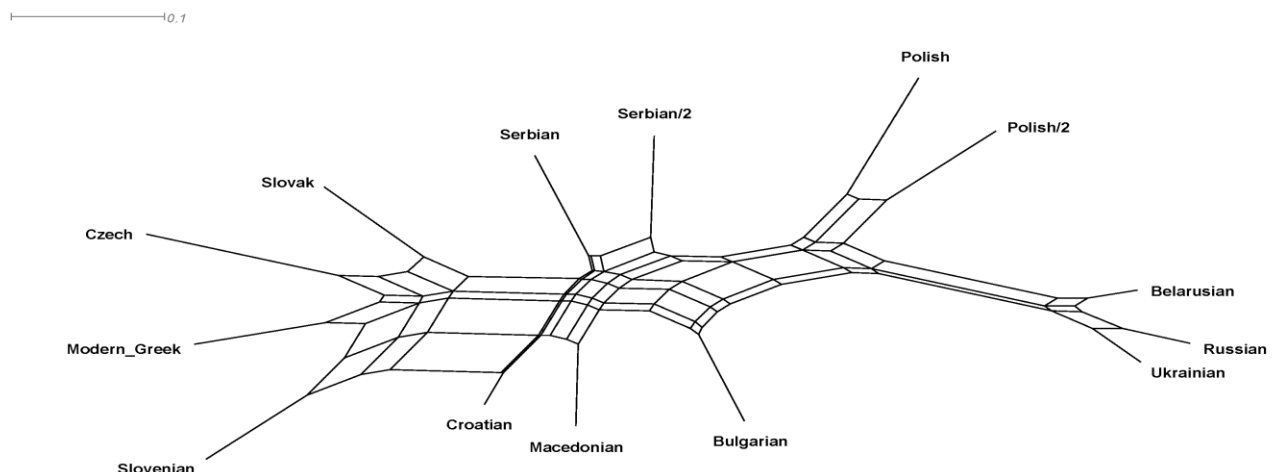

Figure 1: Neighbor-net representation of the use of aspect in the imperative in Slavic and Greek versions of *Master and Margarita* (v. Waldenfels, t.a.).

B. Wiemer (Gutenberg-Universität, Mainz)

Субъективные функции вида как аналог к коренной функции артиклей

Ряд наблюдений позволяет высказать предположение о том, что историческое развитие славянской видовой оппозиции (СВ : НСВ) двигалось и все еще движется в направлении от функций, обусловленных объективными свойствами реальных ситуаций, называемых глагольными лексемами (напр., акциональными свойствами или кратностью), к функциям, которые в известной мере определяются той или иной «точкой зрения» говорящего и которые в этом смысле можно считать «субъективными». Причем «точку зрения» приходится понимать двояко (и ни в коем случае не в этимологическом смысле понятия «вид»!): (а) применительно к случаям, когда выбор вида зависит от субъективной локализации обозначаемых ситуаций, которая берет верх над реальной повторяемостью; (б) применительно к случаям, когда выбор вида обусловлен прагматическими соображениями говорящего и зависит от его оценки пресуппозиций, входящих в речевой акт с той или иной иллюзией, прежде всего директивной. Тип (а) представлен в так наз. «наглядно-экземплярной функции» СВ (см. [Wiemer 2003]), а тип (б) – в императиве без отрицания (см. описание в [Падучева 1996: 66-83]). По-видимому, вес обеих частных функций, влияющих на выбор вида, подлежит ареальной дифференциации, согласующейся с главными выводами Ст. Дики [Dickey 2000]: как тип (а), так и тип (б) особенно отчетливо выступают в современном русском языке, но на протяжении всего славянского ареала в направлении, грубо говоря, с северо-востока к юго-западу оба фактора для выбора вида становятся все менее решающими (см. [Benacchio 2004] по императиву в южнославянских языках). Теоретическое обоснование этому было дано в [Wiemer 2008]. Там же и было высказано предположение, что функциональному расширению видовых функций в сторону большей субъективности можно найти параллели в развитии определенного, а отчасти и неопределенного артиклей в европейских языках.

В докладе я собираюсь продолжить эту мысль, причем второстепенным останется ареальный аспект явления, а главным станут именно категориальные аналогии в развитии этих двух на первый взгляд совершенно различных грамматических категорий. Отправной точкой для сопоставления будут положения [Himmelmann 2004; см. также другие его работы]. В отличие от работы [Dickey 2011] я не ограничусь ни «профилем» всего лишь СВ, ни каким-либо специальным способом действия, а предложу и эскизно проверю ряд более специфических гипотез, касающихся причин и процессов функционального расширения видовой оппозиции в целом. Сопоставления с развитием артиклевых систем будут проведены в первую очередь на основе немецких артиклей и их истории, но также с помощью менее грамматикализованных артиклей в верхне-сербсколужицком разговорном языке (см. [Brec, в печати; Scholze, в печати]) и некоторых типов употребления указательных местоимений прежде всего в западнославянских языках.

N. Zorichina- Nilsson (Göteborgs Universitet)

Вид русского глагола и выражение последовательности однократных действий в будущем

1. Употребление форм совершенного и несовершенного вида в будущем времени по сравнению с прошедшим имеет в русском языке свои особенности. Так, при имеющейся симметрии аспектуально-темпоральных функций соответствующих форм в плане прошедшего и будущего времени наблюдаются также и существенные различия как в частотности употребления видовых форм, так и в специфике реализации частно-видовых значений (см., в частности, [Рассудова 1982 (1968): 72-90; Forsyth 1970: 119-152; Бондарко 1971: 89-94, 102-104; Фичи Джусти 1997, Парешенев 2004, Падучева 2007, Князев 2009]).

Было отмечено, что в будущем времени формы несов. вида употребляются намного реже по сравнению с формами сов. вида, а среди частных значений несов. вида главным, основным, значением является обобщенно-фактическое, в то время как конкретно-процессное и неограниченно-кратное значения уступают ему по своей частотности, а реализация этих значений зависит от аспектуально значимого контекста [Парешенев 2004].

Среди отличительных особенностей семантики несов. вида будущего времени особенно выделяется ее тесная связь с модальностью, в частности с модальностью намерения. Другим важным семантическим компонентом данной формы, реализующимся именно в плане будущего времени, является компонент 'акцент на начальной фазе действия', который, как показала Е. В. Падучева «порождается *проспективной* точкой зрения на ситуацию», что характеризует и будущее время, и императив [Падучева 2007: 66].

2. Настоящее сообщение продолжает исследования функционирования видовых форм в будущем времени: в нем анализируются особенности употребления форм несов. и сов. вида в контексте, выражающем последовательность действий. Таким образом, в анализ по меньшей мере добавляется еще один контекстуальный показатель – синтаксический, связанный с реализацией таксисных отношений в высказывании.

2.1. Контекст, выражающий цепь последовательных действий, принадлежит к особым аспектуально-значимым контекстам в славянских языках (см., в частности, [Dickey 2000 (1997): 203-233; Петрухина 2000: 79-89; Барентсен 2008]). В русском языке последовательность однократных претеритальных действий выражается при помощи глаголов сов. вида, а употребление несов. вида, за редким исключением, требует дополнительных контекстуальных условий, например наличия лексических конкретизаторов длительности (*долго, два часа* и т.п.) и/или показателей последовательности действий (*сначала, потом* и т. п.). Данные условия в целом распространяются и на план будущего времени. Ср.: *Еще несколько ночей будет светить^{ipf} прожектор, беспокоя соседей, потом и он погаснет^{pf}* (Г. Бакланов. Дурень // «Знамя», 2002); *А ты сначала мучиться будешь^{ipf} мною, потом раздражаться^{ipf}, потом тяготиться^{ipf}, а потом...* (А. Берсенева. Возраст третьей любви (2005)).

Однако и для контекста последовательной цепи действий следует отметить случаи, связанные с особенностями функционирования форм несов. вида в плане будущего, в частности с проявлением модальности намерения и/или фазовой интерпретации действия: - *Пойду^{pf} в монастырь и буду там жить^{ipf}, буду ходить^{ipf} в чёрненьком платице, в бархатной шапочке* (Л. Толстой. Отрочество).

2.2. Отдельно рассматривается употребление форм будущего времени в сложноподчиненных предложениях с придаточными времени, выражающими предшествование или следование действия по отношению к действию главного предложения. В зависимости от возможности употребления той или иной видовой формы в будущем времени в придаточной части, а также в зависимости от характера таксисных отношений и семантики союза выделяется несколько типов употребления.

- а) В первом случае употребление форм будущего времени в придаточном невозможно (союз *с тех пор как*): **С тех пор как он уедет^{pf}, он очень изменится.*
- б) Во втором случае преобладает употребление форм будущего совершенного, однако и на его реализацию накладываются ограничения, связанные, в частности, с семантикой союза и типом контролируемости ситуации в будущем. Ср.: *Как только (чуть/лишь/едва только) рассветёт^{pf}, отправимся в путь. Я всё напишу, как только (*чуть/*лишь/ *едва только) приеду^{pf}* (И. Бунин. Чистый понедельник).
- в) В третьем случае, когда придаточное предложение выражает следование по отношению к главному, возможно употребление как форм будущего несов. вида, так и форм будущего сов. вида (союзы *перед тем как, прежде чем как, до того как*): *Выключите свет, перед тем как будете выходить^{ipf}. Представьте себя на сцене прежде, чем выйдете^{pf} на нее.*

- г) В четвертом случае употребление форм несов. вида в общефактическом значении невозможно. Ср.: **Завтра, после того как все будут работать^{ipf}, все будут дружно отдыхать.*
Но: *Завтра все будут работать^{ipf}, а потом все будут дружно отдыхать.*

К редким исключениям употребления форм будущего времени несов. вида финитных глаголов в придаточной части после союзов *после того как*, *как только* при обозначении однократных действий относятся, в частности, глагольные сказуемые, выраженные статальными глаголами, такими как *знать*, *иметь*, *понимать*, *видеть* (в зн. 'понимать'): *Высшая школа может быть создана после того, как мы будем иметь^{ipf} ряд образовательных структур* (Студенческий Петербург, 27 января 2011); *Как только я буду знать^{ipf} подробности, я вам напишу.*

UNIVERSITÀ
DEGLI STUDI
DI PADOVA

**Dipartimento
di Lingue e Letterature
Anglo-Germaniche e Slave**

Comune di Padova